А. ПОСРЕДНИКОВЪ.

СПУТНИКЪ ШКОЛЬНИКА.

Вторая книга для чтенія съ вопросами и планами для устныхъ бесѣдъ.

ВТОРОЙ ГОДЪ ОБУЧЕНІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Складъ изданія: Книжный магазинъ „Учебное Дѣло"
Пет. стор., Большой проспектъ, № 6.
1909.

Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерининскій кан., № 71—6.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая книга состоитъ изъ **четырехъ** отдѣловъ. Отдѣлъ **первый** содержитъ въ себѣ матеріалъ, содержаніемъ своимъ напоминающій отдѣлъ **первый** „Спутникъ Школьника“ — годъ **первый,** только въ большемъ масштабѣ, и для связи которыхъ подъ нѣкоторыми статьями поставлены соотвѣтствующіе вопросы *). При чтеніи статей беллетристическаго содержанія какъ настоящаго, такъ и послѣдующихъ отдѣловъ, необходимо придерживаться слѣдующаго порядка: сначала статья читается отъ точки до точки отдѣльными учащимися и, попутно съ чтеніемъ, объясняются непонятныя слова и выраженія; потомъ статья читается по частямъ или въ цѣломъ, смотря по объему ея, чѣмъ вырабатывается бѣглость въ чтеніи; затѣмъ содержаніе статьи исчерпывается подходящими вопросами, а затѣмъ уже статья передается учащимися въ устномъ пересказѣ, при чемъ пересказъ постепенно сокращается и доводится до краткаго, но вполнѣ точнаго, выраженія содержанія всей статьи, и если можно,—**пословицею**. Стихотворенія и басни, послѣ предварительнаго объяснительнаго чтенія и разбора ихъ по частямъ или по плану,— заучиваются учащимися наизусть. Во **второмъ** отдѣлѣ помѣщено описаніе **временъ года**, при чемъ было принято

*) Вопросы служатъ не только для полученія отвѣта отъ учащихся, но и темами для совмѣстныхъ бесѣдъ учащаго съ учащимися.

во вниманіе все яркое и выпуклое, оттѣняющее одно время года отъ другого, а точно также и постепенная смѣна одного времени года другимъ. Отдѣлъ **третій** всецѣло посвященъ царю природы—человѣку. Въ данномъ отдѣлѣ человѣкъ разсмотрѣнъ какъ съ физической, такъ и душевной стороны и каждое проявленіе этихъ сторонъ иллюстрировано вполнѣ подходящими статьями, баснями и стихотвореніями. Заканчивается настоящій отдѣлъ элементарными свѣдѣніями изъ родиновѣдѣнія, чѣмъ и подготовляетъ учащихся къ пониманію статей отечественной исторіи и географіи. Въ **четвертомъ** отдѣлѣ помѣщенъ матеріалъ для **церковнославянскаго чтенія**, который подобранъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы учащіеся, помимо уроковъ закона божія, могли освоиться съ самыми элементарными свѣдѣніями изъ этого предмета, и что имъ, какъ христіанамъ, необходимо знать.

А. Посредниковъ.

Отдѣлъ первый.

1. Дѣти и солнышко.

Осень. На завалинкѣ дѣти распѣваютъ:—„Взгляни ты, солнышко, насъ согрѣй, ребятокъ“. Солнышко изъ облака

дѣтямъ отвѣчаетъ:—„Дѣти! не одно вѣдь я солнышко на свѣтѣ“.—„Гдѣ-жъ другое солнышко?“ дѣтушки спросили.—„Въ школѣ“, мои милыя, въ школѣ оно было; тамъ, гдѣ васъ неграмотныхъ разуму учили“.

Дѣтки! будьте-жъ умницы: въ школѣ ваше счастье, школа ваше солнышко, грѣетъ и въ ненастье.

Что дѣлаетъ ученикъ въ школѣ? Какія вещи нужны ученику въ школѣ?

2. Школа.

Школа—путь къ добру и свѣту;
Школа знанія даетъ:
Въ ней всегда на все отвѣты
Всякъ желающій найдетъ.

Въ школѣ наше просвѣщенье,—
Школа всѣхъ къ добру ведетъ.
Пусть свое благословенье
Богъ на школу ниспошлетъ!

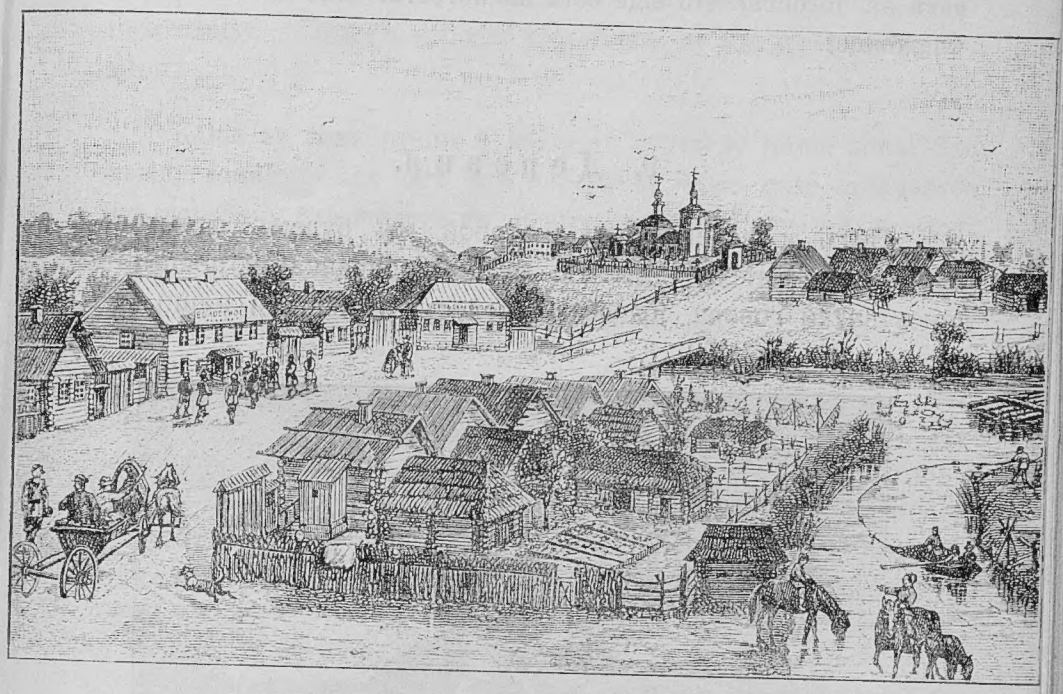
3. Передъ урокомъ.

Школа... Вотъ слышатся звонкія рѣчи... Рѣзвой и шумной толпой, вижу, тѣснятся ребятки у печи, всѣ передъ классной доской. Что тамъ? задачу рѣшаютъ? И въ шумѣ, и въ каждомъ движеньи, въ глазахъ свѣтятся первыя дѣтскія думы, мѣлъ все да грифель въ рукахъ.

Богъ вамъ на помощь, прилежныя дѣти; ну-ка, учитесь смѣлѣй! Сдѣлаютъ вамъ всѣ занятія эти жизнь и сытѣй, и свѣтлѣй!

Въ какой части училища помѣщается нашъ классъ? Сколько въ немъ оконъ, дверей и печей? Куда обращены окна? Чѣмъ выкрашены стѣны, полъ и потолокъ? Какая мебель и какъ она разставлена?

7. Кузминское Село.



Кузминское богатое,
А пуще того грязное
Торговое село.
По косогору тянется,
Потомъ въ оврагъ спускается,
А тамъ опять на горочку—
Какъ грязи тутъ не быть?

Двѣ церкви въ немъ старинныя,
Одна старообрядская,
Другая православная,
Домъ съ надписью: *училище.*
Есть грязная гостинница,
Есть лавки постоянныя
Въ подобіе уѣзднаго
Гостинаго двора.

8. Погостъ.

Глубина небесъ синѣетъ,
Свѣтитъ яркая луна.
Церковь въ сумракѣ бѣлѣетъ,
На погостѣ тишина.
Тишина—не слышно звука.
Не горитъ огня въ селѣ.

Безпробудно скорбь и мука
Спятъ въ кормилицѣ землѣ,
Спитъ въ землѣ нужда—неволя,
Спитъ кручина бѣдняковъ,
Спитъ безвыходная доля!
Миръ вамъ кости мужиковъ!

Чѣмъ погостъ отличается отъ села и отъ деревни? Кто живетъ на погостѣ? Что еще есть на погостѣ? Для чего служитъ кладбище?

---

9. Деревня.

Вотъ и деревня, въ которой мы будемъ отдыхать. Вотъ уже запахло дымомъ, дегтемъ, баранками; послышались звуки говора, шаговъ и колесъ; бубенчики наши ужъ

звенятъ не такъ громко, какъ въ чистомъ полѣ. Съ обѣихъ сторонъ мелькаютъ избы съ соломенными и тесовыми кровлями, рѣзными тесовыми крылечками и маленькими окнами, въ которыя кое-гдѣ просовывается лицо любопытной бабы. Вотъ крестьянскіе мальчики и дѣвочки въ однихъ рубашонкахъ, широко раскрывъ глаза и растопыривъ руки, неподвижно стоятъ на одномъ мѣстѣ, или,

быстро семеня въ пыли босыми ножонками, бѣгутъ за экипажами и стараются взобраться на чемоданы, привязанные сзади... Тпрру! ворота скрипятъ, и мы въѣзжаемъ во дворъ.

Какія въ селѣ улицы и какія въ деревнѣ? Какіе дома? Что между домами? Для чего эти переулки? Чѣмъ село отличается отъ деревни? Кто живетъ въ деревняхъ? Чѣмъ они занимаются?

10. Крестьянская изба.

Мы вошли въ большую и низкую избу. Среди нея выступала большая русская печка; по всей избѣ, по стѣнамъ ея, вдоль и поперекъ, тянулись голыя нары и стояли лавки, да два большихъ простыхъ стола; въ переднемъ углу висѣла икона, по стѣнамъ на гвоздикахъ кое-гдѣ развѣшаны кафтаны, полушубки и шапки,—вотъ и все убранство этой избы.

Какія вещи находятся въ жилой комнатѣ? Какую вы знаете мебель и посуду? Изъ чего дѣлается посуда? Разскажите, какъ строятъ дома? (фундаментъ, стѣны, крыша, полы и потолокъ, окна и двери, печи, штукатурка, окраска, молебствіе и новоселье). Какая разница между крестьянскою избою и городскимъ домомъ?

11. Въ избѣ.

Вечеръ зимній длится;
Дѣдушка въ избѣ
На печи ложится
И ужъ спитъ себѣ.
Помоляся Богу,
Улеглася мать,
Дѣти понемногу
Стали засыпать.
Только за работой
Молодая дочь
Борется съ дремотой
Во всю долгу ночь.

12. На дворѣ.

Гуляютъ на дворѣ, толкуютъ межъ собою курочка-погребушечка, гуска-водоплюска, утка-поплавутка, бѣлая козонька, пестрая свинушка. Курочка говоритъ: „тю-укъ, тю-укъ! вотъ погребла я зернышекъ“.

Гусынька отвѣчаетъ: „я распущу крылышки, га-га-га-га... побѣгу въ прудъ: тамъ найду червячковъ“.

— Уть-уть-уть, молвила утушка: и я за тобою.

Козонька сердито кричитъ: „меке-меке! Когда-жъ насъ поведутъ на лугъ?“

— Бя-бя-бя, отозвался баранъ изъ хлѣва: правду говоришь, правду.

А коровка мычитъ: му-му-му! и по моему такъ.

— Хрю-хрю-хрю! захрюкала свинушка: „идите, куда хотите, а мнѣ хорошо и здѣсь, въ лужицѣ“.

13. Домашнія животныя и дикіе звѣри.

Наши домашнія животныя: лошади, коровы, овцы, козы, свиньи, собаки и кошки—всѣ живутъ подлѣ людей; а дикіе звѣри: волки, медвѣди, лисицы, бѣлки и многіе другіе—живутъ въ лѣсу. Каждое домашнее животное приноситъ людямъ пользу; дикіе же звѣри либо вредятъ людямъ, либо пригодны человѣку только тогда, когда онъ ихъ убьетъ.

О своихъ домашнихъ животныхъ человѣкъ заботится: даетъ имъ **кровъ** и пищу; дикіе звѣри промышляютъ сами о себѣ и о своихъ дѣтенышахъ. Домашнія животныя привыкли къ человѣку и не боятся его, а дикій звѣрь либо убѣгаетъ отъ него, или нападаетъ на него, какъ на своего врага.

Наши домашнія животныя въ давнее давнее время были тоже дикими, но люди понемногу ихъ **приручили** къ

себѣ разными способами и сдѣлали своими работниками, стали пользоваться отъ нихъ то шерстью, то молокомъ, то масломъ. Коровъ, лошадей и другихъ домашнихъ животныхъ удалось человѣку приручить потому, что они нравомъ, смирны и понятливы; а волка и медвѣдя никому не удалось приручить окончательно, потому что они лютые звѣри.

Какихъ животныхъ называютъ домашними и какихъ дикими? Какія животныя питаются травою? Какъ ихъ поэтому называютъ? Какія животныя питаются мясомъ? Какъ ихъ называютъ? Почему у хищныхъ животныхъ на ногахъ когти, а не копыта? Какую пользу приносятъ: корова, лошадь, овца, свинья, собака, кошка?

14. Есть чѣмъ и похвастаться.

Хвастались между собою волкъ, медвѣдь и лисица.

— „Ужъ сколько я овечекъ потаскалъ изъ стада! говорилъ волкъ: чуть пастухъ оплошалъ—я подкрадусь и хвать изъ-за кустовъ. Собака-то рычитъ, лаетъ, пастухъ бѣжитъ съ дубиной, а я ужъ далеко ускакалъ въ лѣсъ и уплетаю себѣ добычу такъ, что только зубы пощелкиваютъ".

— „ Что овечки: отвѣчалъ медвѣдь: я и хлѣвъ изломаю, быка сомну... попадись-ка ко мнѣ въ лапы!".

— „Вотъ, заговорила лиса: вы и берете только силой; а ну-тка проберитесь, какъ я, въ курятникъ. Тишкомъ все высмотрю, найду лазейку, да хапъ-хапъ втихомолку, а потомъ уйду и слѣды запутаю такъ, что не отыщутъ. Да что толковать: уже меня знаютъ куры!"

Случись—летѣла мимо ворона и молвила: „Каръ-каръ-куры! а скоро быть вамъ всѣмъ безъ шкуры!"

15. Мышь и Крыса.

„Сосѣдка! слышала-ль ты добрую молву?“
Вбѣжавши Крысѣ Мышь сказала:
„Вѣдь кошка, говорятъ, попалась въ когти льву!
Вотъ отдохнуть и намъ пора настала!“
— „Не радуйся, мой свѣтъ“,
Ей Крыса говоритъ въ отвѣтъ,
„И не надѣйся по-пустому!
Коль до когтей у нихъ дойдетъ,
То, вѣрно, льву не быть живому:
Сильнѣе кошки звѣря нѣтъ!“

Какую пословицу можно примѣнить къ этой баснѣ?

---

16. Пища животныхъ.

Наши домашнія животныя употребляютъ въ пищу не одно и то же: коровѣ, овцѣ и лошади нужна трава—свѣжая и сухая; а кошкѣ и собакѣ кусокъ мяса или косточка лучше цѣлаго стога сѣна. Такъ и между дикими звѣрями: одни питаются растеніями, другіе мясомъ. Всѣ тѣ животныя, которыя питаются растеніями, называются **травоядными животными,** тѣ же, которыя употребляютъ въ пищу мясо другихъ животныхъ, называются **плотоядными** или **хищными** животными.

Одни травоядныя животныя, какъ напримѣръ: коза, овца, лошадь, корова, щиплютъ траву, потомъ ее пережевываютъ; другія же питаются не травой, а или корой дерева, или сѣменами растеній, при чемъ пищу свою они отгрызаютъ такими маленькими кусочками, что и жевать ее уже не нужно; такъ напримѣръ: заяцъ грызетъ кору молодыхъ деревьевъ, бѣлка любитъ грызть орѣхи, сосновыя и еловыя шишки, а суслики и полевыя мыши питаются зернами хлѣба, растущаго въ полѣ. Такія животныя называются **грызунами.**

Между хищными животными, которыя питаются мясомъ другихъ животныхъ, есть и такія, которыя употребляютъ въ пищу только насѣкомыхъ; такъ напримѣръ: летучая мышь ночью ловитъ бабочекъ, комаровъ и мушекъ, а кротъ, который роется въ землѣ, поѣдаетъ тамъ **личинокъ** жуковъ. Такія животныя называются **насѣкомоядными.**

17. Какіе зубы у животныхъ.

У всѣхъ травоядныхъ животныхъ **коренные** зубы, какъ жернова,—плоскіе, широкіе. Ими они травку перетираютъ, жвачку жуютъ. Такъ что и вцѣпилась-бы овца въ злодѣя—волка, да взяться нечѣмъ: подходящихъ зубовъ нѣтъ.

У лисицы-разбойницы, у волка-злодѣя по двѣ пары длинныхъ и острыхъ, какъ шило, **клыковъ.** Запуститъ хищникъ такіе зубы въ живое тѣло,—и поминай, какъ звали.

У мышки, зайца, бѣлки и крысы по двѣ пары острыхъ и длинныхъ **рѣзцовъ** спереди; безъ устали грызутъ они всякую растительную пищу. Какъ-же назвать ихъ?

У свинки, золотой щетинки, всякіе зубы есть — ѣшь что хочешь. Она и не брезгуетъ ничѣмъ. Какъ-же назвать ее?

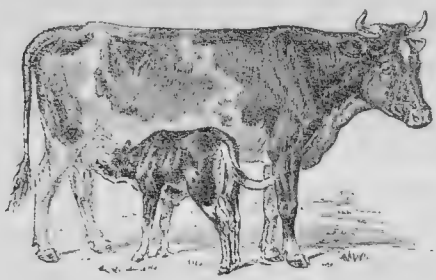
18. Корова.

Была у насъ корова, да такая бодливая, что бѣда. Помучились съ ней и мать, и сестры. Бывало прогонятъ въ стадо, а она или домой въ полдень прибѣжитъ, или во ржи очутится. Особенно, когда у нея былъ теленокъ—удержу нѣтъ! Разъ даже весь хлѣвъ рогами разворотила, къ теленку билась, а рога-то у нея были длинные да прямые. Ужъ не разъ собирался отецъ ей рога отпилить, да какъ-то все откладывалъ.

Вотъ разъ лѣтомъ подоила мать корову, выпустила теленочка и говоритъ сестрѣ, дѣвочкѣ этакъ лѣтъ двѣнад-

цати: „Погони, Ѳеня, ихъ къ рѣчкѣ, пусть по бережку пасутся“. Взяла Ѳеня хворостину, пригнала на бережокъ, пустила пастись, а сама подъ вербой сѣла и стала вѣнокъ плести: плететъ и пѣсенку поетъ.

Вдругъ слышитъ Ѳеня что-то въ кустахъ ивняка зашуршало; глядитъ—что-то сѣрое сквозь кусты пробирается. Дѣвочка подумала, что это наша собака Сѣрко. Ѳеня волка никогда не видала. Стала уже Ѳеня собаку манить: „Сѣрко, Сѣрко!“ — вдругъ смотритъ — теленокъ, а за нимъ корова несутся прямо на нее, какъ бѣшеные. Ѳеня вскочила, прижалась къ вербѣ, теленокъ къ ней, а корова ихъ обоихъ задомъ къ дереву прижала, голову наклонила, реветъ, передними копытами землю роетъ, а рога-то прямо волку выставила. Ѳеня перепугалась, обхватила дерево обѣими руками, кричать хочетъ—голосу нѣтъ! А волкъ прямо на корову кинулся, да и отскочилъ: съ перваго раза, видно, задѣла его рогомъ.



Сталъ волкъ кидаться то съ той, то съ другой стороны, чтобы какъ-нибудь съ боку въ корову вцѣпиться, или теленка отхватить. Да нѣтъ,—куда ни кинется, вездѣ рога ему навстрѣчу. Стала тутъ дѣвочка кричать, на помощь звать. Наши мужички пахали недалеко, услышали, что и корова-то реветъ и дѣвочка кричитъ, кинули сохи и прибѣжали на крикъ.

Какъ завидѣлъ волкъ, что люди бѣгутъ, огрызнулся еще раза—два, да и въ кусты. Ѳеню едва домой довели—такъ перепугалась дѣвочка. Порадовался тогда отецъ, что не отпилилъ коровѣ роговъ.

Наружность коровы. Цвѣтъ шерсти. Чѣмъ питается. Нравъ коровы. Польза отъ коровы.

19. Выгонъ стада.

Не будите молоду
Ранымъ-рано поутру;
Вы тогда меня будите,
Когда солнышко взойдетъ,
Когда красное проглянетъ
Пастухъ выйдетъ на лужокъ,
Заиграетъ во рожокъ;
Хорошо пастухъ играетъ,
Выговариваетъ:

„Вставай, дѣвки, вставай, бабы!
Вставай, малые ребята!
Выгоняйте вы скотину
На широкую долину,
На зелену луговину!“
Гонятъ дѣвки, гонятъ бабы,
Гонятъ малые ребята,
Гонятъ стары старики,
Почтенные мужики.

Когда выгоняютъ стадо въ поле? Кто его гонитъ?

20. Возвращеніе стада домой.

Стадо вернулось домой. Ребятишки разогнали коровъ по дворамъ. Тамъ ихъ встрѣтили хозяйки и загнали въ хлѣвъ. Маленькія дѣвочки помогаютъ своимъ матерямъ: онѣ тащатъ подойники, и хозяйки скорѣе принимаются за доеніе коровъ.

Коровы ѣли въ полѣ цвѣты и сочную траву. Въ тѣлѣ ихъ все это превратилось въ сладкое молоко, которое собралось въ **вымя**. Коровъ доятъ два раза въ день, утромъ и вечеромъ. На молокѣ отстаиваются **сливки**. Изъ сливокъ сбиваютъ **масло**, а изъ молока приготовляютъ **сыръ**.

21. Воронокъ.

Насъ было три брата, и всѣ мы любили ѣздить верхомъ. Ѣздить намъ позволяли только на одной старой лошади; эту лошадь звали Воронкомъ.

Одинъ разъ матушка позволила намъ ѣздить верхомъ, и мы всѣ пошли въ конюшню съ дядькой. Кучеръ осѣдлалъ намъ Воронка, и первый поѣхалъ старшій братъ. Онъ долго ѣздилъ: ѣздилъ на гумно и кругомъ сада, и когда онъ подъѣзжалъ назадъ, мы закричали: „ну, теперь проскачи!“

Старшій братъ сталъ бить Воронка ногами и хлыстомъ, и воронокъ проскакалъ мимо насъ. Послѣ старшаго брата сѣлъ другой братъ; и онъ ѣздилъ долго, и тоже хлыстомъ разогналъ Воронка и проскакалъ изъ-подъ горы.

Когда пришелъ мой чередъ, я хотѣлъ удивить братьевъ и показать имъ, какъ я хорошо ѣзжу,—сталъ погонять Воронка изо-всѣхъ силъ; но сколько я не колотилъ его, онъ только трусилъ и заворачивалъ все назадъ.

Тогда дядька покачалъ головой и сказалъ:—„Ахъ, сударь, жалости въ васъ нѣтъ! Лошадь измучена, насилу дышитъ, да и стара, а вы такъ ее мучаете!“

Мнѣ такъ стало жалко Воронка, что я сталъ цѣловать его въ потную шею и просить у него прощенія за то, что я его билъ. Съ тѣхъ поръ я всегда жалѣю лошадей, когда вижу, что ихъ бьютъ и мучатъ.

Какого цвѣта бываетъ шерсть у лошадей? Польза отъ нихъ человѣку.

22. Сивка.

Много лѣтъ мужику была сивка вѣрна,
Вмѣстѣ голодъ да трудъ выносила;
Но теперь вдругъ въ сохѣ пошатнулась она
И на пашнѣ свой духъ испустила.

Тутъ заплакалъ мужикъ, сталъ надъ ней причитать,
Разводя безнадежно руками...
Дальше горя его ни перомъ описать
И не высказать больше словами.

23. На кнутѣ далеко не уѣдешь.

Подъ жестокой рукой человѣка
Чуть жива, безобразно тоща,
Надрывается лошадь-калѣка,
Непосильную ношу таща,
Вотъ она зашаталась и стала.
„Ну!“ погонщикъ полѣно схватилъ,
Показалось кнута ему мало,—
И ужъ билъ ее, билъ ее, билъ!
Ноги какъ-то разставивъ широко,
Вся дымясь, осѣдая назадъ,
Лошадь только вздыхала глубоко
И глядѣла... Такъ люди глядятъ,
Покоряясь неправымъ нападкамъ...
Онъ опять: по спинѣ, по бокамъ,
И впередъ забѣжавъ, по лопаткамъ,
И по плачущимъ, кроткимъ глазамъ!
Все напрасно! Кляченка стояла,
Полосатая вся отъ кнута,
Лишь на каждый ударъ отвѣчала
Равномѣрнымъ движеньемъ хвоста.
Это праздныхъ прохожихъ смѣшило,
Каждый вставилъ словечко свое;
Я сердился и думалъ уныло:
Не вступиться-ли мнѣ за нее?

24. Безъ кнута.

Случалось мнѣ ѣзжать со старикомъ-извозчикомъ на Петькѣ его (такъ называлъ онъ свою лошадь); и запримѣтилъ я, что у старика и кнута нѣтъ, а Петька слушаетъ его голосъ лучше кнута, хоть никогда старикъ не кричалъ на него сердито, а все ласково.

И слышу я, разъ разговариваетъ старикъ съ Петькой своимъ, все равно какъ съ сыномъ, ласково такъ: „Ну, вотъ тебѣ, разбойникъ, и мягко бѣжать! Отдохнутъ копытца-то... О-охъ ты воръ,—Петька!“ А Петька взмахнетъ головой, вильнетъ хвостомъ и бѣжитъ очень весело, словно онъ понимаетъ рѣчь хозяйскую.

„Никакъ тебя разумѣетъ конишка твой?“ спросилъ я извозчика.

„А разумѣетъ, сударь ты мой! Еще-ль ему не разумѣть, коли онъ двѣнадцать лѣтъ живетъ и двѣнадцать лѣтъ другого хозяина, кромѣ меня, не знаетъ,—безотлучно при мнѣ

и выросъ; все разумѣетъ!.. Вотъ только скажу: стой, Петька! — онъ и стоитъ“. Не успѣлъ старикъ докончить словъ, какъ Петька на всемъ ходу вдругъ остановился; я клюнулъ носомъ въ шапку старика—оба мы разсмѣялись.

„Ахъ ты, воръ!.. Пошелъ!“ крикнулъ извозчикъ и Петька опять пустился рысью, и все помахиваетъ хвостомъ.

„Вишь ты, проворъ кривой!“ посмѣиваясь журилъ его старикъ, и лошадка какъ будто въ самомъ дѣлѣ понимала шутку,—рысила, прискакивала и головой пошатывала.

„Онъ у меня съ роду кнута не пробовалъ: онъ животина дружественная, онъ, то-есть, прости Господи согрѣшеніе, души не имѣетъ, а все единственно другъ!..“

Я попросилъ его ѣхать шагомъ. Старикъ тронулъ вожжу, „Легче, легче, шажкомъ пойдемъ!“ промолвилъ онъ тихо. Петька поубавилъ рыси и совсѣмъ пошелъ шагомъ.

Назвать животныхъ, на которыхъ ѣздитъ человѣкъ. Сбруя и экипажи.

25. Добрый совѣтъ.

Померъ старикъ со старухою, остался у нихъ сынъ сирота. Взялъ его къ себѣ дядя и заставилъ овецъ пасти.

Ни много, ни мало прошло времени, призываетъ дядя племянника, хочетъ попытать у него ума-разума и говоритъ ему: „Вотъ тебѣ сотня барановъ, гони ихъ на ярмарку да продай съ барышомъ, чтобы и бараны были цѣлы, и деньги сполна выручены“.

Что тутъ дѣлать! Заплакалъ бѣдняга и погналъ барановъ въ чистое поле; выгналъ, сѣлъ на дорогѣ и задумался о своемъ горѣ.

Идетъ мимо дѣвица: „О чемъ слезы льешь, добрый мо-

лодецъ?“—„Какъ-же мнѣ не плакать? Нѣтъ у меня ни отца, ни матери; одинъ дядя, и тотъ обижаетъ!“

— „Какую-жъ обиду онъ тебѣ дѣлаетъ?“—„Да вотъ послалъ на ярмарку, велѣлъ баранами торговать, да такъ, чтобы и бараны были цѣлы, и деньги сполна выручены“.

„Ну, это хитрость не большая! Найми-ка ты бабъ, да остриги барановъ, а шерсть отнеси на ярмарку и продай: вотъ у тебя и бараны цѣлы останутся, и деньги будутъ“. Парень такъ и сдѣлалъ: продалъ шерсть, пригналъ стадо домой и отдалъ дядѣ вырученныя деньги.

Что дѣлаютъ изъ овечьей шерсти? Изъ овчинъ? Куда идетъ мясо? сало? рога? копыта?

26. Волкъ и пастухи.

Волкъ, близко обходя пастушій дворъ,
И видя сквозь заборъ,
Что, выбравъ лучшаго себѣ барана въ стадѣ,
Спокойно пастухи барана потрошатъ,
А псы смирнехонько лежатъ,
Самъ молвилъ про себя, прочь уходя въ досадѣ:
— „Какой-бы шумъ вы всѣ здѣсь подняли, друзья,
Когда-бы это сдѣлалъ я!“

Что такое волкъ? Наружность его, пища, жилище и польза.

27. Козелъ и овца.

Повадился козелъ въ огородъ ходить. Какъ только пастухи выгонятъ стадо, онъ и отправляется прямо въ капусту. Разъ пошелъ онъ знакомымъ путемъ въ огородъ. Въ это время овца отбилась отъ стада; зашла она въ крапиву, и не знаетъ, какъ ей выйти. Увидала она козла и обрадовалась ему, какъ родному брату. „Пойду за нимъ“, подумала овца,—„онъ меня выведетъ на дорогу“.

И пошла овца за козломъ. Онъ черезъ оврагъ—и она черезъ оврагъ, козелъ черезъ тынъ — и овца за нимъ, да и попала вмѣстѣ съ козломъ въ огородъ и пошла прыгать по грядамъ.

На этотъ разъ огороднику случилось заглянуть на свою капусту. Увидалъ онъ незванныхъ гостей, схватилъ хворостину и побѣжалъ на огородъ. Козелъ прыгнулъ черезъ тынъ и пошелъ себѣ въ поле; а бѣдная овца растерялась, стала кидаться во всѣ стороны и попала въ бѣду.

Пришла овца домой и плачется на козла: „Этакій обидчикъ, завелъ меня да и покинулъ; мнѣ за все и досталось“. А козелъ и говоритъ: „А кто тебѣ велѣлъ за мной ходить? Я тебя не звалъ“.

Сравните овцу съ козломъ.

28. Лиса и козелъ.

Бѣжала лиса, засмотрѣлась по сторонамъ — и попала въ колодецъ. Воды въ колодцѣ было немного: утонуть нельзя, да и выскочить тоже. Сидитъ лиса, горюетъ. Идетъ козелъ, идетъ, бородой трясетъ, рогами мотаетъ. Заглянулъ онъ, отъ нечего дѣлать, въ колодецъ, увидалъ тамъ лису и спрашиваетъ: „Что ты тамъ, лисанька, подѣлываешь?“

„Отдыхаю, голубчикъ“, отвѣчала лиса: „тамъ наверху жарко, такъ я сюда и забралась. Ужъ какъ здѣсь прохладно да хорошо! Водицы холодненькой—сколько хочешь“.

А козлу давно пить хочется. „Хороша-ли вода-то?“ спрашиваетъ онъ.—„Отличная“, отвѣчаетъ лиса: „чистая, холодная. Прыгай сюда, коли хочешь; здѣсь обоимъ намъ мѣсто будетъ“. Козелъ и прыгнулъ, чуть лисы не задавилъ:

а она ему: — „Эхъ, ты! и прыгнуть-то не умѣлъ, всю обрызгалъ".

Вскочила лиса козлу на спину, со спины на рога, да и вонъ изъ колодца. Чуть было не пропалъ козелъ съ голоду въ колодцѣ; насилу-то его отыскали и за рога бородатаго дурня вытащили.

Наружность лисы. Чѣмъ отличается лиса отъ другихъ животныхъ по характеру?

29. Ягненокъ.

Ягненокъ сдуру,
Надѣвши волчью шкуру,
Пошелъ по стаду въ ней гулять:
Ягненокъ лишь хотѣлъ пощеголять;
Но псы, увидѣвши повѣсу,
Подумали, что волкъ пришелъ изъ лѣсу,
Вскочили, кинулись къ нему, свалили съ ногъ,
И, прежде нежели опомниться онъ могъ,
Чуть по клочкамъ его не расхватили.
По счастью пастухи, узнавъ, его отбили;
Но побывать у псовъ не шутка на зубахъ:
Бѣдняжка отъ такой тревоги
Насилу доволокъ въ овчарню ноги.

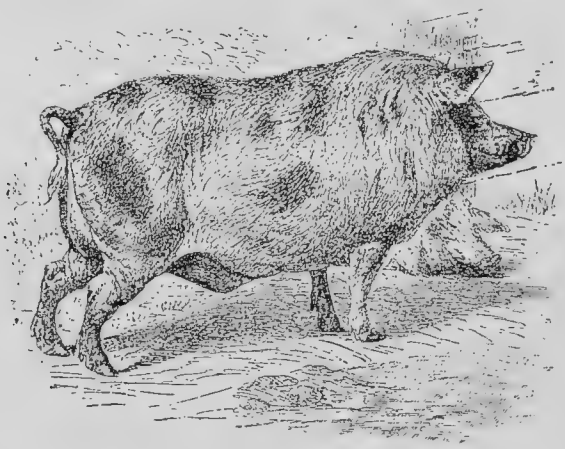
30. Свинья.

Свинья—самое неразборчивое въ пищѣ животное. Всякіе отбросы, не исключая кусковъ кожи, старыхъ разбухшихъ башмаковъ, подошвъ,—все служитъ ей въ пищу, все поступаетъ въ ея объемистый крѣпкій желудокъ. Если попадется ей мышь или крыса, она и ихъ съѣдаетъ. Были не разъ случаи, что свинья объѣдала ножки у грудныхъ дѣтей, которыя были оставлены безъ присмотра.

Свинья — животное грубое, нечистоплотное, дикое въ своихъ привычкахъ и поступкахъ. Понятливость этого жи-

вотнаго не особенно велика, хотя эту понятливость можно немного развить обученіемъ.

Но свиней разводятъ не для того, чтобы пользоваться ихъ умомъ: свиное мясо идетъ въ пищу, сало также употребляется въ кушанья, а свиная щетина служитъ для выдѣлки всякихъ щетокъ.



31. Свинья.

Свинья на барскій дворъ когда-то затесалась;
Вокругъ конюшенъ тамъ и кухонь наслонялась;
Въ сору, въ навозѣ извалялась;
Въ помояхъ по уши до сыта накупалась,
И изъ гостей домой
Пришла свинья-свиньей.
„Ну, что-жъ, Хавронья, тамъ ты видѣла такого?“
Свинью спросилъ пастухъ,
„Вѣдь идетъ слухъ,
Что все у богачей лишь бисеръ да жемчугъ;
А въ домѣ такъ одно богатѣе другого?“
Хавронья хрюкаетъ: „Ну, право, порютъ вздоръ;
Я не примѣтила богатства никакого;
Все лишь навозъ да соръ;
А, кажется, ужъ, не жалѣя рыла,
Я тамъ изрыла
Весь задній дворъ“.

32. Вѣрный другъ.

У одного крестьянина была большая собака. Стала она стара и уже не могла сторожить хозяйское добро. Не захотѣлось крестьянину кормить даромъ собаку.

Поѣхалъ онъ съ нею на лодкѣ и взялъ съ собою веревку да камень. Отъѣхалъ подальше отъ берега, сталъ камень на веревку привязывать. Смотритъ на него собака умными глазами, будто понимаетъ, что затѣваетъ ея хозяинъ. Привязалъ крестьянинъ камень на шею собаки, всталъ и ударомъ ноги сбросилъ собаку въ воду.

Собака исчезла; но при этомъ лодка сильно наклонилась на бокъ, крестьянинъ не удержался и самъ упалъ въ воду. Захлестнула его волна, совсѣмъ было тонуть сталъ.

Вдругъ чувствуетъ, кто-то его тащитъ. А это его собака: камень у нея отвязался, и она бросилась спасать хозяина. Схватила зубами за платье, выплыла съ нимъ къ берегу и растянулась чуть живая.

Заплакалъ хозяинъ, обнялъ собаку, и стало ему стыдно и больно. До самой смерти кормилъ и холилъ онъ вѣрнаго своего друга.

33. Собака и Лошадь.

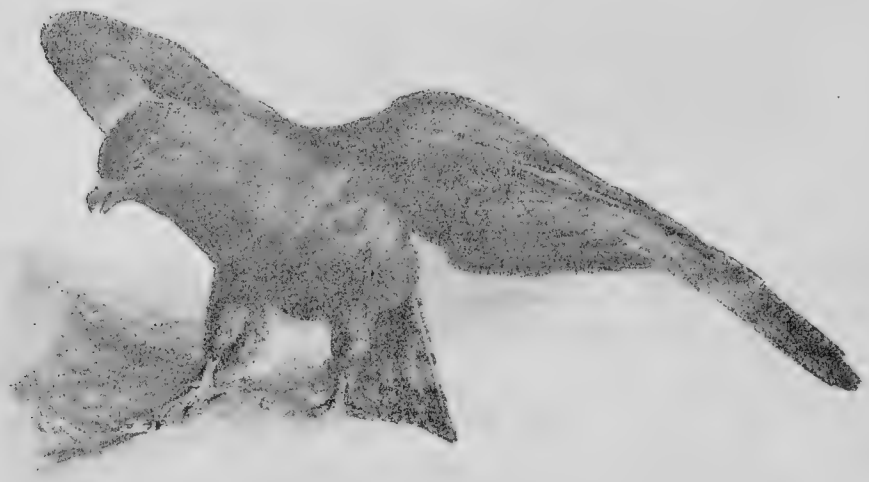
У одного крестьянина служа,
Собака съ лошадью считаться какъ-то стали.
„Вотъ“, говоритъ Барбосъ,—„большая госпожа!
По мнѣ, хоть-бы тебя совсѣмъ со двора согнали.
Велика вещь возить или пахать!
Объ удальствѣ твоемъ другого не слыхать;
И можно-ли тебѣ равняться въ чемъ со мною
Ни днемъ, ни ночью я не вѣдаю покою:
Днемъ стадо подъ моимъ надзоромъ на лугу,

А ночью домъ я стерегу".
— „Конечно", Лошадь отвѣчала,
„Твоя правдива рѣчь;
Однако-же, когда-бъ я не пахала,
То нечего-бъ тебѣ здѣсь было и стеречь".

Что думала собака о трудѣ лошади? Какимъ собака считала свой трудъ? Что отвѣтила лошадь?

34. Орелъ и кошка.

За деревней весело играла кошка со своими котятами. Вдругъ, откуда ни возьмись, огромный орелъ. Какъ молнія, спустился онъ съ вышины и схватилъ одного котенка. Но



не успѣлъ еще орелъ подняться, какъ мать уже вцѣпилась въ него. Хищникъ бросилъ котенка и схватился со старой кошкой. Закипѣла битва на смерть.

У орла были могучія крылья, крѣпкій клювъ, сильныя лапы съ длинными кривыми когтями, ему было легче побороть кошку: онъ рвалъ ее кожу и выклевалъ ей одинъ глазъ.

Но кошка не сплоховала: она крѣпко вцѣпилась въ орла

когтями и перекусила ему крыло. Однако-же орелъ все еще силенъ, а кошка уже устала; и вотъ она собрала свои послѣднія силы, сдѣлала ловкій прыжокъ и повалила орла на землю. Въ ту же минуту вцѣпилась она въ шею орла зубами и перекусила ему горло, а потомъ, забывъ собственныя свои раны, принялась облизывать своего израненнаго котенка.

Для чего держатъ въ домѣ кошку?

35. Собака и кошка.

Собака съ кошкою къ хозяину вбѣжали
И другъ на друга жалуясь, визжали.
„Ой, въ ногу укусилъ меня негодный песъ!“
— Кошурка исцарапала мнѣ носъ!
„Я видѣла: Трезоръ тайкомъ стянулъ жаркое“.
— Слизала Машка молоко парное.
— „Воришки оба вы“! хозяйскій былъ отвѣтъ:
„И ладу между вами нѣтъ, какъ нѣтъ;
Про васъ давнымъ давно такая рѣчь ведется,
Собака съ кошкой ввѣкъ не уживется.
Ступайте съ глазъ долой!“ хозяинъ закричалъ
И отъ себя обоихъ ихъ прогналъ.

36. Котъ и мыши.

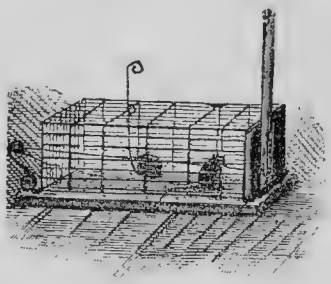
Стало мышамъ плохо жить отъ кота. Что ни день, то двухъ-трехъ заѣстъ. Сошлись разъ мыши и стали судить, какъ-бы имъ отъ кота спастись. Судили-судили, ничего не могли придумать.

Вотъ одна мышка и говоритъ: „Я вамъ скажу, какъ отъ кота спастись. Вѣдь мы потому и гибнемъ, что не знаемъ, когда онъ къ намъ идетъ. Надо коту на шею звонокъ надѣть, чтобы онъ гремѣлъ. Тогда всякій разъ, какъ онъ будетъ отъ насъ близко, намъ слышно станетъ, и мы уйдемъ“.

„Это бы хорошо, сказала старая мышь, да надо кому нибудь звонокъ на кота надѣть. Вздумала ты хорошо, а вотъ навяжи-ка звонокъ коту на шею, тогда мы тебѣ спасибо скажемъ".

37. Мышка.

Вышла мышка изъ своей норки и увидѣла ловушку. „Ага!—сказала она.—Это ловушка. Какіе хитрые эти люди! Сдѣлали ловушку, повѣсили кусочекъ сала и хотятъ заманить насъ. Но меня за носъ не проведешь; я знаю: какъ только дотронешься до сала,—трахъ! бухъ! ловушка и захлопнется".



Потомъ мышка подумала немножко и говоритъ: „А вѣдь понюхать, кажется, можно. Отъ этого ловушка не захлопнется. А я очень люблю запахъ сала. Дай, понюхаю немножко!" Подбѣжала мышка къ ловушкѣ; но едва дотронулась до сала, какъ ловушка—хлопъ! И осталась наша мышка въ ловушкѣ...

38. Полевая мышка.

Трусливый сѣренькій звѣрекъ! Великъ-же твой испугъ: ты ногъ не слышишь, бѣдный, подъ собой... Поменьше трусь!.. Вѣдь я не золъ,—и за тобой не погонюсь. Воришка ты; но какъ-же быть? Чѣмъ сталъ-бы ты, бѣдняжка, жить? Неужто колоса не взять тебѣ въ запасъ, когда такая благодать въ поляхъ у насъ?

Твой бѣдный домикъ разоренъ: почти съ землей сравнялся онъ; и станешь вновь искать ты мховъ на новый домъ, а вѣтеръ грозенъ и суровъ шумитъ кругомъ...

39. Домовой.

Бываетъ такъ, что хозяинъ у себя въ конюшнѣ утромъ часто видитъ мокрыхъ отъ пота лошадей, измученныхъ, дрожащихъ, какъ будто съ испуга; гривы перепутаны. И онъ не знаетъ, что объ этомъ подумать. „Ужъ не домовой-ли?“— думаетъ со страхомъ хозяинъ.

Вотъ одинъ хозяинъ захотѣлъ подкараулить и посмотрѣть, что это за штука такая—**домовой**. Сталъ этотъ хозяинъ сидѣть по ночамъ въ конюшнѣ и смотрѣть; просидѣлъ онъ нѣсколько ночей и все узналъ. Онъ видѣлъ, какъ ночью лошади, то одна, то другая, били ногами, мотали головами, пугливо фыркали, и въ концѣ-концовъ такъ измучивались, словно на нихъ и вправду цѣлую ночь кто-нибудь ѣздилъ. Присмотрѣлся хорошенько онъ и увидѣлъ, что причиною былъ маленькій звѣрекъ—**ласка**.

Звѣрекъ этотъ бѣгаетъ по ногамъ, спинѣ и шеѣ лошади и своими когтями такъ мучительно щекочетъ лошадь, что она, не помня себя, бьетъ ногами, рвется и вся измучивается. Играя въ гривѣ, ласка такъ запутываетъ ее, что потомъ трудно ее распутать.

По совѣту сосѣда, — хозяинъ завелъ на конюшнѣ козла. Послѣ этого ласка оставила въ покоѣ лошадей, а по ночамъ стала играть и кувыркаться въ густой, длинной козлиной шерсти.

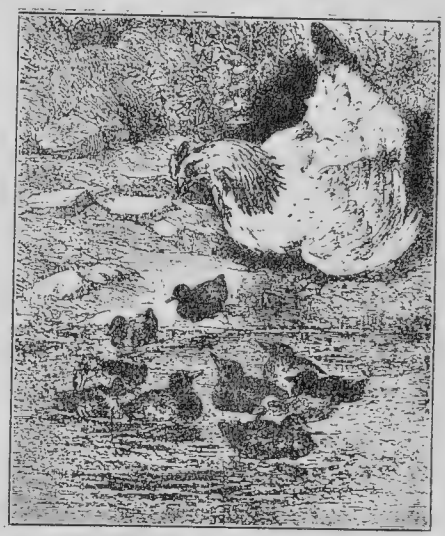
---

40. Курица и утята.

По сосѣдству отъ меня, въ одной деревушкѣ, крестьянка подложила подъ курицу двѣнадцать **кряковыхъ** яицъ; утята вывелись, воспитались въ стаѣ домашнихъ утятъ и привыкли вмѣстѣ съ ними ѣсть кормъ. Осенью понадобилось корму больше. Чтобы не тратиться даромъ,

крестьянка продала восемь утятъ, а двухъ молодыхъ селезней и двухъ утокъ оставила на племя; но черезъ нѣсколько недѣль они улетѣли и пропали.

На слѣдующую весну бѣглецы воротились на тотъ же прудъ и стали попрежнему жить и ѣсть кормъ съ дворовыми утками. Осенью одна пара опять улетѣла, а другая осталась зимовать; а въ слѣдующую весну утка нанесла яицъ и вывела десять утокъ, изъ числа которыхъ я самъ купилъ четырехъ. Крестьянка опять оставила пару и потомство ихъ совершенно смѣшалось и ничѣмъ уже не отличалось отъ домашнихъ утокъ.



Итакъ, только въ третьемъ поколѣніи порода дикихъ утокъ совершенно потеряла память о своемъ вольномъ житьѣ; купленныя же мною молодыя утки, принадлежавшія ко второму поколѣнію, еще отличались отъ дворовыхъ, какъ своею наружностью, такъ и правами: онѣ были бойчѣе, проворнѣе, какъ-то складнѣе и пугливѣе домашнихъ утокъ, часто прятались и даже пробовали нѣсколько разъ уходить. Крылья были подрѣзаны.

Какихъ домашнихъ птицъ вы знаете? Для чего разводятъ домашнихъ птицъ? Что общаго между домашней и дикой уткой? Чѣмъ отличается утка отъ курицы: а) по виду и б) по нраву? Что несутъ птицы? Изъ скольких и какихъ частей состоитъ яйцо? Изъ какой части яйца заводится зародышъ — будущая птица?

41. Пѣтухъ-храбрецъ.

Между курочекъ ходилъ
Пѣтухъ и говорилъ:
„Я пригожъ и удалъ,
Свѣтъ такихъ не видалъ.
Такъ красивъ гребень мой—
Будто весь огневой.
Такъ хорошъ мой нарядъ,
И глаза какъ горятъ.
Такъ я громко пою!
Нѣтъ мнѣ равныхъ въ бою.“

42. Уточки.

Уточки-прожорочки по пруду плавали, носики широкіе въ воду окунали, червячковъ искали, рыбку ловили, травкой и тиной зобы набивали, лапки перепончатыя на солнышкѣ сушили; гнѣздышки дѣлали, яички несли; высидѣли дѣтокъ—малыхъ утятокъ.

Утята пищатъ, ѣсть хотятъ. Уточка съ утятами по пруду плаваетъ, дѣткамъ корму ищетъ. Увидѣлъ ихъ Вася и сталъ звать ихъ домой: „Ути-ути, уточки, идите домой, я вамъ кашки дамъ“. Уточки послушались, вышли на берегъ, къ Васѣ идутъ, съ боку на бокъ переваливаются.

Какихъ плавающихъ птицъ вы еще знаете? Чѣмъ плавающія птицы смазываютъ свои перья, чтобы они не намокли?

43. Про ворону.

I.

Летѣла ворона надъ рѣкой. Смотритъ—ракъ ползетъ. Ворона цапъ его, да и собралась уже нести въ лѣсъ себѣ на закуску. Видитъ ракъ, что приходитъ его конецъ, и говоритъ „Ай, ворона, ворона, зналъ я твоего отца и мать; что за славныя были птицы!“—„Угу“,—говоритъ ворона, не раскрывая рта. „И братьевъ и сестеръ твоихъ зналъ, что за добрыя были птицы!“ „Эге“,—отвѣчаетъ ворона, и то же

не открываетъ рта. „Но хоть они были хорошія птицы, а все же имъ далеко до тебя“.—„Ага!“ каркнула ворона во весь ротъ и уронила рака въ воду.

II.

Сторожевая собака сидѣла на цѣпи и глодала кость. Около собаки вертѣлась ворона и всячески ухитрялась отнять у собаки кость. Но это ей никакъ не удавалось. Собака не выпускала кости изо-рта. Тогда ворона улетѣла и вскорѣ вернулась вмѣстѣ съ другой вороною.

Новая ворона усѣлась на деревѣ, позади собаки, а первая ворона стала опять вертѣться передъ собакой. Какъ только собака занялась съ первою вороною, вторая ворона быстро слетѣла съ дерева, бросилась на собаку сзади, изо всѣхъ силъ клюнула ее въ съ спину и сейчасъ же отлетѣла въ сторону.

Отъ сильной боли собака вздрогнула, выпустила кость изо-рта и обернулась назадъ, чтобы схватить обидчицу. Въ это время первая ворона схватила кость и улетѣла.

44. Галка.

Галка прижилась къ человѣку; часть года она усердно служила ему, а другую—на счетъ его пробавляется.

Въ мартѣ галка отыщетъ укромный уголокъ при жильѣ человѣка, совьетъ себѣ незатѣйливое гнѣздо, положитъ четыре—пять яичекъ. Выклюнутся галчата голые, слѣпые, крикливые, и старыя галки цѣлый день таскаютъ имъ пищу. Онѣ обшарятъ огородъ, садъ, выгоны, гдѣ пасется скотъ; онѣ первыми явятся на пашню, какъ только пахота начнется.

Черви и всякія насѣкомыя служатъ галкамъ пищей весною. Одна бѣда: отъ галокъ достается тогда и огоро-

дамъ, собирая на грядахъ насѣкомыхъ, галки выклевываютъ часто и молодые ростки овощей. Въ маѣ галчата вылетаютъ изъ гнѣздъ, и старики ведутъ ихъ на поля и на выгоны, пріучая добывать пищу. Осенью насѣкомыя пропадаютъ, и галки стаями летятъ на поля—подбирать упавшія зерна, садятся на хлѣбныя копны, на скирды.

Зимой галки кормятся, чѣмъ попало,—бродятъ по дорогамъ, по улицамъ, по дворамъ, отыскивая себѣ пищу. Такъ весну и лѣто галки усердно служатъ человѣку, зимой подбираютъ то, что намъ не нужно, и только осенью воруютъ хлѣбныя зерна.

Сравнить галку съ вороной.

45. Сорока и воронъ.

Пестрая сорока прыгала по вѣткамъ дерева и безумолку стрекотала. Воронъ сидѣлъ молча и глядѣлъ на нее. „Что жъ ты молчишь, куманекъ?“ спросила сорока своего сосѣда: „или ты не вѣришь тому, что я тебѣ разсказываю?“

— Плохо вѣрю, кумушка! отвѣчалъ воронъ; кто такъ много болтаетъ, какъ ты, тотъ навѣрное мало говоритъ правды.

Стрекотунья бѣлобока,
Подъ калиткою моей,
Скачетъ пестрая сорока
И пророчетъ мнѣ гостей.

46. Голубь.

Голубь кроткая и довѣрчивая птица. Какіе добрые у него глаза, какъ спокойно и довѣрчиво онъ ими смотритъ. Кроткаго и смирнаго человѣка мы называемъ **голубемъ**. О „сизокрыломъ голубѣ“ поется въ пѣсняхъ. Слова ласки

и сожалѣнія: голубчикъ и голубушка постоянно слышны въ рѣчахъ простого народа. Сострадая чужому горю, всякая крестьянка скажетъ: „охъ, моя голубушка, натерпѣлась же горя.“

По виду своему голубь очень красивъ, всегда чистъ и опрятенъ. Движенія его тихи и кротки. А какъ нѣжно голубиное воркованье!

Наши голуби живутъ вблизи человѣка; гнѣзда свои они вьютъ подъ сараями, на чердакахъ, на колокольняхъ. Голубка кладетъ два бѣлыхъ небольшихъ яйца и выводитъ дѣтенышей.

Голуби приносятъ пользу тѣмъ, что въ огородахъ и садахъ истребляютъ вредныхъ **гусеницъ**, червей, а также сѣмена сорныхъ травъ.

Есть еще голубь **почтовый**. Возьмите вы его изъ того города, гдѣ у него гнѣздо, и увезите хоть за тысячу верстъ; пустите его тамъ на волю. Голубь сейчасъ же поднимется высоко кверху, покружится на одномъ мѣстѣ и полетитъ въ ту сторону, откуда его привезли. Какъ онъ узнаетъ дорогу, Богу одному извѣстно, а только долетаетъ домой онъ очень скоро. Если привязать къ такому голубю маленькое письмо, онъ и принесетъ его.

Какой величины бываютъ голуби? Какихъ цвѣтовъ? Чѣмъ питаются? Гдѣ живутъ? Какъ относится къ нимъ народъ?

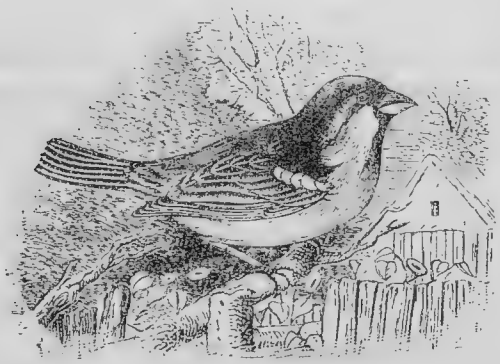
47. Гнѣздо голубей.

Первый громъ прогремѣлъ. Яркій блескъ въ синевѣ,
Въ тепломъ воздухѣ—пѣсни и нѣга;
Голубые цвѣты въ прошлогодней травѣ
Показались на свѣтъ изъ-подъ снѣга.
Пригрѣваются стекла лучомъ золотымъ;
Вербы почки свои распустили;
И съ надворья гнѣздо подъ окошкомъ моимъ
Сизокрылые голуби свили.

Что за робкіе гости! Чуть мимо идешь,
Торопливо головки поднимутъ,
Смотрятъ долго и зорко... Того только ждешь,
Что бѣдняжки пріютъ свой покинутъ.
Какъ я радъ имъ! Боюсь и окно отворять!
Все мнѣ кажется,—ихъ испугаю;
Беззащитнымъ созданьямъ легко помѣшать,
А легко-ль имъ живется,—я знаю...
Чуть окрасится небо полоской огня,
И сквозь стекла разсвѣтъ забѣлѣетъ,
Воркотнею своей они будятъ меня:
Посмотри, молъ, какъ зорька алѣетъ!

48. Воробей на часахъ.

Есть въ саду укромное мѣстечко—тѣнистая дорожка около забора. На этой дорожкѣ собираются воробьиные выводки. Большіе воробьи улетятъ промышлять для дѣтей червячковъ и гусеницъ, а присматривать за молодыми остается одинъ старый воробей. Воробушки чирикуютъ, купаются въ пескѣ, прыгаютъ по дорожкѣ. А старый воробей усядется на самой высокой вѣткѣ и зорко посматриваетъ не покажется ли гдѣ хищная птица.



Летитъ по задворкамъ ястребъ-разбойникъ, лютый врагъ мелкой пташки! Летитъ ястребъ безъ шума, тихимъ полетомъ крадется около заборовъ.

Но нашъ часовой давно примѣтилъ злодѣя и зорко слѣдитъ за нимъ. Ястребъ ближе и ближе. Зачирикалъ громко, тревожно воробей, и всѣ воробьята разомъ скры-

лись. Все смолкло. Только часовой сидитъ на вѣткѣ, не шевелится, и глазъ не спускалъ съ ястреба.

Запримѣтилъ ястребъ воробья, взмахнулъ разбойникъ крыльями, расправилъ когти и стрѣлой спустился внизъ. Камнемъ упалъ въ кусты воробей, и ястребъ ни съ чѣмъ остался. Озирается ястребъ вокругъ, зло взяло хищника, огнемъ горятъ его желтые глаза. А тутъ еще ласточки кружатся надъ нимъ, чиликаютъ во всю мочь, точно смѣются. Встрепенулся разбойникъ и полетѣлъ дальше.

Опять усѣлся воробей на той же вѣткѣ, сидитъ весело чирикаетъ. Съ шумомъ высыпали изъ кустовъ воробьята, прыгаютъ по дорожкѣ.

Какъ охотится ястребъ? Какъ избавляются птички отъ опасности?

49. Воробьи и овсянка.

Накрывши сѣтью воробьевъ,
Мужикъ имъ говорилъ: „вотъ я васъ всѣхъ воровъ!
Вы на поле мое летали,
Горохъ клевали!
Не долго дамъ теперь сидѣть вамъ въ полонѣ
Всѣмъ головы сверну
И въ кашицу... Да ты, овсянка, какъ попала?“
— Послушай, мужичекъ, всю истину скажу:
Овсянка такъ ему подъ сѣтью отвѣчала,
Я съ ними только лишь летала
А, право, твоего гороха не клевала.
Пусти меня, ничѣмъ тебѣ я не врежу.
Ужли поступишь такъ со мною, какъ съ воробьями?
— „Да не помилую, конечно, и тебя!
Пеняй сама ты на себя:
Зачѣмъ была съ ворами!“

Какого товарищества нужно избѣгать?

50. Ласточка-сторожъ.

Въ садикѣ и на открытомъ дворѣ веселье и суета. Шумятъ воробьи; кричатъ галки; клохчетъ насѣдка, будто охаетъ, что не слушаются ея глупыши цыплята: разбѣжались они по двору, и никакъ она не можетъ собрать ихъ, долго-ли до бѣды!

Вдругъ послышался пронзительный крикъ ласточки, и все перемѣнилось. Какъ горохъ, разсыпались воробьи и спрятались въ кусты, подъ крыши, въ конопляники. Вмигъ сбѣжались цыплята подъ крылья насѣдки. Все мгновенно стихло. Только ласточка одна безъ-умолку безпокойно кричитъ, будто тревогу бьетъ.

Изъ-за плетня взвился разбойникъ ястребъ. Желтые глаза хищника зорко оглядываютъ дворъ. Насѣдка взъерошила перья, распустила крылья надъ цыплятами, и готова въ бой вступить. Кружится надъ дворомъ ястребъ, все ниже и ниже спускается онъ. Отчаянно вопитъ насѣдка, точно на помощь кого зоветъ. Еще пронзительнѣе кричатъ ласточки, такъ и налетаютъ онѣ на хищника, будто хотятъ заклевать.

Проворно выбѣжала изъ избы старушка-бабушка съ внучкомъ, закричали они на ястреба. Нѣтъ поживы вору,— поднялся и ни съ чѣмъ полетѣлъ онъ домой, въ темный лѣсъ.

Сравнить ласточку съ соловьемъ. Чѣмъ соловей отличается отъ другихъ пѣвчихъ птицъ?

51. Гнѣздо ласточки.

Одна пѣвунья-ласточка
Подъ крышей обжилась,
Свила-слѣпила гнѣздышко,
Дѣтьми обзавелась.

Въ ночь темную, подъ крылышко
Головку подогнетъ,
И спитъ себѣ до зорюшки,
Носкомъ не шевельнетъ.

Сравнить жизнь ласточки съ жизнью курицы. Кому изъ нихъ труднѣе жить? Чѣмъ питается ласточка? Наружность ея. Движеніе. Прилетъ ласточки къ намъ и отлетъ въ жаркія страны? Устройство гнѣзда. Польза отъ ласточки.

52. Слова бабушки.

Однажды лѣтомъ я съ товарищами пошелъ въ садъ разорять вороньи гнѣзда. Отыскавъ на одной старой березѣ гнѣздо вороны, я полѣзъ на дерево. Я былъ уже недалеко отъ гнѣзда, какъ вдругъ подъ руку мнѣ попался сухой сучокъ. Я схватился за этотъ сучокъ, а онъ подломился. Я весь исцарапанный, полетѣлъ внизъ, да такъ сильно ударился о землю, что едва всталъ.

Цѣлыхъ два дня я пролежалъ въ постели. Бабушка моя, которая ухаживала за мною во время болѣзни, говорила мнѣ: „Это Богъ тебя наказалъ за то, что ты разорялъ гнѣзда“. Эти слова покойной бабушки я запомнилъ такъ твердо, что съ тѣхъ поръ никогда не трогалъ больше птичьихъ гнѣздъ.

53. Разоренное гнѣздышко.

Пара ласточекъ слѣпила себѣ гнѣздышко подъ крышею крестьянской избы. Какъ усердно хлопотали птички, пока не устроили свой тепленькій домикъ! Черезъ нѣсколько времени въ гнѣздышкѣ запищали птенчики.

Одинъ шаловливый мальчикъ, Ваня, поспорилъ съ другими товарищами о томъ, что камнемъ собьетъ ласточкино гнѣздо. Споривше не думали, что ему удастся это сдѣлать, потому что ласточкино гнѣздо было высоко. Но Ванѣ, къ несчастью, удалось сбить ласточкино гнѣздышко. Велико было горе ласточекъ; какъ онѣ жалобно щебетали, какъ увивались около мертвыхъ птенчиковъ! Мальчикамъ до слезъ стало жалко ласточекъ; да и самъ Ваня раскаивался въ своемъ дурномъ поступкѣ. Но бѣды нельзя уже было поправить.

Прошло съ тѣхъ поръ много времени. Ваня выросъ, женился; у него было трое дѣтей. Однажды, въ полночь загорѣлся домъ одного изъ сосѣдей Ивана; вскорѣ огонь перекинулся на крышу Ивановой избы и уничтожилъ постройки со всѣмъ добромъ.

„За что Ты, Господи, наказалъ меня? Чѣмъ прогнѣвалъ я Тебя?“—говорилъ Иванъ. Въ это время появилось надъ пожарищемъ много ласточекъ, которыя кружились и щебетали близъ Ивана и его семьи. Тогда Иванъ вспомнилъ о разоренномъ имъ въ дѣтствѣ ласточкиномъ гнѣздышкѣ, о безпріютныхъ ласточкахъ, взглянулъ на своихъ дѣтей и горько заплакалъ.

---

54. Огородъ.

На правильныхъ грядахъ, какъ въ рамѣ, за травой, **капуста** лысая качала головой.

За ней вдали **горохъ, бобовнику** родня, рядами круглыхъ глазъ мигалъ промежъ плетня, и укрѣпившись длинными усами за сучья, развѣшивалъ свои темнозеленые стручья.

А далѣ, наконецъ, изъ зелени кудрявой выкатывалъ **арбузъ** свой корпусъ величавый.

Тамъ темныхъ **конопле́й** виднѣлся ровный строй, качались на грядахъ онѣ, какъ лѣсъ дремучій, пугая гусеницъ изъ зелени пахучей; за ними **маковъ** шла цвѣтущая гряда, какъ будто мотыльковъ игривыя стада.

Возлѣ чего бываютъ огороды? Чѣмъ ихъ обносятъ? Что растетъ на огородѣ?

55. Картошка.

Въ самой бѣдной избушкѣ и въ самомъ богатомъ домѣ теперь ѣдятъ и любятъ картошку. Въ деревнѣ безъ картофеля трудно было бы и прокормиться. А было время, когда совсѣмъ не знали, что такое картофель. Въ нашихъ мѣстахъ первымъ началъ разводить картошку одинъ баринъ. Выписалъ онъ картофель изъ-за моря и посадилъ его въ своемъ огородѣ. Выросъ картофель, показались на немъ цвѣты. „Вотъ,—думаетъ хозяинъ,—завянутъ цвѣты, и тамъ, гдѣ теперь бѣлѣютъ лепестки, должны показаться плоды“. Такъ и случилось.

Вмѣсто цвѣтовъ между листьями на зеленой ботвѣ показались зеленые круглые, твердые шарики, величиною они были съ орѣхъ съ сѣменами внутри. Баринъ и думаетъ: „Вотъ что надо собрать, вотъ что будемъ варить и жарить“. Собрали зеленые шарики, обжарили въ маслѣ и посыпали сахаромъ. Позвалъ къ себѣ хозяинъ гостей и потчуетъ ихъ заморскимъ кушаньемъ. Взяли гости въ ротъ по жареному шарику, а проглотить не могутъ: очень ужъ не вкусно показалось имъ кушанье.

Стыдно стало хозяину, разсердился онъ на диковинное растеніе и велѣлъ огородникамъ вырвать его и выбросить. Когда же огородники вырывали растеніе, они увидали на корняхъ его клубни и попробовали ихъ испечь. Оказалось—вкусно. Одинъ огородникъ сказалъ объ этомъ барину. Баринъ попробовалъ новое кушанье, ему оно по-

нравилось. Онъ понялъ свою ошибку и говоритъ: „Надо собирать не вершки, а корешки".

Когда узнали объ этомъ сосѣди, то много смѣялись надъ бариномъ; но съ тѣхъ поръ въ нашихъ мѣстахъ стали понемножку разводить картофель. Однако, уже никто не ѣлъ верхнихъ зеленыхъ плодовъ, а варили и жарили только подземные клубни. А простой народъ долго не рѣшался ѣсть картофель. Иные говорили, что и садить его грѣхъ, и ѣсть его грѣхъ, что, это—чортово яблоко.

Что ѣдятъ у картофеля? у капусты? у рѣпы? у моркови? у мака?

56. Жгучая крапива.

Не красивъ у крапивы стебель, не красивы и жесткіе листья; точно лохмотья повисли кисти мелкихъ безъ запаха цвѣточковъ. Нѣтъ отъ крапивы ни ягодъ, ни зеренъ. Заботливая хозяйка выпалываетъ крапиву въ огородѣ: быстро разрастается она, глушитъ все, а дотронься до нея,—какъ огнемъ, обожжетъ.

Отчего же жжется крапива?—Листья крапивы усѣяны тонкими волосками, съ острыми и хрупкими на концахъ крючками. Каждый волосокъ наполненъ ѣдкимъ сокомъ. Какъ только дотронешься до крапивнаго листа, волосокъ вопьется въ тѣло, хрупкій крючокъ отломится, и въ ранку попадетъ изъ волоска ѣдкій сокъ: онъ-то и производитъ жгучую боль.

Но и крапива растетъ не даромъ. Изъ молоденькихъ листочковъ варятъ весною вкусныя щи, готовятъ изъ нихъ и кормъ для домашней птицы. Наберетъ хозяйка крапивныхъ листьевъ, мелко изрубитъ ихъ, обваритъ кипяткомъ, перемѣшаетъ съ мукой или отрубями и кормитъ куръ, утокъ, индюшекъ и гусей. А въ чужихъ краяхъ добываютъ изъ стеб-

ля крапивы волокна, прядутъ нитки, ткутъ грубыя ткани вьютъ веревки и канаты.

Отчего жжется крапива? Какая отъ нея польза?

57. Капустная бабочка.

Мальчикъ поймалъ на огородѣ бѣленькую бабочку и принесъ къ отцу.

— „Это превредная бабочка“, сказалъ отецъ: „если ихъ разведется много, то пропадетъ наша капуста“.

— „Неужели эта бабочка такая жадная?“ спросилъ мальчикъ.

— „Не самая бабочка, а ея **гусеница**“, отвѣчалъ отецъ: „бабочка эта кладетъ яички, а изъ яичекъ выводятся маленькіе червячки. Этихъ-то червячковъ и называютъ **гусеницами.** Гусеницы очень прожорливы; онѣ только и дѣлаютъ, что ѣдятъ листья да растутъ. Когда гусеницы вырастутъ, то превращаются въ **куколки.** Куколки не ѣдятъ, не пьютъ и не двигаются. Изъ куколокъ потомъ выходятъ **бабочки** такія же, какъ вотъ эта. Такъ превращается всякая бабочка: изъ яичка въ гусеницу, изъ гусеницы въ куколку, изъ куколки въ бабочку; а бабочка нанесетъ яичекъ и замретъ гдѣ-нибудь на листкѣ.

Какихъ насѣкомыхъ вы еще знаете? Назовите самое полезное для насъ насѣкомое?

58. Мальчикъ и мотылекъ.

Мальчикъ. „Разскажи, мотылекъ, чѣмъ живешь ты, дружокъ? Какъ тебѣ не устать, день деньской все порхать“.

Мотылекъ. — „ Я живу межъ цвѣтовъ въ блескѣ лѣтняго дня, сладкій сокъ изъ цвѣтовъ—вотъ вся пища моя.

Но коротокъ мой вѣкъ—онъ не долѣе дня: будь же добръ, человѣкъ, и не трогай меня".

59. Улитка и бабочка.

На большомъ кустѣ репейника жила улитка. Она весь свой вѣкъ провела на одномъ листѣ; грузно передвигалась она съ мѣста на мѣсто, таща на спинѣ свой витой домикъ. На другомъ краю этого листа уже давно лежало маленькое желтое зернышко. Это было яичко бабочки. Въ одинъ теплый лѣтній день изъ этого зернышка вышла маленькая гусеница. Улитка съ любопытствомъ смотрѣла на это маленькое существо. Оно ей казалось такимъ некрасивымъ и ничтожнымъ. Но гусеница была превеселая. Она очень любила, когда солнце свѣтило и грѣло; она ѣла листья и всѣмъ была довольна.

Разъ улитка, поводя своими рогами, сказала ей: „Я удивляюсь, моя милая, отчего ты всегда такая радостная. Наша жизнь вовсе не особенно легка".—„О, ничего! — сказала гусеница. — Я радуюсь, потому что знаю, что это не надолго. Я знаю, придетъ время, когда я буду прекрасной пестрой бабочкой, у меня будутъ бархатныя крылышки, и я полечу прямо наверхъ и буду летать въ золотыхъ лучахъ солнца". Улитка передернула рогами. „Я удивляюсь, откуда у тебя въ головѣ такія глупости. Откуда ты набралась всей этой чепухи?"—„О, нѣтъ, это не чепуха!—возразила гусеничка.—Я вѣрю этому, твердо вѣрю. Недавно прилетѣла ко мнѣ бабочка. Я съ восхищеніемъ смотрѣла на ея пестрыя крылышки. Она нѣжно глянула на меня и сказала: „Милое дитя, радуйся, придетъ время, и ты будешь прекрасной бабочкой, увидишь золотое солнце и будешь летать въ чистомъ, прозрачномъ воздухѣ".

— „И ты вѣришь всякому вздору, который наговорила эта глупая бабочка!“ вскричала улитка. И она молча покачала головой. Она видѣла, что не стоитъ спорить съ гусеничкой.

Вотъ маленькая гусеничка что-то присмирѣла, словно въ себя ушла. Разъ, когда улитка утромъ пришла навѣстить ее, гусеничка наша лежала, свернувшись въ какую-то кожицу, и спала непробуднымъ сномъ. На всѣ крики и зовъ улитки она отвѣчала молчаніемъ. „Вотъ она, легковѣрная,—сказала улитка:—мечтала быть бабочкой, а теперь лежитъ мертвая и не шелохнется“. И она поползла къ себѣ.

Прошло нѣсколько времени, улитка уже забыла о своей сосѣдкѣ и жила себѣ по-прежнему. Разъ случилось ей проходить мимо ея могилки. Она остановилась въ удивленіи: подлѣ распавшейся кожицы сидѣла красивая бабочка. Бархатистые отливы ея крыльевъ играли на солнцѣ. „Здравствуй, улитка, я улетаю!“ крикнула она удивленной сосѣдкѣ, вспорхнула легче вѣтра и скрылась изъ глазъ, утопая въ золотыхъ лучахъ лѣтняго солнца.

Разскажите превращеніе бабочки.

---

60. Садъ.

Лучшимъ украшеніемъ каждой усадьбы, особенно крестьянской, служитъ хотя-бы небольшой фруктовый садъ. Но чтобы развести садъ, надо приложить много труда, знанія и времени: для каждаго деревца выкапываютъ отдѣльную ямку, сажаютъ туда маленькій ростокъ, потомъ за-

брасываютъ яму рыхлой землей. Лѣтомъ молодыя деревья надо поливать, землю вокругъ нихъ вскапывать, разрыхлять, чтобъ дождевая вода проходила до самыхъ корней, уничтожать гусеницъ, чтобъ онѣ не объѣдали листочковъ; сухія вѣтки надо отпиливать, а деревцо привязывать къ толстой палкѣ, крѣпко врытой въ землю, чтобы вѣтеръ его не раскачивалъ и не сломилъ его. Вотъ сколько заботъ требуютъ садовыя деревья!

Въ саду обыкновенно разводятъ фруктовыя или плодовыя деревья, какъ-то: яблони, груши, вишни, сливы, абрикосы. Эти деревья любимцы человѣка: они доставляютъ ему вкусные, сочные плоды. Если хорошо ухаживать за садомъ, вести дѣло умѣючи, то можно получать порядочный доходъ и жить безбѣдно.

Гдѣ разводятъ сады? Что растетъ въ саду? Какія плодовыя деревья вы знаете? Назовите извѣстные вамъ плоды и ягоды. Какіе садовые цвѣты вы знаете? Назовите работы садовника и огородника.

61. Мой садикъ.

Какъ мой садикъ свѣжъ и зеленъ!
Распустилась въ немъ сирень;
Отъ черемухи душистой
И отъ липъ кудрявыхъ тѣнь.
И весь день въ травѣ высокой,
Лежа, слушать-бы я радъ,
Какъ заботливыя пчелы
Вкругъ черемухи жужжатъ.

62. Грушевое дерево.

Старикъ Матвѣевъ сидѣлъ подъ тѣнью большого грушеваго дерева, которое стояло въ его саду. Его внучата ѣли груши и не могли нахвалиться сладкими плодами.

Тогда дѣдъ сказалъ: я разскажу вамъ, какимъ образомъ это дерево здѣсь выросло. Прошло уже болѣе пятидесяти лѣтъ, какъ я стоялъ однажды здѣсь, гдѣ въ то время ничего не росло, и гдѣ теперь стоитъ это дерево, и жаловался богатому сосѣду на свою бѣдность. Ахъ, говорилъ я, я былъ-бы совершенно доволенъ, если бы могъ пріобрѣсти хоть сто рублей.

Сосѣдъ, который былъ человѣкъ умный, сказалъ: это пріобрѣсть не трудно, если только сумѣешь приняться за дѣло. Вотъ на этомъ мѣстѣ, гдѣ ты стоишь, скрыто въ землѣ больше ста рублей. Тебѣ стоитъ только достать ихъ.

Я былъ тогда еще неопытный молодой человѣкъ, и въ слѣдующую-же ночь, началъ рыть въ землѣ большую яму, но, къ сожалѣнію, не нашелъ ни одного рубля.

Когда на другой день сосѣдъ увидѣлъ яму, то такъ засмѣялся, что ухватился за оба бока, и сказалъ: „Я не думалъ, чтобы ты былъ такъ глупъ!.. Но постой, и эта работа не пропала еще. Я подарю тебѣ молодое грушевое дерево; посади его въ яму, которую ты вырылъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ у тебя появятся рубли“.

Я посадилъ молодое деревцо въ землю; оно выросло и стало тѣмъ прекраснымъ большимъ деревомъ, какимъ вы теперь его видите. Отличные плоды, которое оно съ тѣхъ поръ постоянно приноситъ, доставили мнѣ уже гораздо больше ста рублей.

63. Яблонька.

Что ты, яблонька моя, яблонька,
Яблонька моя зеленая,
Не цвѣла ты прошлой весною,

Не плодила сладкихъ яблочковъ?
— Худо я была, яблонька, поливана,
Худо я была, зеленая, лелѣяна:
Оттого не плодила я яблочковъ.
— Стану я сама тебя, яблонька, лелѣяти,
Сама тебя поливати,
Сама червячковъ обметати.

Канъ и изъ чего вырастаетъ садовая яблоня? Уходъ за молодой яблоней.

64. Листья.

Росла въ саду молодая яблоня. На будущій годъ ожидали отъ нея яблоковъ. Увидалъ отецъ, что появились бабочки съ бѣлыми прозрачными крылышками и говоритъ дѣтямъ: „Ловите и истребляйте этихъ бабочекъ. Онѣ—вредныя“. Дѣти не знали, какъ и чѣмъ могутъ вредить хорошенькія бабочки, и скоро забыли отцовскій совѣтъ.

Немного времени спустя, мать увидала, что бабочки положили на листья яблоньки яички, и говоритъ дѣтямъ: „Дѣтки, очистите листочки отъ этихъ крупинокъ. Это яички бѣленькой бабочки; много вреда отъ нихъ будетъ для нашей яблоньки“. А дѣти не поняли, какой вредъ могутъ принести деревцу маленькія крупинки-яички, и скоро забыли приказаніе матери. Осенью изъ яичекъ вышли червячки-гусеницы, завернулись въ паутину и остались зимовать. Увидала этихъ гусеницъ-червяковъ мать и говоритъ дѣтямъ: „Возьмите палку, оберните ее на концѣ тряпкою, намажьте дегтемъ и снимите ею съ яблоньки червячковъ-гусеницъ. Они вывелись изъ бабочкиныхъ яичекъ, доживутъ до весны, а лѣтомъ съѣдятъ всѣ листочки съ нашей яблоньки“. А дѣти думаютъ: „Пусть червячки ѣдятъ листья; намъ листья не нужны: были-бы только яблоки“.

Прошла зима, настала весна. На яблонѣ показались листочки. А гусеницы-червячки проснулись отъ зимняго сна

и поѣли на яблонѣ листья. Захирѣло отъ этого дерево и не дало ни одного яблочка. Поняли тогда дѣти свою ошибку, да поздно.

65. Кора у деревьевъ.

Я посадилъ двѣсти молодыхъ яблонь и три года весной и осенью окапывалъ ихъ, а на зиму завертывалъ соломой отъ зайцевъ. На четвертый годъ, когда сошелъ снѣгъ, я пошелъ смотрѣть свои яблони. Кора на нихъ была глянцевитая и будто налитая; сучки всѣ были цѣлы, и на всѣхъ кончикахъ и на развилинкахъ сидѣли круглыя, какъ горошинки, цвѣтныя почки. Кое-гдѣ уже лопнули и распуколки, и виднѣлись алые края цвѣтныхъ листьевъ. Я зналъ, что всѣ распуколки будутъ цвѣтами и плодами, и радовался, глядя на свои яблони.

Но, развернувъ первую яблоню, я увидѣлъ, что внизу, надъ самой землею, кора яблони обгрызена кругомъ по самую древесину,—какъ бѣлое кольцо. Это сдѣлали мыши. Я развернулъ другую,—и на другой было то же самое. Изъ двухсотъ яблонь ни одной не осталось цѣлой.

Я замазалъ обгрызанныя мѣста смолою съ воскомъ; но когда яблони распустились, цвѣты сейчасъ-же спали; вышли маленькіе листики, и тѣ завяли и засохли. Кора сморщилась и почернѣла. Изъ двухсотъ яблонь осталось только девять. На этихъ девяти яблоняхъ кора не совсѣмъ была объѣдена, и въ бѣломъ кольцѣ оставались полоски коры. На этихъ полоскахъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ сходилась кора, сдѣлались наросты, и яблони хоть и поболѣли, но пошли. Остальныя всѣ пропали; только ниже обгрызенныхъ мѣстъ пошли отростки, и то все дикіе.

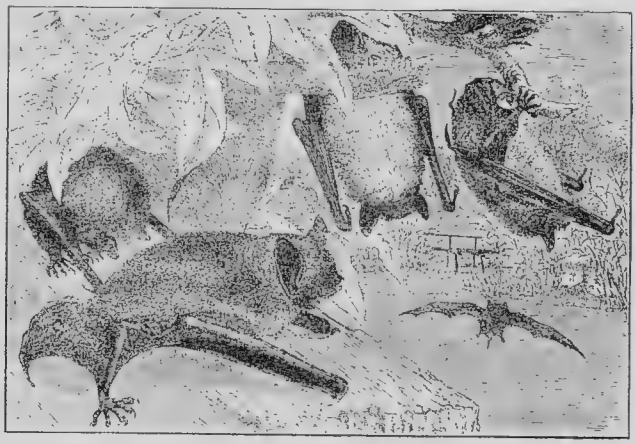
Кора у дерева то же, что кровеносныя жилы у человѣка: черезъ жилы кровь расходится по всему тѣлу и питаетъ его, и черезъ кору сокъ ходитъ по дереву, питаетъ древесину, сучья, листья и цвѣты. Если кора пропадаетъ,

и дерево пропало. Такъ пропали и яблони оттого, что мыши объѣли всю кору кругомъ, и соку ужъ не было хода изъ кореньевъ въ сучья, листья и цвѣты.

66. Летучая мышь.

Подъ вечеръ, когда начинаетъ смеркаться, и маленькія дѣти ужъ возвращаются съ прогулки домой, — тогда только показывается летучая мышь.

Весь день она спала, спрятавшись гдѣ-нибудь въ древесномъ дуплѣ или дымовой трубѣ, либо подъ крышей пу-



стого зданія, прицѣпившись задними ногами и вися внизъ головой. Для летучей мыши такое положеніе тѣла очень удобно. Оттолкнувшись крыльями и расправивъ ихъ, животное тотчасъ-же можетъ летѣть, тогда какъ подняться съ поверхности предмета ей было-бы весьма трудно, по устройству крыльевъ. Летучая мышь вылетаетъ только въ сумерки или ночью: днемъ солнечный свѣтъ ее ослѣпляетъ, и въ воздухѣ слишкомъ жарко.

Въ сумерки множество другихъ меньшихъ животныхъ появляются изъ своихъ убѣжищъ, откуда они не любятъ выходить при дневномъ свѣтѣ. Показываются жуки, питаю-

щіеся домашними деревянными вещами и древесными почками фруктовыхъ деревьевъ. Хочется имъ погулять вечеромъ: они думаютъ, что никто ихъ не видитъ. Но летучая мышь въ сумерки отлично видитъ; кромѣ того и уши у нея огромныя, и потому она слышитъ малѣйшій шорохъ. У нея на переднихъ конечностяхъ такіе длинные пальцы, какихъ нѣтъ ни у одного животнаго въ мірѣ, кромѣ ея родни. Пальцы эти соединены между собою, а равно и съ задними конечностями и хвостомъ — очень тонкой перепонкой, такъ что образуютъ весьма большія крылья. Перепонка такъ тонка, что летучая мышь чувствуетъ, если на лету приближается къ какому-нибудь предмету, потому, что онъ удерживаетъ воздухъ, который она гонитъ предъ собой при полетѣ. Съ быстротой ласточки шмыгаетъ она между кустами и деревьями, и не ушибается объ нихъ; она ловитъ мухъ и жуковъ надъ самой поверхностью пруда и не попадаетъ въ воду. По цѣлымъ часамъ сряду охотится она и не боится ни усталости, ни простуды. Этимъ она приноситъ большую пользу нашимъ садамъ и огородамъ.

67. Божья коровка—садовникъ.

Залетѣла въ комнату дитяти божья коровка. Дитя это живетъ въ большомъ городѣ, и рѣдко случается ему побывать въ полѣ и въ лѣсу, и потому подарили ему въ день рожденія розовый кустикъ. Кустикъ былъ посаженъ въ глиняный горшокъ, и если поливать его каждый день, то зеленѣетъ онъ круглый годъ; каждый мѣсяцъ на розовомъ кустѣ появляются почки, которыя распускаются въ чуднеѣйшіе цвѣты.

Но вотъ бѣда: черезъ нѣсколько времени растеніе начало вянуть. Дитя не знаетъ, отчего это происходитъ, и горько плачетъ. А причина очень проста: на молоденькихъ листочкахъ появились травяныя вши и высасываютъ изъ

растенія сокъ. Число ихъ увеличивается ежедневно; если это будетъ такъ продолжаться, то розовый кустъ погибнетъ непремѣнно. А вѣдь кустъ этотъ замѣняетъ для дитяти и поле и лѣсъ.

Но вотъ прилетѣла изъ лѣсу божья коровка и сѣла на увядающій розовый кустъ. Выпуклыя крылышки ея такія чистенькія, платьице на ней темно-красное съ семью черненькими точечками; головка и тоненькія черныя лапки совсѣмъ какъ лакированныя. Кромѣ того, подъ верхними жесткими крылышками у божьей коровки, какъ и у всякаго жучка, есть другія крылышки, изъ чудной прозрачной ткани. Хотя эти прозрачныя крылышки и очень тонки, но все же они крѣпки, могутъ растягиваться и держатъ жучка, когда онъ летитъ по воздуху.

Что же станетъ дѣлать на розовомъ кустѣ божья коровка? Ужъ не хочетъ-ли она, по примѣру травяныхъ вшей, огладать и остальные листья на бѣдномъ увядающемъ кустикѣ? Что дѣлать дитяти: оставить-ли жучка въ покоѣ или прогнать, пока онъ еще не успѣлъ надѣлать вреда? Дитя любуется божьей коровкой и жалѣетъ выгнать ее вечеромъ: куда полетитъ она въ темнотѣ? Пусть переночуетъ бѣдняжка на зеленой вѣткѣ!

Дитя ложится въ постель и засыпаетъ. На другое утро, на той вѣткѣ, гдѣ сидѣла божья коровка, уже нѣтъ ни одной травяной вши, — а еще наканунѣ вся вѣточка была сплошь покрыта ими. Красненькій жучокъ поѣлъ не листья, а ихъ враговъ. Дитя видитъ это и радуется.

— Такъ пусть же божья коровка будетъ у меня садовникомъ! говоритъ дитя. И божья коровка осталась на розовомъ кустикѣ. Число травяныхъ вшей уменьшалось съ каждымъ днемъ, а кустъ сталъ замѣтно поправляться: сильнѣе росли вѣточки, и зеленый цвѣтъ листьевъ становился все темнѣе.

Наконецъ, божья коровка положила кучку желтенькихъ яичекъ на нижней сторонѣ листка. Черезъ нѣсколько дней изъ яичекъ выползли черненькіе червячки, длиною съ полноготка. Это—личинки божьей коровки. Онѣ ползаютъ по вѣточкамъ розоваго куста и поѣдаютъ всѣхъ меньшихъ насѣкомыхъ, вредныхъ для цвѣтка.

Въ три недѣли онѣ выросли и стали вдвое длиннѣе божьей коровки. Тогда личинки прилѣпляются къ черенку листка, обматываютъ сами себя паутиной и засыпаютъ на двѣ недѣли. Это—куколки божьей коровки. Черезъ четырнадцать дней изъ каждой такой куколки выползаетъ жучокъ—божья коровка, ровно такой величины, какъ мать. Эти молодыя божьи коровки расправляютъ свои крылышки и летятъ спасать другіе цвѣтки отъ вредныхъ насѣкомыхъ.

Тоже самое божья коровка продѣлываетъ и въ саду.

68. Паукъ и пчела.

Въ ульѣ паукъ всему дивился:
„Посмотришь: эка тѣснота!
А цѣлый рой сюда явился—
И сѣлъ безъ ссоръ вокругъ сота.
Жужжатъ и лѣпятъ общимъ хоромъ;
И каждой пчелкѣ мѣсто есть,
И сыты всѣ; нѣтъ мѣста спорамъ:
А сколько ихъ! не перечесть!
Скажи мнѣ, пчелка, что за диво?
И въ чемъ секретъ такой у васъ,
Что вы живете такъ счастливо?..
Не то, что мы,—хоть меньше насъ.
У насъ одинъ лишь сѣть разставитъ,
Другой туда-же лѣзетъ зря“...
— „Царица мудрая здѣсь правитъ,
А вы живете безъ царя“!

Сравнить пчелу съ мухой по величинѣ и цвѣту. Польза отъ пчелы и отъ мухи.

---

69. Птицы.

Въ одной небольшой деревенькѣ было столько садовъ, что вся она казалась большимъ садомъ. Деревья цвѣли и благоухали весной, а въ густой зелени ихъ вѣтвей порхало множество птичекъ, оглашавшихъ окрестность звонкими пѣснями и веселымъ щебетаньемъ. Осенью-же появлялось между листьями множество розовыхъ яблокъ, желтыхъ грушъ и синихъ сливъ.

Но вотъ нѣсколько шалуновъ-мальчиковъ, собравшись толпою, разорили птичьи гнѣзда. Бѣдныя птицы покинули сады и больше уже въ нихъ не возвращались. Прошла осень и зима, пришла новая весна, но въ садахъ было тихо и печально. Вредныя гусеницы, которыхъ прежде истребляли птицы, разводились теперь безпрепятственно, пожирали на деревьяхъ листья и цвѣты. И вотъ, обнаженныя деревья посреди лѣта смотрѣли печально, будто зимою. Пришла осень, но въ садахъ не было ни розовыхъ яблокъ, ни желтыхъ грушъ, ни синихъ сливъ; на вѣткахъ не перепархивали веселыя птички; деревья не оглашались ихъ звонкими пѣснями.

70. Осиротѣлая птичка.

Въ полѣ тихо... Чуть-чуть вѣетъ
Перелетный вѣтерокъ.
Тѣнь полночная рѣдѣетъ,—
Золотитъ заря востокъ.
Въ тучкѣ блѣдный мѣсяцъ скрылся;
Звѣзды гаснутъ въ небесахъ...
Надъ рѣкой туманъ сгустился,
Роса блещетъ на лугахъ.
Съ вѣтки бабочка слетѣла,
Кверху рѣзвая взвилась;
Въ рощѣ птичка ужъ запѣла...
Заря ярче занялась;
Будто огненной рѣкою
Разлилась она,—и вотъ
За той пышною зарею
Солнце ясное встаетъ.
Встрепенулись, запорхали
Тучи рѣзвыхъ мотыльковъ:
Они по полю летали,
Пили свѣжій сокъ цвѣтовъ.
Кверху жаворонки взвились—
Выше, выше къ облакамъ:
Хоры птичекъ раздавались
Въ звучной рощѣ по кустамъ.

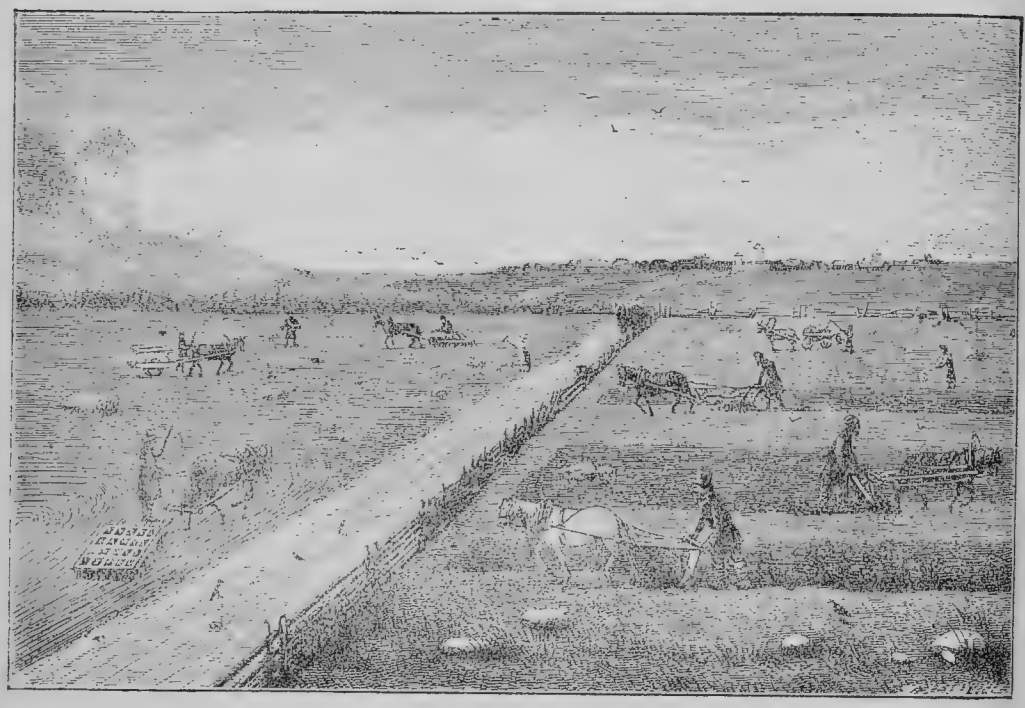
Все какъ будто оживилось:
Солнце радость льетъ въ сердца;
Вся природа веселилась,
Славя дивнаго Творца.
Пѣло все, не умолкая,
Солнца яснаго восходъ;
Лишь синичка молодая
Одна въ рощѣ не поетъ...
— Что-жъ на вѣткѣ такъ уныло,
Птичка милая, сидишь?
Вотъ ужъ утро наступило,
Всѣ поютъ, а ты молчишь.
— „Прежде пѣла я, бывало“,
Птичка молвила въ отвѣтъ:
„Въ рощѣ первая встрѣчала
Свѣжій утренній разсвѣтъ.
Трехъ малютокъ я родною
Тогда матерью была;
Имъ заботливо весною
Въ рощѣ гнѣздышко свила.
Свѣжій кормъ для нихъ сбирала,
Днемъ я пѣсни пѣла имъ;
Въ ночь малютокъ согрѣвала
Я подъ крылышкомъ своимъ.
Сладко въ гнѣздышкѣ мы спали
И, бывало, безъ заботъ
Утромъ радостно встрѣчали
Солнца яснаго восходъ...
Ахъ, жестоко сердце злое!
Есть-ли жалость у людей?
Мое гнѣздышко родное
Кто-то взялъ съ семьей моей...
Съ той поры я все тоскую,
Съ той поры моя печаль:
Жаль семью мою родную,
Мнѣ малютокъ моихъ жаль“...

71. Поле.

Раскинулось поле волнистою тканью
И съ небомъ слилось темносинею гранью.
И въ небѣ прозрачномъ щитомъ золотымъ
Блестящее солнце сіяетъ надъ нимъ;
Какъ по морю, вѣтеръ по нивамъ гуляетъ
И бѣлымъ туманомъ холмы одѣваетъ,
О чемъ-то украдкой съ травой говоритъ,
И смѣло во ржи золотистой шумитъ.

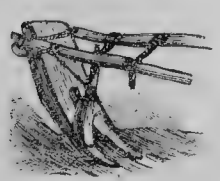
Гдѣ находятся поля? Гдѣ устраивается огородъ? Какая разница между ними по величинѣ? Почему огороды необходимо обносить плетнемъ или заборомъ? На какихъ поляхъ пасутъ скотъ? Какія растенія разводятъ на поляхъ? Какія въ огородахъ?

72. Обработка поля.



Сынъ видитъ, какъ поле отецъ удобряетъ,
Какъ въ рыхлую землю бросаетъ зерно,
Какъ поле потомъ зеленѣть начинаетъ,
Какъ колосъ растетъ, наливаетъ зерно.
Готовую жатву подрѣжутъ серпами;
Снопы перевяжутъ, на ригу свезутъ,
Просушатъ, колотятъ, колотятъ цѣпами,
На мельницѣ смелютъ и хлѣбъ испекутъ.

Перечислить работы на полѣ съ ранней весны и до поздней осени.



73. Соха.

Ты, соха-ли, наша матушка,
Горькой бѣдности помощница,
Неизмѣнная кормилица,
Вѣковѣчная работница!

По твоей-ли, соха, милости,
Съ хлѣбомъ гумны пораздвинуты;
Сыты злые, сыты добрые.
По полямъ ковры раскинуты.

Какими орудіями обрабатывается земля?

74. Крестьянинъ и лошадь.

Крестьянинъ засѣвалъ овесъ;
То видя, лошадь молодая
Такъ про себя ворчала, разсуждая;
„За дѣломъ столько онъ овса сюда принесъ!
Вотъ говорятъ, что люди насъ умнѣе:
Что можетъ быть безумнѣй и смѣшнѣе,
Какъ поле цѣлое изрыть
Чтобъ послѣ разсорить
На немъ овесъ свой попустому?
Скормилъ-бы онъ его иль мнѣ или гнѣдому;
Хоть курамъ-бы его онъ вздумалъ разбросать,
Все было-бъ болѣе похоже-то на стать.
Хоть спряталъ-бы его: я видѣла-бъ въ томъ скупость;
А попусту бросать! Нѣтъ, это просто глупость“!
Вотъ къ осени межъ тѣмъ овесъ тотъ убранъ былъ,
И нашъ крестьянинъ имъ того-жъ коня кормилъ.

Что сдѣлали осенью съ посѣяннымъ овсомъ? Куда его употребили?

75. Колосья.

Вдалекѣ видна поляна, храма сельскаго глава, а за ней, кругомъ бурьяна, пашенъ пестрая канва. Легкій вѣтеръ въ полѣ чистомъ гнетъ колосики волной, и по нивѣ золотистой точно стелетъ пеленой. Какъ роскошная корзина съ пышной прелестью цвѣтовъ, блещетъ ровная долина матомъ разныхъ колосковъ. Разрумяненною кистью или шелковымъ перомъ смотритъ **просо,** все безъ листьевъ, наклонившись стебелькомъ.

Перепутанный, рогатый, въ завиткахъ **горохъ** лежитъ; по его листкамъ измятымъ, мышка торопко бѣжитъ. Озабоченная мышка смотритъ быстренькимъ глазкомъ, и съ воробушкомъ воришкой точитъ зернышко тайкомъ.

Вотъ **гречиха** ужъ поспѣла, кашей темною дрожитъ, вся отъ солнца загорѣла, не бѣлѣетъ, не блеститъ. Вотъ

и матушка **пшеница** все любуется собой—точно красная дѣвица подъ прозрачною фатой. Зарябился, зажелтѣлся, словно перышки разнесъ, золотой парчей одѣлся раскудрявленный **овесъ.** И **ячмень,** какъ котъ сибирскій, долгимъ усомъ шевелитъ, чудный ростомъ богатырскимъ, статнымъ молодцомъ глядитъ.

Будто солнцу улыбаясь, на соломкѣ молодой дремлетъ,

медленно качаясь **ржи** колосикъ золотой. Весь одеждой онъ украшенъ, весь, какъ пухомъ, оперенъ и среди раздольныхъ пашенъ, спѣлой ношей отягченъ. Весь съ рогами, какъ улитка жизни внутренней полна, онъ пригнулся отъ избытка полновѣснаго зерна.

Разсказъ о „Ржаномъ хлѣбѣ" по плану: Паровое поле. Посѣвъ ржи. Озимь. Озимь подъ снѣгомъ. Снѣгъ сошелъ съ полей. Ростъ озимей. Рожь колосится. Цвѣтетъ. Наливается. Рожь пожелтѣла. Жатва. Возка сноповъ. Молотьба. Рожь вѣютъ. Рожь на мельницѣ. Мука, тѣсто и хлѣбъ.

76. Ленъ.

Ленъ, нашъ кормилецъ, ленокъ! вся на тебя лишь надежда: подать ты намъ и оброкъ, ты намъ и хлѣба кусокъ, ты и одежда! Всѣмъ бы хорошъ ты, да вотъ губишь землицу безмѣрно: слава такая идетъ... Выпустилъ славу народъ, значитъ, ужъ вѣрно!

Грѣхъ есть еще за тобой: вволю съ тобою работы! Послѣ страды полевой, всѣмъ о тебѣ, мой родной, мало-ль заботы? Вытянулъ, — въ снопъ увяжи, и выколачивай сѣмя; теплымъ денькомъ дорожи, да на мочила сложи,—все надо время! Въ воду холодную лѣзь, камни грузи пудовые, по поясъ вымокнешь весь... Долго промаешься здѣсь! Дни трудовые!

Вынулъ,—на стлище клади,—долго ленку еще сохнуть: пусть полежитъ погоди, не перешелъ бы,—гляди, послѣ-бъ не охнуть! Подняли — мять ужъ пора: тянутся съ скрипомъ телѣги!.. Встанешь—куда!—до утра мнешь,—вѣдь не мало добра,—тутъ не до нѣги!

Время трепать подошло, мятаго кучу сложили! Треплешь,—въ рубахѣ тепло,—на полъ костры отошло... Пылито, пыли! Вышелъ и ростомъ ленокъ, и волокномъ-то казистый. Въ городъ везти тебя срокъ: сталъ ты цѣною высокъ, мягкій и чистый.

Что дѣлаютъ со льномъ?

77. Въ полѣ за васильками.

Узкая тропинка въ высокой ржи. Идешь, а рожь, выше твоей головы, съ обѣихъ сторонъ тебѣ кланяется. Лазоревые васильки ласково улыбаются, къ себѣ манятъ. Сорвешь одинъ, другой, третій около тропинки; четвертый едва досталъ рукой, а пятый и шестой уже заманили въ самую рожь. Ступаешь осторожно между золотистой соломкой колосистой ржи,—жаль и рожь мять, но и до васильковъ хочется добраться.

Въ тѣни колосьевъ прохладно. Ляжешь... Не оторвать глазъ отъ лазурнаго неба, отъ легкихъ серебристыхъ облаковъ, плавающихъ высоко,—гораздо выше жаворонка, который заливается въ вышинѣ звонкою пѣснью.—Вдругъ крикнетъ чуть не подъ ухомъ перепелъ, такъ что вздрогнешь... Опять тишина, опять смотришь на голубое небо.

„Ай!“ вскрикнешь невольно: около головы пробѣжалъ мышонокъ. Вскочешь, какъ угорѣлый, а потомъ и самому смѣшно: какого звѣря испугался! Однако мышонокъ явился кстати: изъ лощины потянуло холодкомъ, солнышко собирается на покой. Нарвешь поскорѣе цѣлый пучокъ васильковъ и пустишься бѣгомъ домой.

78. Лугъ.

Кому не случалось гулять весною раннимъ утромъ на лугу? Солнце свѣтитъ, въ воздухѣ тепло и тихо; куда не посмотришь, конца нѣтъ зелени, а по зелени ярко пестрѣютъ разнообразные цвѣты.

Все тихо; на деревѣ листъ не шелохнется; вотъ поднялся жаворонокъ и вьется въ воздухѣ и щебечетъ свою веселую пѣсню; вотъ въ кустахъ порхаетъ малиновка, тамъ жужжитъ пчела, или пестрая бабочка перелетаетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ; здѣсь по—стебелькамъ ползаетъ золотокрылый жукъ, тамъ внизу пробирается муравей и тащитъ соломку. Все ликуетъ, поетъ и радуется!

Назовите извѣстные вамъ травы и цвѣты.

79. Поемные луга.

— Вотъ луга, такъ луга! сказалъ дѣдушка Пахомъ внучку своему Васѣ: какая не была засуха, на нихъ всегда есть трава и покосъ всегда хорошій.

— Отчего же это? спросилъ Вася.

— Да оттого, отвѣчалъ дѣдъ Пахомъ, что всякую весну эта рѣченка разливается куда какъ широко—вонъ подъ тѣ самыя лозы, верстъ, чай, на семь! Когда же вода потомъ сбудетъ, то и трава пойдетъ расти шибко да гонко—да такая зеленая, сочная! Эти луга, **поемные**, дорогіе луга, славные луга! Много они, сердечные, кормятъ лошадушекъ; а лошадушки—кормильцы наши. Чтобы мы безъ нихъ стали дѣлать? Онѣ насъ и возятъ, милыя; онѣ намъ и пашенку пашутъ и боронятъ, а придется-ли дровецъ изъ лѣсу привезти—опять-таки за лошадку. Онѣ намъ навозъ даютъ; безъ навоза же наши поля родятъ плохо.

Вотъ и выходитъ, что луга-то вещь дорогая, особенно луга поемные. Поле вездѣ распахать можно, хоть бы изъ-

подъ самаго глухого лѣсу; выруби деревья, выкорчи корни, да и распахивай землицу-то; а поемные луга уже не распашешь! Гдѣ Богъ далъ, тамъ и есть, а гдѣ сѣна много, тамъ и лошадка, и коровка, и овечка сыты...

Какіе луга называются поемными? Что они представляютъ особеннаго?

80. Лягушка и волъ.

Лягушка, на лугу увидѣвши вола,
Затѣяла сама въ дородствѣ съ нимъ сравняться:
Она завистлива была—
И ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться.
— „Смотри-ка, квакушка, что, буду я съ него?“
Подругѣ говоритъ.—„Нѣтъ, кумушка, далеко!“
— „Гляди же, какъ теперь раздуюсь я широко.
Ну, каково?
Пополнилась ли я?“—„Почти что ничего“.
— „Ну, какъ теперь?“—„Все то жъ“.
Пыхтѣла да пыхтѣла.
И кончила моя затѣйница на томъ,
Что, не сравнявшися съ воломъ,
Съ натуги лопнула и околѣла.

Гдѣ водится лягушка? Чѣмъ она питается? Куда кладетъ свои яички? Что изъ нихъ выходитъ? Кто выходитъ изъ головастиковъ? Гдѣ проводитъ лягушка зиму? Когда она выходитъ на свѣтъ Божій?

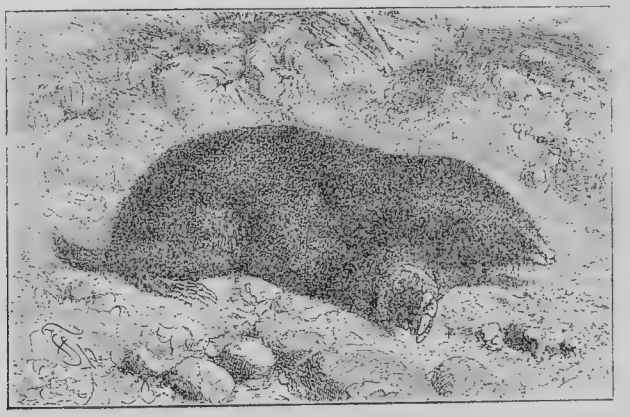
81. Кротъ.

На лугахъ, поляхъ и огородахъ попадаются часто кучки нарытой рыхлой земли. Кучки эти дѣлаетъ небольшой подземный звѣрекъ—кротъ. Кротъ рѣдко выходитъ наружу и почти всю свою жизнь проводитъ въ землѣ. Онъ устраиваетъ себѣ тамъ очень замысловатыя норы съ разными ходами и выходами. Особенно искусно дѣлаетъ кротъ себѣ гнѣздо, выстилая его мохомъ, листьями и соломой.

Кротъ роется въ землѣ очень свободно. Онъ сначала

разрыхляетъ землю своимъ острымъ рыльцемъ, а потомъ отгребаетъ ее лапами и быстро отбрасываетъ назадъ. Когда земли позади крота набирается много, и она начинаетъ мѣшать ему, онъ выбрасываетъ ее наружу. Эта земля и образуетъ тѣ кучки, которыя видны снаружи надъ подземными ходами крота.

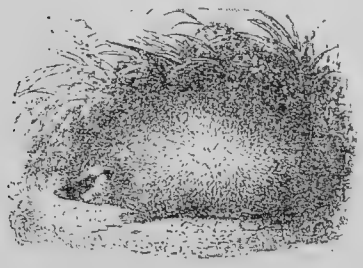
Главная пища крота состоитъ изъ личинокъ насѣкомыхъ, живущихъ въ землѣ, и дождевыхъ червей. Кромѣ того онъ ѣстъ улитокъ, ящерицъ и другихъ мелкихъ жи-



вотныхъ. Кротъ ѣстъ очень много. Онъ отдыхаетъ мало и почти все время проводитъ въ поискахъ за пищей. Прожорливость его такъ велика, что онъ не можетъ пробыть безъ пищи даже двѣнадцати часовъ и умираетъ съ голоду. Какъ ни прожорливъ кротъ, но онъ скорѣе умретъ съ голоду, чѣмъ станетъ есть растенія. Оберегая растенія на поляхъ и лугахъ отъ вредныхъ подземныхъ тварей, кротъ приноситъ человѣку большую пользу и, по справедливости, можетъ назваться его другомъ. Правда, своими ходами и кучками земли онъ портитъ покосы, но этотъ вредъ совершенно ничтоженъ, и неразумно поступаютъ тѣ люди, которые истребляютъ кротовъ, считая ихъ вредными животными.

82. Кротъ и ежъ.

Приближалась зима. У ежа не было норы, и онъ сталъ терпѣть холодъ. Вотъ онъ пришелъ къ кроту и сказалъ: „Кротъ, уступи мнѣ маленькое мѣстечко въ твоей норѣ“. Кротъ пустилъ его къ себѣ. Ежъ такъ растопырилъ свои иглы что бѣдный хозяинъ не могъ повернуться въ своемъ жильѣ. Онъ постоянно натыкался на иглы своего гостя.



Наконецъ кротъ вышелъ изъ терпѣнья и сталъ просить ежа оставить нору. „Мнѣ здѣсь тепло и спокойно“, отвѣчалъ ежъ своему хозяину: „если же тебѣ не нравится мое сосѣдство, то уходи, куда хочешь“.

83. Ручей.

У одного хозяина былъ лугъ; но трава на немъ росла плохо. Хозяинъ пошелъ къ сосѣду и сталъ распрашивать: „Скажи, пожалуйста, отчего на твоемъ лугу такая славная трава?“ Сосѣдъ сказалъ ему: „И мой лугъ прежде былъ плохъ; но я провелъ изъ рѣки воду: въ землѣ стало больше влаги, и трава стала лучше“?

Хозяинъ пришелъ домой, взялъ желѣзную лопату и прокопалъ черезъ свою землю большую канаву. Вода изъ рѣки быстро залила весь лугъ: траву затянуло пескомъ и мелкими камушками. Хозяинъ сердился и бранилъ своего сосѣда за его выдумку.

Когда сосѣдъ увидалъ въ чемъ дѣло, то сказалъ: „пеняй на себя, ты самъ виноватъ. Воду слѣдовало пустить маленькими канавками; а ты провелъ большой ру-

чей: тебѣ хотѣлось сразу полить весь лугъ, оттого и бѣда вышла".

Почему необходимо удалять лишнюю воду съ луговъ?

84. Ручеекъ.

Съ крутыхъ муравчатыхъ холмовъ.
Въ долину ручеекъ стремится;
Играетъ, вьется межъ кустовъ,
И свѣтлымъ зеркаломъ струится;
Но вскорѣ бурною зимой
Морозовъ звонкихъ ужаснется,
И, ужъ окованный волной,
Блестящій токъ не шевельнется.

85. Ручей и рѣка.

Небольшой ручеекъ пробѣгалъ по оврагу и впадалъ въ рѣку.

„Какой ты маленькій'" сказала рѣка ручью.

— „Если бы насъ, маленькихъ ручейковъ, не было, такъ и ты не была бы большою рѣкою", отвѣчалъ ручей.

Какъ образуются рѣчки?

86. Рѣчка.

Бѣлымъ снѣгомъ заметало
Лугъ и лѣсъ кругомъ,
И, затихнувъ, рѣчка стала,
Скованная льдомъ.
Но пригрѣло солнце мая
Съ теплою весной,

Рѣчка вновь бѣжитъ, играя
Свѣтлою струей.
Снова плещется въ ней рыбка,
Солнышко блеститъ;
У воды подъ вербой гибкой
Рыболовъ сидитъ.
Птичка ей съ кустовъ прибрежныхъ
Пѣсенку поетъ;
Вслѣдъ за маткой стадо малыхъ
Уточекъ плыветъ.
Къ ней свернулъ съ пути-дороги
Странничекъ босой,
Жадно пьетъ онъ, моетъ ноги
Свѣжею струей.
Рада солнцу и движенью,
Рѣчка говоритъ:
„Пусть впередъ, не скованъ лѣнью,
Мой потокъ бѣжитъ!
Всѣмъ утѣхой быть, отрадой
Веселѣе мнѣ,
Чѣмъ подъ снѣжною преградой
Спать въ холодномъ снѣ“.

Рѣка зимою, весною, лѣтомъ и осенью.

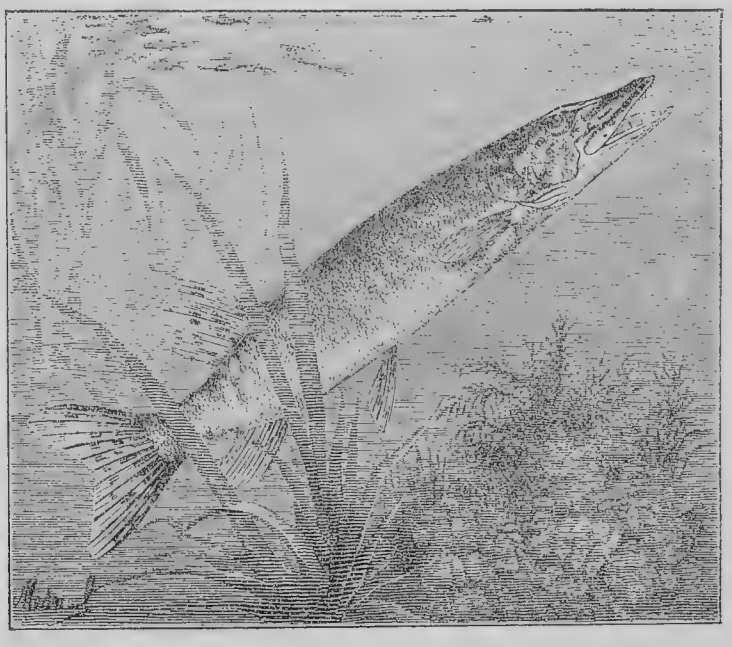
87. Два рака.

„Все пятится назадъ! Куда какой дуракъ! — бранилъ такъ рака старый ракъ.—Впередъ ступай, впередъ! А то я драться стану“.—„Да покажите вы мнѣ, батюшка, хоть разъ, какъ надобно ходить. Ступайте вы впередъ, а я ужъ не отстану“.

88. Про щуку.

Плаваютъ въ рѣкѣ мирныя плотички да толстоголовые налимы, ловятъ червячковъ, букашекъ, глотаютъ тину,

ѣдятъ водяныя растенія, другихъ рыбокъ не обижаютъ. Но вотъ плыветъ длиннорылая, желтоглазая щука и жадно хватаетъ бѣдныхъ рыбъ. Не уйти имъ отъ щуки—плаваетъ она ужъ очень быстро; развѣ только ершъ ощетинится и уйдетъ отъ ея острыхъ зубовъ, да лягушка успѣетъ выскочить на берегъ. А зубовъ у щуки многое—множество: и въ челюстяхъ, и на нёбѣ, и даже въ горлѣ.



Длинное туловище щуки покрыто чешуею; изъ подъ чешуи выдѣляется слизь. У щуки **семь плавниковъ:** пара грудныхъ, пара брюшныхъ, спинной, задній и хвостовой или просто хвостъ. Плавники эти служатъ для плаванія. Чтобы легче было щукѣ подыматься и опускаться въ водѣ, у нея внутри есть плавательный пузырь.

У щуки есть **жабры**, которыми она дышетъ. Поднявъ у нея жаберныя крышки,—мы увидимъ красныя бахромки, которыя лежатъ дужками; это—жабры. Въ водѣ всегда есть немного воздуха. Щука наберетъ въ ротъ воды и

пропускаетъ ее въ жабры; жаберныя крышки открываются, вода выходитъ, а воздухъ въ видѣ пузырьковъ остается на жабрахъ. Весною щука мечетъ икру; изъ нея выходятъ маленькія щучки, совершенно похожія на взрослую щуку.

Какихъ рыбъ вы знаете? Назовите тѣхъ рыбъ, которыя водятся въ моряхъ? Чѣмъ ловятъ рыбу? Отчего рыбы умираютъ безъ воды? Сравнить рыбу съ птицами: наружность, движеніе, величина, перья и чешуя, яйца, нравъ.

89. Семья рыбака.

Въ окнахъ-огонекъ;
Домикъ надъ рѣкою.
Свѣтлой полосою
На воду онъ легъ.
Въ домѣ не дождутся
Съ ловли рыбака:
Обѣщалъ вернуться
Черезъ два денька.
Но прошелъ ужъ третій,
А его все нѣтъ.
Ждутъ напрасно дѣти,
Ждетъ и старый дѣдъ.
Всѣхъ нетерпѣливѣй
Ждетъ его жена.
Ночи молчаливѣй
И, какъ холстъ, блѣдна...
Вотъ за ужинъ сѣли,
Ей не до ѣды:
„Какъ бы въ самомъ дѣлѣ
Не было бѣды!..“
Вдоль рѣки несется
Лодочка; на ней
Пѣсня раздается,
Все слышнѣй, слышнѣй.
Звуки той знакомой
Пѣсни услыхавъ,
Дѣти вонъ изъ дому
Бросились стремглавъ...
Весело вскочила
Изъ-за прялки мать,
И у дѣда сила
Вдругъ нашлась бѣжать.
Вотъ и воротился,
Веселъ и здоровъ!..
Въ росказни пустился
Тотчасъ про уловъ.

Вонъ морды и сѣти,
Наловилъ всего,
Съ любопытствомъ дѣти
Слушаютъ его.
Смотритъ дѣдъ на щуку,—
— „Больно велика!“
Мать сынишкѣ въ руку
Суетъ окунька.
Дѣвочка присѣла
Около сѣтей
И взяла несмѣло
Парочку ершей.
Прыгаютъ, смѣются
Дѣтки, если вдругъ,
Рыбки встрепенутся,
Выскользнутъ изъ рукъ.
Долго раздавался
Смѣхъ ихъ надъ рѣкой;
Ими любовался
Мѣсяцъ золотой.

Какія породы рыбъ водятся въ вашей рѣкѣ? Чѣмъ каждая порода отличается другъ отъ друга?

90. Откуда и куда текутъ рѣки.

Хороша широкая многоводная рѣка!

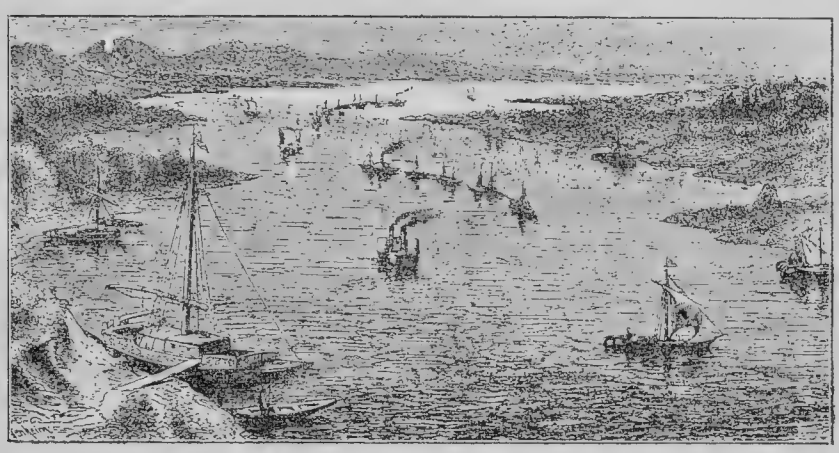
Привольно бѣгутъ по ней пароходы съ сотнями пассажировъ, плывутъ тяжелыя, нагруженныя до верху барки, тянутся одинъ за другимъ плоты, мелькаютъ то тамъ, то сямъ лодки,—всѣхъ ихъ несетъ на себѣ рѣка, и всѣмъ имъ легко идти по ея теченію. По широкой судоходной рѣкѣ люди перевозятъ такія тяжести, какихъ по землѣ не свезти и на сотнѣ лошадей.

Особенно красива большая рѣка весною, когда она выступаетъ изъ своихъ береговъ и разливается въ ширь на далекое пространство; и съ каждымъ днемъ вода въ ней прибываетъ, подымается все выше и выше и заливаетъ прибрежныя мѣста,—и рѣка кажется тогда неоглядымъ моремъ.

Откуда же берется вода въ рѣкѣ? И почему и куда эта вода безостановочно все бѣжитъ? Если поѣхать по рѣкѣ противъ ея теченія и такъ ѣхать долгое время, то можно замѣтить, что рѣка становится все уже и уже; наконецъ доберешься до такого мѣста, гдѣ и проѣхать нельзя даже на самой маленькой лодочкѣ: рѣка тамъ уже не рѣка, а просто ручеекъ.

Если будешь идти по берегу этого ручейка, то можешь иногда добраться до того мѣста, откуда онъ вытекаетъ: это будетъ или болото, или озеро, или же родникъ воды, вытекающій изъ-подъ земли (такіе родники называются иначе источниками или ключами). Вотъ это мѣсто, гдѣ начинается рѣка, и называется **истокомъ** рѣки.

Не у всѣхъ рѣкъ, однако, истоки находятся въ болотахъ, озерахъ или родникахъ: есть множество рѣкъ, которыя текутъ съ горъ. Тамъ, на высокихъ горахъ, скопляется много снѣгу; этотъ снѣгъ мало-по-малу подтаиваетъ снизу, и вода изъ-подъ него просачивается въ разныхъ мѣстахъ



маленькими струйками; струйки сливаются вмѣстѣ и катятся внизъ по склону горы въ видѣ узенькаго ручейка. По дорогѣ ручеекъ встрѣчается со множествомъ такихъ же проворныхъ и весело журчащихъ ручейковъ, соединяется съ ними,—и вотъ, по косому склону горы бѣжитъ уже шумный потокъ. Нѣсколько такихъ потоковъ у **подошвы** горъ сливаются вмѣстѣ и образуется горная рѣчка, которая съ страшной быстротою прокладываетъ себѣ дорогу въ ближайшую долину, куда направляются и съ другихъ горъ ручьи и рѣчки: изъ нихъ-то въ долинѣ образуется широкая и многоводная рѣка.

Углубленіе, по которому протекаетъ рѣка, называется **русломъ** рѣки; края этого углубленія называются **берегами**; одинъ изъ нихъ считается **правымъ** берегомъ, другой —**лѣвымъ**. Люди рѣшили называть правымъ берегомъ тотъ, который будетъ на правой сторонѣ, если человѣкъ станетъ лицомъ въ ту сторону, куда течетъ рѣка; а лѣвый, конечно, тотъ, который будетъ слѣва у человѣка, стоящаго лицомъ по теченію рѣки.

И рѣки, вытекающія изъ озеръ или болотъ, или берущія свое начало изъ подземныхъ родниковъ, тоже, сначала, текутъ узенькимъ ручейкомъ. Эти ручейки встрѣчаются съ другими, сливаются съ ними и превращаются въ рѣчки. Когда нѣсколько рѣчекъ соединятся, то составляется большая рѣка, получающая свою воду отъ всѣхъ своихъ многочисленныхъ **притоковъ**.

Рѣки, вытекающія изъ озеръ или болотъ, не бѣгутъ такъ быстро и шумно, какъ тѣ, которыя берутъ свое начало съ горъ. Но все-таки во всякой рѣкѣ вода не стоитъ, а течетъ безостановочно, потому что истоки рѣки всегда находятся на возвышенномъ мѣстѣ; это возвышенное мѣсто имѣетъ склонъ въ какую-нибудь сторону: по этому-то склону вода и направляется, прокладывая себѣ дорогу туда, гдѣ мѣстность становится все ниже и ниже.

И бѣжитъ, течетъ вода въ рѣкѣ до тѣхъ поръ, покуда не встрѣтитъ самаго низкаго мѣста: тамъ только она и остановится. Самыя же низкія мѣста, т. е. углубленія земли, заняты морями и озерами: вотъ рѣки и направляются въ эти моря и озера. То мѣсто, гдѣ рѣка оканчивается и впадаетъ въ море или озеро, называется **устьемъ** рѣки.

Дологъ путь рѣки отъ ея истока до устья. Но неутомимо и безостановочно катитъ рѣка свои воды иногда съ одного конца страны на другой, начинаясь въ одномъ мѣстѣ едва замѣтной струйкой и кончаясь вдали широ-

кимъ многоводнымъ устьемъ. А сколько изгибовъ, излучинъ и поворотовъ сдѣлаетъ иная рѣка, пока доберется до далекаго моря!

Одна совершаетъ свой путь вольно и плавно по широкой равнинѣ; другая бурливо и грозно мчится между горъ, отрывая отъ ихъ боковъ камни. Но всѣ онѣ въ концѣ-концовъ успокоятся, когда вольютъ свои прѣсныя воды въ соленое **море—океанъ**.

91. Рѣка.

Игриво поверхность земли разсѣкая,
Волнуясь и пѣнясь, кипя и сверкая,
Хрустальныя рѣки текутъ въ океанъ—
Бѣгутъ, ниспадаютъ по склону земному
Въ бездонную пасть къ великану сѣдому,
И ихъ поглощаетъ сѣдой великанъ.
И что жъ? Океанъ испаряетъ могучій
Ту влагу, что взялъ онъ отъ вьющихся рѣкъ,
И, свѣжимъ дождемъ опрокинувъ изъ тучи,
Проточный опять возвращаетъ ей бѣгъ.

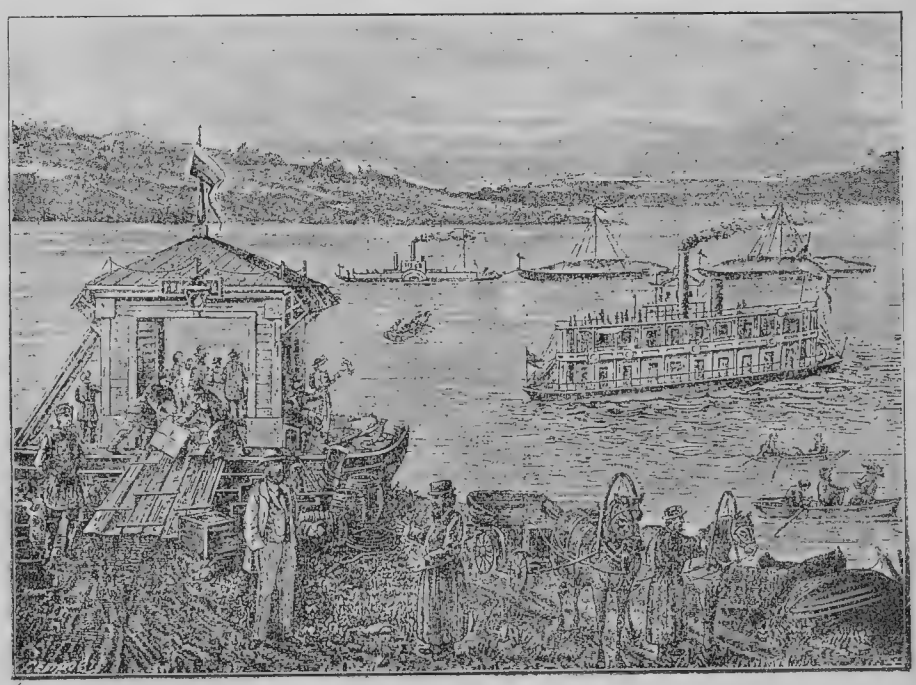
92. Куда дѣвается вода изъ моря.

Изъ родниковъ, ключей и болотъ вода течетъ въ ручьи, изъ ручьевъ въ рѣчки, изъ рѣчекъ въ большія рѣки; и всѣ рѣки текутъ въ моря съ тѣхъ поръ, какъ міръ сотворенъ. Куда дѣвается вода изъ моря? Отчего она не течетъ изъ краевъ?

Вода изъ моря поднимается туманомъ; туманъ поднимается выше, потомъ изъ тумана дѣлаются тучи. Тучи гонитъ вѣтромъ и разноситъ по землѣ. Изъ тучъ вода падаетъ на землю. Съ земли стекаетъ въ болота и ручьи. Изъ ручьевъ течетъ въ рѣки; изъ рѣкъ въ море. Изъ моря опять вода поднимается въ тучи, тучи разносятся по землѣ.

93. Наши рѣки.

У насъ очень много рѣкъ. Есть у насъ и большія рѣки, которыя пробѣгаютъ тысячи верстъ, есть и неболь шія, длиною всего нѣсколько верстъ. Рѣки текутъ или въ море, или въ озеро; но если рѣка не доходитъ до моря или до озера, а впадаетъ въ другую рѣку, то такая рѣка называется **притокомъ**.



У нашихъ большихъ рѣкъ много притоковъ, которые приносятъ своей главной рѣкѣ большое количество воды. Такія рѣки, по которымъ могутъ свободно плавать пароходы и всякія суда, называются **судоходными** рѣками.

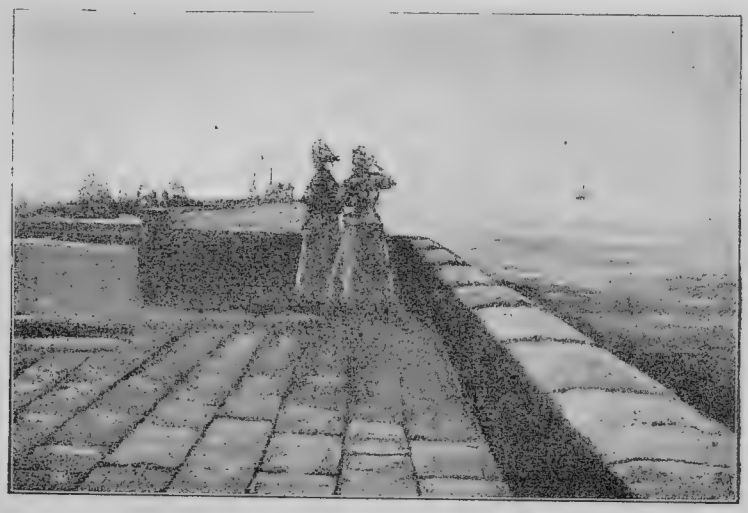
Наши главныя рѣки слѣдующія: Волга, Днѣпръ, Донъ, Уралъ, Сѣверная Двина, Печора, Западная Двина, Висла, Нева.

Назовите наши озера и моря.

94. Водяные пути.

Самая дешевая дорога—это водные пути; тутъ не надо ни **гатей**, ни мостовъ; въ морѣ и въ многоводной рѣкѣ вездѣ дорога.

Для плаванія по глубокимъ озерамъ, рѣкамъ и морямъ люди придумали большія лодки, которыя называются **кораблями**. Посединѣ корабля стоятъ высокіе столбы — **мачты**; къ мачтамъ привязываютъ широкое полотно — **паруса**: вѣ-



теръ дуетъ въ паруса, и корабль плыветъ по водѣ. Только съ такими кораблями не особенно удобно: надо плыть въ одну сторону, а вѣтеръ дуетъ въ другую, а то и вовсе нѣтъ вѣтра; что тутъ дѣлать?

Когда люди узнали, что паромъ можно двигать колеса, то на корабляхъ поставили машины. И вотъ теперь плыветъ человѣкъ по водѣ за тысячи верстъ, куда ему вздумается. Корабли съ паровыми машинами называются **пароходами**.

95. Корабельщики.

По синему-синему морю,
Купаясь въ соленыхъ струяхъ,
Летитъ, будто лебедь крылатый,
Корабликъ на всѣхъ парусахъ.
Вдругъ буйные вѣтры подули;
Высокія мачты скрипятъ,
И темныя-темныя волны
Грядами бѣгутъ и шумятъ.
Глядятъ корабельщики въ море
И думаютъ думу тайкомъ:
„Какъ дастъ-то Господь совладать намъ
Съ пучиною грозной морской"!..

Какую пословицу можно примѣнить къ стихотворенію: „Корабельщики?"

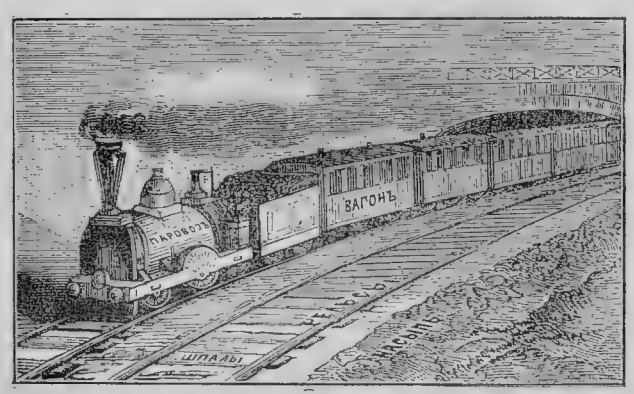
96. Сухопутныя дороги.

Безъ дороги и на хорошемъ конѣ далеко не уѣдешь. Самая лучшая дорога **чугунка**.

Чугунку—**желѣзную дорогу**—устраиваютъ такъ: сначала выравниваютъ то мѣсто, гдѣ пройдетъ дорога; овраги засыпаютъ землей, горы и бугры срываютъ, по низинамъ и сырымъ мѣстамъ дѣлаютъ **земляныя насыпи**, черезъ рѣки строятъ каменные и желѣзные мосты. Когда все готово, поперекъ дороги укладываютъ **шпалы**—это бревна, приблизительно въ сажень длиной каждое,—къ шпаламъ прибиваютъ желѣзныя полосы—**рельсы**, и дорога готова.

По чугункѣ ѣздятъ не телѣги, а ходятъ **поѣзда** товарные и пассажирскіе. Каждый поѣздъ состоитъ изъ **машины—паровоза** и особыхъ повозокъ — **вагоновъ**. Вагонъ сдѣланъ въ видѣ маленькаго домика; въ немъ есть полъ и потолокъ, окна, двѣ двери и печка, и потому зимой ѣхать не холодно. Въ каждый вагонъ садится человѣкъ сорокъ и

больше, а въ поѣздѣ бываетъ отъ 10 до 20 вагоновъ. Вотъ сколько везетъ одна машина! Въ вагонѣ можно сидѣть, ходить, спать, читать книгу или газету, пить чай и обѣдать. Словомъ, сидишь, какъ дома. Въ часъ поѣздъ проходитъ отъ 30 до 50-ти верстъ; въ сутки такимъ образомъ можно проѣхать болѣе тысячи верстъ. Всѣ вагоны на желѣзныхъ колесахъ, ободъ колеса катится по рельсамъ, оттого и ѣхать легко.



Послѣ чугунки самая удобная дорога **шоссейная**. Шоссе — это простая **грунтовая** дорога, только выровненная и вымощенная камнемъ. Отъ губернскаго города и отъ желѣзной дороги почти во всѣ уѣздные города идутъ **почтовыя** дороги; онѣ отличаются отъ **проселочныхъ** дорогъ только тѣмъ, что шире ихъ. Проселочныя дороги бываютъ **большія**, то-есть широкія, наѣзжанныя, и **малыя**. Онѣ идутъ изъ городовъ въ села, изъ селъ въ деревни, выселки и хутора.

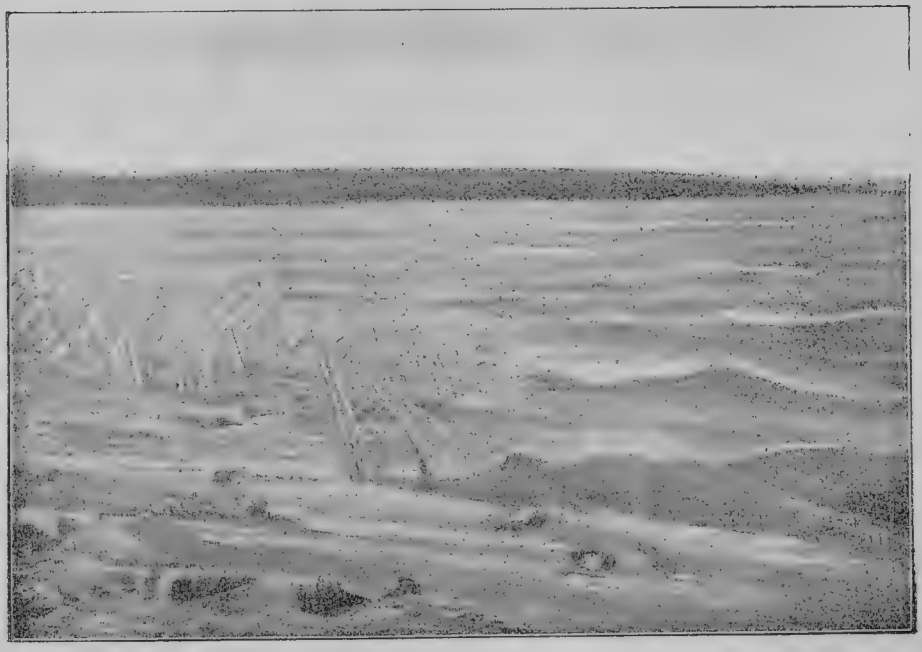
97. Двѣ дороги.

Прямая дорога, большая дорога,
Простору не мало взяла ты у Бога.
Ты въ даль протянулась, пряма какъ стрѣла,
Широкою гладью, что скатерть, легла;
Ты камнемъ убита, жестка для копыта,

Ты мѣрена мѣрой, трудами добыта.
Въ тебѣ что ни шагъ—то мужикъ работалъ,
Прорѣзывалъ горы, мосты настилалъ.
А съ каменной рядомъ, поодаль немножко,
Окольная вьется живая дорожка.
Дорожка, дорожка, куда ты ведешь?
Безъ званья ли ты, иль со званьемъ слывешь?
Идешь, колесишь ты, не зная разбору,
По рвамъ, по долинамъ, чрезъ рѣчку и гору.
Тебя не ровняли топоръ и лопата;
Мягка ты копыту и пылью богата.

Какими удобствами отличается шоссе сравнительно съ проселкомъ? Какихъ усилій и трудовъ требуетъ устройство шоссе?

98. На озерѣ.



Ясно утро. Тихо вѣетъ теплый вѣтерокъ; лугъ, какъ бархатъ, зеленѣетъ, въ заревѣ востокъ. Окаймленное ку-

стами молодыхъ ракитъ, разноцвѣтными огнями озеро блеститъ. Тишинѣ и солнцу радо, по равнинѣ водъ лебедей большое стадо медленно плыветъ. Вотъ одинъ взмахнулъ лѣниво крыльями—и вдругъ влага брызнула игриво жемчугомъ вокругъ.

Привязавъ къ ракитамъ лодку, рыбаки, вдвоемъ, близъ осоки втихомолку тянутъ сѣть съ трудомъ. На травѣ, въ рубашкахъ бѣлыхъ скачутъ босикомъ два мальчишка загорѣлыхъ на прутахъ верхомъ. Крупный потъ съ нихъ градомъ льется, и лицо горитъ; звучно смѣхъ ихъ раздается, голосокъ звенитъ. „Тянутъ, тянутъ!—закричали ребятишки вдругъ.—Вдоволь, чай, теперь поймали и линей, и щукъ“.

Вотъ на берегѣ отлогомъ показалась сѣть. „Ну, вытряхивай-ка съ Богомъ, нечего глядѣть!“ — такъ сказалъ старикъ высокій, весь, какъ лунь, сѣдой, съ грудью выпукло-широкой, съ длинной бородой. Сѣть намокшую подняли дружно рыбаки; на пескѣ затрепетали окуни, линьки. Дѣти весело шумѣли: „Будетъ на денекъ!“ И на корточки присѣли: рыбу класть въ мѣшокъ. Рыбаки потолковали и въ село пошли; вслѣдъ мальчишки побѣжали, рыбу понесли.

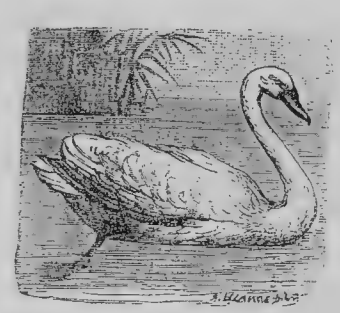
Описаніе природы. Дѣйствія рыбаковъ и дѣтей.

99. Дружба лебедей.

Въ лѣсу было чистое и глубокое озеро. На берегу этого озера стояла избенка стараго полѣсовщика, большого охотника. На озеро по зарямъ стала прилетать пара лебедей. Это была влюбленная пара. Прекрасныя птицы, породистыя, бѣлоснѣжныя, съ громадными крыльями, встрѣчали здѣсь восходъ солнца, плавали, ныряли, рѣзвились. Изъ оконца своей избенки полѣсовщикъ наблюдалъ эту лебединую дружбу, и его прельстили бѣлыя роскошныя крылья лебедя.

Однажды, засѣвъ въ кустахъ съ ружьемъ, онъ подстерегъ влюбленную пару и убилъ лебедя. Лебедка подняла вопль на весь лѣсъ и долго ногами и крыльями отбивала трупъ лебедя, когда старикъ бралъ въ лодку свою кровавую добычу. Это удивило лѣсника. Онъ не рѣшился пристрѣлить ее и быстро уплылъ. Лебедка съ яростью кидалась въ лодку и, когда убійца ея друга вышелъ на берегъ и скрылся въ избѣ, застонала, закружилась, снялась и улетѣла за лѣсъ, въ ту сторону, откуда каждое утро прилетала съ своимъ другомъ.

Съ того времени ежедневно, на зарѣ, лебедка прилетала на то мѣсто озера, гдѣ прежде любовалась съ своимъ милымъ и гдѣ сразилъ его выстрѣлъ охотника. Широко развивъ свои крылья, она тихо покачивалась на водѣ и, запрокинувъ гордо голову, выгнувъ шею, стонала такъ плачевно, такимъ жалкимъ голосомъ, что полѣсовщикъ не зналъ, куда ему дѣваться отъ угрызенія совѣсти. Онъ самъ затосковалъ, не спалъ ночей, съ ужасомъ дожидаясь зари. Лебедка оплакивала своего друга, и клики ея были похожи на безумные, дикіе вопли.



Наконецъ, не выдержалъ полѣсовщикъ и рѣшилъ покончить съ тоскующей лебедью. Въ одно утро онъ вышелъ съ ружьемъ и, подойдя къ озеру, прицѣлился въ несчастную. Едва лебедь замѣтила полѣсовщика, она повернулась и, трепеща крыльями, грудью полетѣла на ружье. Она сама искала смерти и какъ будто говорила: „убей и меня; не хочу жить безъ милаго“.

Кромѣ лебедя, какихъ плавающихъ птицъ вы еще знаете? Наружность лебедя.

100. Лебедь и соколъ.

Какъ по̀ морю,
Какъ по мо̀рю, морю синему
Плыла лебедь,
Плыла лебедь съ лебедятами,
Со малыми,
Со малыми со дѣтятами.

Плывши лебедь встрепенулася,
Подъ ней вода всколыхнулася.
Отколь взялся тутъ ясенъ соколъ,
Ушибъ-убилъ лебедь бѣлую;
Онъ пухъ пустилъ по поднебесью,
А перышки по синю морю.

101. Ночлегъ дикихъ гусей.

Подросли, выровнялись гусята и стали молодыми гусями. Перелиняли, окрѣпли старые, составились станицы, и начались утреннія и вечернія прогулки по хлѣбнымъ полямъ.

За часъ до заката солнца, стаи гусей поднимаются съ воды и подъ предводительствомъ опытнаго вожака летятъ на поля. Сначала облетятъ большое пространство, высматривая мѣсто, поудобнѣе, хлѣбъ посытнѣ, и, наконецъ, опускаются на какую-нибудь десятину. Такъ продолжаютъ они свой ужинъ почти до темной ночи.

Но вотъ раздается громкое, призывное гоготанье стариковъ. Молодые торопливо собираются въ кучу, перекликаясь между собой. Вся стая съ зычнымъ крикомъ тяжело поднимается, летитъ тихо и низко къ тому озеру, на которомъ она, обыкновенно, ночуетъ.

Прилетѣвъ на мѣсто, гуси шумно опускаются на воду, жадно пьютъ и садятся на ночлегъ. При всякомъ шорохѣ сторожевой гусь загогочетъ, и всѣ откликаются, встаютъ

и выпрямляются, вытягиваютъ шеи и готовы летѣть. Но шумъ замолкъ,—и все стихло. Сторожевой теперь гогочетъ совсѣмъ другимъ голосомъ — тихо, успокоительно, и вся стая снова усаживается и засыпаетъ.

Какіе бываютъ гуси? Ихъ наружный видъ. Чѣмъ они питаются? Какую пользу людямъ приносятъ?

102. Болото.

Я цѣлый часъ болотомъ занялся.
Тамъ бѣлоусъ торчитъ, какъ щепка, жесткій;
Тамъ точно прудъ зеленый разлился.
Лягушка, взгромоздясь, какъ на подмостки,
На старый пень, торчащій изъ воды,
На солнцѣ нѣжится и дремлетъ... Бѣлымъ
Пушкомъ одѣты тощіе цвѣты;
Надъ ними мошки вьются роемъ цѣлымъ;
Лишь незабудокъ сочныхъ бирюза
Кругомъ глядитъ умильно мнѣ въ глаза,
Да оживляютъ бѣдный міръ болотный
Порханье бѣлой бабочки залетной
И хлопоты стрекозокъ голубыхъ
Вокругъ тростинокъ тощихъ и сухихъ.

Отличіе болота отъ рѣки. Вода для питья на болотѣ и въ рѣкѣ. Купанье. Водяныя мельницы. Водяная и водоплавающая дичь. Водяныя растенія. Торфъ. Вредъ и польза, приносимая рѣкою и болотомъ.

103. Про журавля.

Журавль—болотная дикая птица; но его легко можно приручить. Тогда онъ будетъ спокойно разгуливать по всѣмъ комнатамъ и по двору. Онъ будетъ стеречь куръ и другихъ домашнихъ птицъ, какъ умная собака. Онъ не позволитъ имъ ссориться другъ съ другомъ, а если начнется драка, онъ сейчасъ же станетъ кричать на драчуновъ, клевать ихъ и разгонитъ ихъ въ разныя стороны. Ручной журавль водитъ гусей на пастбище, держитъ ихъ въ порядкѣ и въ порядкѣ же приводитъ домой. Журавль любитъ и поиграть. Для этого онъ подбираетъ съ земли камешки и щепки, бросаетъ ихъ кверху и ловитъ опять.

Что такое журавль? Видъ его, пища и польза.

104. Разборчивая цапля.

Гордая, старая, долгоногая цапля прохаживалась близъ рѣчки по зеленому лугу. Ей захотѣлось ѣсть: она спустилась къ водѣ и стала караулить добычу. Какъ нарочно, былъ прекрасный лѣтній день, и солнечные лучи приманили всю рыбу со дна наверхъ. Рыба ходила стаями, играла и рѣзвилась въ прозрачной водѣ. Вотъ цапля видитъ — возлѣ самаго берега плаваетъ нѣсколько щурятъ, словно сами напрашиваются въ ротъ. Но она отвернулась въ сторону и говоритъ съ презрѣніемъ: „Щурята! нечего сказать, хорошая рыба! Буду я ѣсть щучину! Какъ бы не такъ! Тутъ должны водиться лещи: я лучше дождусь ихъ!“

Вотъ она стоитъ и поджидаетъ лещей, а голодъ донимаетъ ее все пуще и пуще. Лещи между тѣмъ почему-то не показываются. „Ну, такъ я теперь поймаю щуренка“, говоритъ цапля: „потому, что другой рыбы нѣтъ“. Но и щурята, какъ на смѣхъ, всѣ ушли въ самую глубь, на дно, а вмѣсто ихъ по верху воды стали плавать жирные, хорошіе лини. „Лини!“ поморщась сказала цапля: „положимъ, что я сейчасъ могу наловить ихъ, сколько душѣ угодно, да только что въ нихъ толку-то! какое это кушанье для такой птицы, какъ я! я очень разборчива въ пищѣ. Проваливайте-ка, братцы, прочь! Ужъ если придетъ мнѣ нужда, то я всегда могу наловить вашей братьи, сколько душѣ угодно“.—Вотъ, немного погодя, и линей какъ не бывало, а голодъ все сильнѣе и сильнѣе донимаетъ цаплю.

Цапля заходитъ въ воду поглубже, по самыя колѣни, и ждетъ, не появится-ли чего-нибудь повкуснѣе линей. Но, кромѣ пескарей, никакой рыбы не показывается. „Экъ, ихъ принесло!“ думаетъ про себя цапля. „Но, Боже меня избави дотронуться хоть до одного пескаря! ни за что на свѣтѣ! Нечего сказать, — хорошее это кушанье! какъ разъ по желудку цаплѣ!“ Въ то время, какъ цапля разсуждала такимъ образомъ, вся рыба ушла на дно: куда дѣвались и щурята, и пескари, и лини.

Рыба пропала, а голодъ у цапли не пропалъ. Напротивъ, онъ ее такъ донялъ, что она не вынесла его: поймала въ тинѣ двухъ лягушекъ и съ великою жадностью съѣла ихъ, да какъ еще рада-то была, что хоть лягушки попались!

105. Змѣя и піявица.

„Какъ я несчастна, и какъ завидна часть твоя!“ — однажды говоритъ Піявицѣ Змѣя.—Ты у людей въ чести, а я для нихъ ужасна; тебѣ охотно кровь свою даютъ,

меня же всѣ бѣгутъ и, если можно бьютъ. А кажется, равно мы съ ними поступаемъ: и ты, и я людей кусаемъ".

— „Конечно", — былъ на то піявицынъ отвѣтъ: — „да въ цѣли нашей сходства нѣтъ: я, напримѣръ, людей къ ихъ пользѣ уязвляю, а ты — для ихъ вреда; я множество больныхъ чрезъ это исцѣляю, а ты и небольнымъ смертельна иногда. Спроси самихъ людей: всѣ скажутъ, что я права,—я—ихъ лѣкарство, ты—отрава".

Какую пользу приносятъ піявки людямъ? Когда и какой вредъ змѣя можетъ причинить человѣку?

---

106. Л ѣ с ъ.

За полемъ темнѣетъ лѣсъ. Далеко протянулся онъ во всѣ стороны. По опушкѣ его растутъ молодыя деревья, а чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ деревья становятся выше. И какихъ только деревьевъ нѣтъ въ этомъ лѣсу! Тамъ можно видѣть высокія и прямыя сосны и ели; тамъ растутъ бѣлоствольныя березы и осины; тамъ же попадается немало рябины и калины. А орѣшника и ольхи такъ много, что

въ иныхъ мѣстахъ трудно пробраться сквозь ихъ чащу. Особенно хорошо бываетъ въ лѣсу весною, когда лѣсъ одѣнется свѣжею зеленью, когда въ немъ раздается пѣніе птичекъ, когда поляны лѣсныя покрываются красивыми цвѣтами. Лѣтомъ въ лѣсу поспѣваютъ вкусныя ягоды, — земляника, малина, черника, костяника, — и появляются разные грибы. Въ это время дѣти часто бѣгаютъ въ лѣсъ за ягодами и за грибами, но безъ взрослыхъ людей далеко не заходятъ; въ такомъ большомъ лѣсу можно и заблудиться, и встрѣтиться съ опаснымъ звѣремъ, — медвѣдемъ или волкомъ.

Чѣмъ лѣсъ пріятенъ и когда? Чѣмъ полезно каждое дерево въ лѣсу?

107. Лѣсные цвѣты.

Распустились почки, лѣсъ зашевелился,
Яркими лучами весь озолотился.
На его окрайнѣ, изъ травы душистой
Выглянулъ на солнце ландышъ серебристый
И открылись кротко отъ весенней ласки
Подъ кустомъ фіалки голубые глазки.

108. Въ лѣсу осенью.

Люблю дорожкою лѣсною,
Не зная самъ куда, брести;
Двойной глубокой колеею
Идешь,—и нѣтъ конца пути...
Кругомъ пестрѣетъ лѣсъ зеленый:
Уже румянитъ осень клены,

А ельникъ зеленъ и тѣнистъ:
Осинникъ желтый бьетъ тревогу;
Осыпался съ деревьевъ листъ
И, какъ коверъ, устлалъ дорогу...
Идешь, какъ будто по водамъ.
Нога шумитъ, а ухо внемлетъ
Малѣйшій шорохъ въ чащѣ,—тамъ,
Гдѣ пышный папоротникъ дремлетъ,
А красныхъ мухоморовъ рядъ,
Что карлы сказочные спятъ.

109. Древесныя породы.

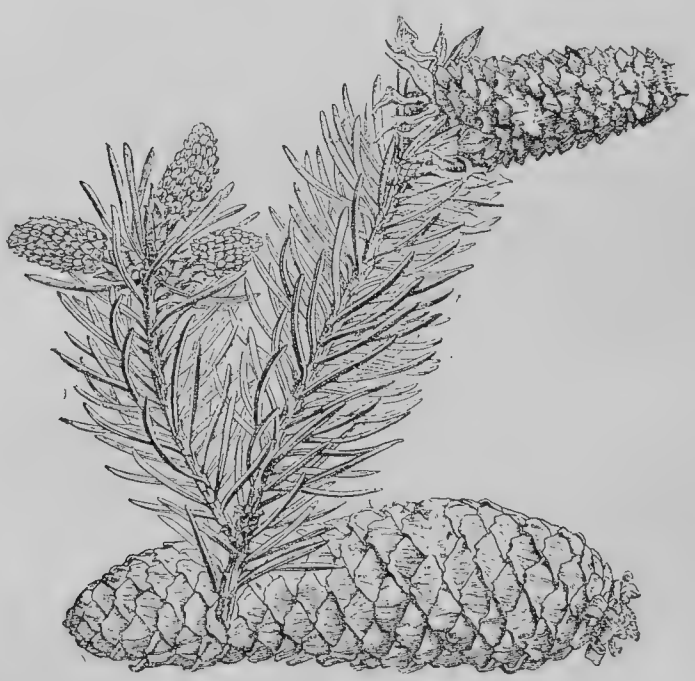
Сосны и ели не имѣютъ листьевъ, а вмѣсто нихъ — колючія **хво́и**, которыя и зимою зеленѣютъ; поэтому сосны и ели называются **хвойными** деревьями. Въ холодныхъ странахъ, какъ, напримѣръ, у насъ въ Сибири, кромѣ сосенъ и елей, растутъ еще пихты, лиственницы и кедры — тоже хвойныя деревья.

Хвойные лѣса называются еще **краснолѣсьемъ**, потому что у всѣхъ хвойныхъ деревьевъ красноватая кора; а когда заходитъ солнце и его лучи освѣтятъ стволы хвойнаго лѣса, то деревья кажутся совсѣмъ красными,—точно огненныя; кромѣ того, зеленыя иглы—хвои весь годъ зеленѣютъ на хвойныхъ деревьяхъ. Лѣсъ, который состоитъ только изъ сосенъ, называется **бо́ромъ**.

Деревья, покрытыя листьями, какъ напримѣръ: дубъ, береза, кленъ, ясень, осина — называются **лиственными** деревьями; и лѣсъ, состоящій только изъ лиственныхъ деревьевъ, называется **лиственнымъ лѣсо́мъ**. Кора на лиственныхъ деревьяхъ темная, за исключеніемъ только березы и осины; поэтому лиственные лѣса называются иначе **чернолѣсьемъ**. Но главное отличіе краснолѣсья отъ чернолѣсья заключается въ томъ, что краснолѣсье годъ кругомъ зеленѣетъ своими хвоями, а чернолѣсье—только лѣтомъ зеленѣетъ, а зиму стоитъ обнаженное и печальное.

Въ хвойныхъ лѣсахъ травъ мало; растетъ только грубый, жесткій верескъ и мѣстами попадается нѣжный мягкій мохъ. Зато самые лучшіе грибы—бѣлые и боровики—растутъ подъ соснами да подъ елями. Въ лиственныхъ же лѣсахъ, кромѣ множества цвѣтовъ и травъ, растутъ еще и кусты.

Лиственный лѣсъ рѣдко состоитъ изъ деревьевъ одной породы; чаще бываетъ такъ, что въ одномъ и томъ же



лѣсу попадаются и осина, и береза, и ольха, а кое-гдѣ выглядываетъ и колючая сосенка, или развѣсистая елочка протянетъ далеко свои вѣтви. И всѣ они мирно живутъ цѣлые десятки лѣтъ другъ подлѣ друга; въ тихую погоду ласково шепчутся своими трепещущими листочками, а въ бурю дружно зашумятъ и закачаютъ вѣтвями и верхушками.

Мирно живутъ эти великаны растительнаго царства, пока не явится къ нимъ человѣкъ со своими страшными орудіями: топоромъ и пилою. Тогда—горе деревьямъ! Великаны валятся на землю, какъ подкошенная трава, и умираютъ, не доживъ своего вѣка.

Что такое чернолѣсье? Древесныя породы, составляющія черный лѣсъ. Береза. Липа. Кленъ. Дубъ. Осина. Отличіе одного дерева отъ другого. Старый лѣсъ въ жаркій лѣтній полдень. Буря и вѣтеръ въ лѣсу. Лѣсные травы, цвѣты и грибы.

110. Рубка лѣса.

Лѣтъ тому десять за нашей рѣкой
Росъ, разростался лѣсъ вѣковой...
Тамъ изъ-за старой, нахмуренной ели
Красные грозди калины глядѣли,
Тамъ подымался дубокъ молодой;
Птицы царили въ вершинѣ лѣсной,
По низу всякіе звѣри таились...
Вдругъ мужики съ топорами явились—
Лѣсъ зазвенѣлъ, застоналъ, затрещалъ.
Заяцъ послушалъ и—вонъ побѣжалъ.
Ельникъ зеленый на землю ложился,
Словно подкошенъ, осинникъ валился,
Съ трескомъ ломали сухой березнякъ,
Корчили съ корнемъ упорный дубнякъ.
Старую сосну сперва подрубали,
Послѣ арканомъ ее нагибали,
А наклонивши—плясали на ней,
Чтобы къ землѣ прилегла поплотнѣй.
Трупы деревьевъ недвижно лежали;
Сучья ломались, скрипѣли, трещали;
Жалобно листья шумѣли кругомъ...

Перечислить зимнія работы въ лѣсу. Части растенія.

111. Польза отъ лѣсовъ.

Велика польза людямъ отъ лѣсовъ! Изъ дерева выдѣлываются вещи, нужныя всѣмъ людямъ въ повседневной жизни: посуда, мебель, орудія. А сколько шпалъ нужно для желѣзной дороги, сколько столбовъ для телеграфа! На все это идутъ крупныя, крѣпкія деревья; но самыя крупныя и изъ крѣпкихъ самыя крѣпкія деревья приберегаются для постройки кораблей и пароходовъ. Всякому понятно и само

собою ясно, что на всѣ эти надобности люди употребляютъ многое множество деревьевъ.

Но придетъ ли кому въ голову и повѣритъ ли кто-нибудь, что на такія мелкія и незамѣтныя вещи, какъ: полѣнья, щепки, спички и гвозди для сапогъ,—идетъ столько же лѣсу, какъ и на постройку кораблей, желѣзной дороги, избъ, домовъ и мебели? А между тѣмъ это такъ.

Да, эти мелочи незамѣтны, но онѣ нужны всякому, и всѣ безъ исключенія употребляютъ ихъ: всѣмъ нужно топить печи, всякому нужно зажечь свѣчу или лампу, каждый человѣкъ нуждается въ обуви. И всѣ эти необходимѣй-

шія для нашей повседневной жизни предметы даетъ намъ лѣсъ,—тотъ самый лѣсъ, который вырастаетъ безъ малѣйшаго участія и труда человѣческаго, а растетъ единственно по волѣ и мудрой заботливости о нашемъ благѣ Всеблагого Промыслителя и Создателя всего міра!

Господь создалъ и распространилъ по лицу земли обширные и могучіе лѣса и предоставилъ ихъ человѣку. Отъ человѣка же требуется только одно: чтобы онъ не разорялъ, не портилъ того, что Богъ создалъ на всеобщую пользу. Лѣса надо очень беречь, какъ драгоцѣнный даръ Божій, и пользоваться ими съ расчетомъ: не вырубать ихъ до послѣдняго дерева и не вытаптывать скотомъ молодого лѣса,—чтобъ не остаться странѣ безъ этого необходимаго и всѣмъ потребнаго дара Господня, и не лишиться рѣкъ: лѣса—хранители воды.

Что такое дерево? Чѣмъ дерево отличается отъ цвѣтка? Какія деревья называются плодовыми? Гдѣ обыкновенно растутъ плодовыя деревья и гдѣ простыя? На что идутъ простыя деревья? Какія именно изъ простыхъ деревьевъ идутъ на постройку? Какія идутъ на топливо? Какія издѣлія приготовляются изъ дерева?

112. Лѣсъ и ручей.

По лѣсной чащѣ протекалъ ручей. Ему не нравилось, что лѣсъ закрываетъ отъ него ясное небо и не пропускаетъ къ нему ни свѣтлыхъ лучей солнца, ни вѣтерка.

„Хоть бы пришли люди и вырубили этотъ лѣсъ“, говорилъ ручей.

— „Мой милый“, отвѣтилъ ему лѣсъ: „развѣ ты не знаешь, что моя тѣнь хранитъ тебя отъ солнца и вѣтра; безъ моей защиты ты быстро высохнешь“.

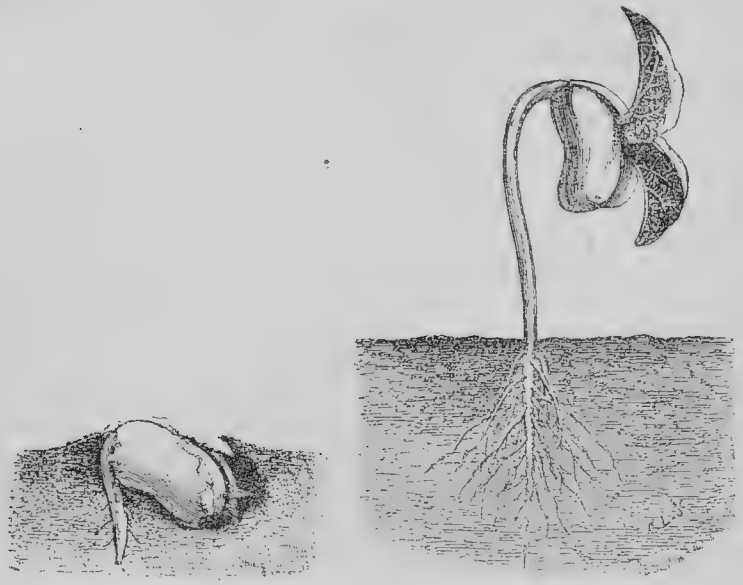
Не повѣрилъ ручей словамъ лѣса. Но вотъ однажды пришли дровосѣки и вырубили кругомъ лѣсъ. Тогда ручеекъ лишился тѣни и мало-по малу высохъ.

113. Береза.

Острою сѣкирой ранена береза;
По корѣ сребристой покатились слезы.
Ты не плачь, береза бѣдная, не сѣтуй:
Рана не смертельна: вылѣчишься къ лѣту.

114. Зародышъ деревъ.

Одинъ садовникъ сказалъ своему сыну: „принеси мнѣ яблоко вотъ съ этой яблони и разломи яблоко пополамъ.



Что ты видишь внутри?"—„Нѣсколько маленькихъ сѣмячекъ", отвѣчалъ сынъ.—„Разломи одно изъ нихъ и скажи, что ты видишь теперь?"—„Ничего не вижу, отецъ мой". — „Дитя мое", сказалъ садовникъ: „тамъ, гдѣ ты ничего не видишь и ничего не замѣчаешь, живетъ могучее дерево".

Жизнь зародыша подъ землей. Жизнь его на землѣ.

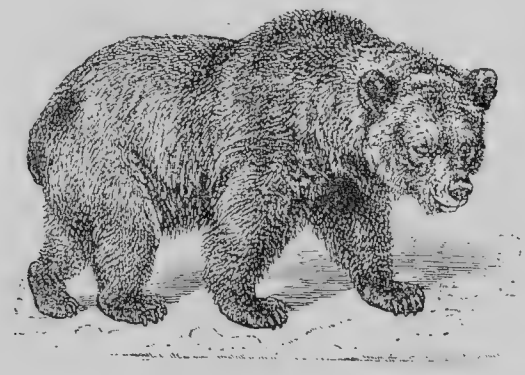
115. Сѣятели растеній

Сынъ видѣлъ, какъ отецъ сѣялъ рожь. Когда они возвращались домой, сынъ и спрашиваетъ: „Рожь сѣютъ люди, а кто сѣетъ деревья въ лѣсу и травку въ полѣ?" Въ это время вѣтеръ несъ много легкихъ бѣлыхъ пушинокъ. Отецъ поймалъ одну пушинку, показалъ сыну и говоритъ. „Вотъ видишь, эта пушинка прикрѣплена къ сѣмечку растенія. Вѣтеръ разноситъ эти сѣмена вмѣстѣ съ пухомъ и сѣетъ ихъ всюду".—„Вѣтеръ—сѣятель", подумалъ мальчикъ.

Идутъ они дальше, видятъ, птичка клюетъ ягоду. А отецъ и говоритъ сыну: „Въ ягодахъ ѣсть сѣмена, и лакомки-птички вмѣстѣ съ ягодами разносятъ въ разныя стороны сѣмечки. — „Птицы тоже сѣятели“, подумалъ мальчикъ. Идутъ дальше, смотрятъ—въ ручейкѣ по водѣ плывутъ сѣмена съ крылышками и кое-гдѣ уже пристали къ берегу. „Вода тоже сѣятель“, подумалъ мальчикъ. Смотритъ мальчикъ, а къ его платью тоже прицѣпились на крючкахъ какія-то сѣмена. Сталъ онъ отрывать ихъ, сбрасывать на землю, а отецъ и говоритъ: „Вотъ и ты сѣешь здѣсь сѣмена какихъ-то растеній. Смотри-ка, и у твоей собаки Жучки на шерсти тоже прицѣпились репьи, и собачка тоже разноситъ сѣмена репейника“.—„Даже наша Жучка, и та сѣятель!“ сказалъ мальчикъ.

116. Лѣсные обитатели.

Въ большихъ хвойныхъ лѣсахъ живутъ самые большіе наши хищные звѣри—медвѣди; тамъ же водятся кровожадныя рыси, пасутся большіе красивые лоси. Въ лѣсахъ скрываются сѣрые волки, хитрыя лисицы и хорьки; скачутъ по деревьямъ рѣзвыя бѣлки. Въ лѣсахъ попадаются также



ежи, которые безъ всякаго для себя вреда поѣдаютъ ядовитыхъ змѣй-гадюкъ.

Не менѣе разнообразно и пернатое населеніе лѣсовъ. Въ лѣсахъ кукуютъ кукушки, лазятъ по стволамъ деревьевъ и долбятъ ихъ своими клювами пестрые дятлы; распѣваютъ свои пѣсни клесты и многія другія мелкія птички; въ чащѣ лѣса скрываются днемъ совы и другія ночныя птицы. Въ лѣсахъ же водятся тетерева и рябчики, за которыми охотятся ради ихъ вкуснаго мяса.

Въ лѣсу встрѣчаются безвредныя ящерицы и самыя разнообразныя насѣкомыя; тамъ устраиваютъ свои жилища дикія пчелы, и дѣлаютъ свои замысловатыя постройки муравьи.

Что даетъ намъ лѣсъ?

117. Медвѣдь и чурбанъ.

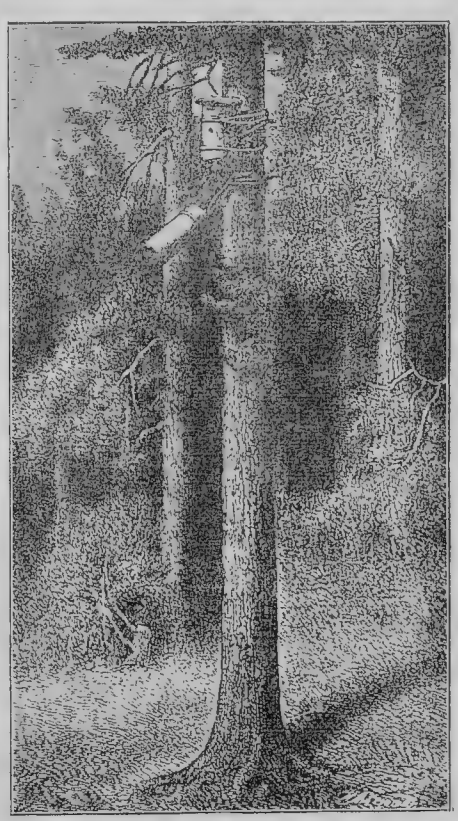
Идетъ медвѣдь по лѣсу и разнюхиваетъ: нельзя ли чѣмъ съѣстнымъ поживиться? Чуетъ медъ! Поднялъ Миша морду кверху и видитъ: около борти, у самаго отверстія этого природнаго улья, въ которомъ жили пчелы, виситъ на веревкѣ тяжелый чурбанъ; но Мишкѣ до чурбана дѣла нѣтъ. Полѣзъ медвѣдь на дерево и—прямо носомъ къ борти; но дурацкій чурбанъ виситъ какъ разъ на пути его желанія. Онъ тихонько, вѣжливенько оттолкнулъ его лапой и тотчасъ мордой въ дупло; а чурбанъ тихонько стукъ его по мордѣ! и—Мишенька взволновался!

— Какъ! Какъ онъ смѣетъ, дурацкій чурбанъ, бить его прямо по мордѣ, его—лѣсного царя!

Онъ размахнулся и со всей силой своего негодованія ударилъ чурбанъ своей крѣпкой лапой—и тотчасъ же всунулъ морду въ дупло. Чурбанъ прилетѣлъ къ нему скорехонько и стукнулъ „Михаила Ивановича“ уже по виску и притомъ весьма убѣдительно.

Мишенька отшатнулся, голова его на мигъ затуманилась, но со своимъ обычнымъ упрямствомъ онъ опять за свое дѣло,—и опять противный чурбанъ виситъ у него передъ носомъ.

— Хорошо же! думаетъ Мишка: я тебя такъ трахну,



что отъ тебя однѣ щепки останутся... Ты моей силы еще не пробовалъ!

И съ ревомъ и яростью Миша дѣйствительно хватилъ чурбанъ на славу, такъ что онъ даже взлетѣлъ кверху,— и Мишенька успѣлъ просунуть въ дупло не только морду, но и лапу. Но только что онъ торопливо принялся за

свое дѣло, какъ опять чурбанъ точно съ неба налетѣлъ— и трахъ его по чемъ попало!

Ну! Тутъ ужъ „Михаилъ Ивановичъ“ совсѣмъ вышелъ изъ себя, потерялъ всякое разсужденіе, взревѣлъ отчаянно и, забывъ, что передъ нимъ простой глупый чурбанъ, началъ драться съ нимъ, какъ съ разумнымъ господиномъ: онъ непремѣнно докажетъ ему, что онъ сильнѣе его,—онъ отомститъ ему.

Но чѣмъ сильнѣе и старательнѣе онъ отталкивалъ его, тѣмъ тотъ убѣдительнѣе колотилъ его. И дѣло кончилось тѣмъ, что „Михаилъ Ивановичъ“ съ разбитой мордой и отуманенной головой полетѣлъ съ дерева кувыркомъ, безъ памяти, прямо на землю, а на землѣ ожидала его окончательная гибель: тамъ воткнуто было множество заостренныхъ кольевъ, которые докончили то, что началъ чурбанъ.

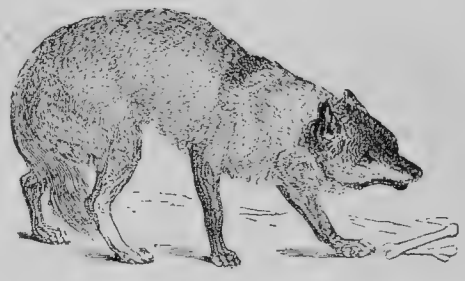
118. Трудолюбивый медвѣдь.

Увидя, что мужикъ, трудяся надъ дугами,
Ихъ прибыльно сбываетъ съ рукъ,
(А дуги гнутъ съ терпѣньемъ и не вдругъ),
Медвѣдь задумалъ жить такими же трудами.
Пошелъ по лѣсу трескъ и стукъ,
И слышно за версту проказу.
Орѣшника, березняка и вязу
Мой Мишка погубилъ несмѣтное число,
А не дается ремесло!
Вотъ идетъ онъ къ мужику попросить совѣта
И говоритъ: „Сосѣдъ! Что за причина эта?
Деревья я-таки ломать могу,
А не согнулъ ни одного въ дугу!
Скажи въ чемъ тутъ есть главное умѣнье?“
— Въ томъ, отвѣчалъ сосѣдъ,
Чего въ тебѣ, кумъ, вовсе нѣтъ:
Въ терпѣньѣ.

119. Сѣрый бродяга.

Холодно волку, бродягѣ сѣрому, голодно. Гудитъ, завываетъ вѣтеръ по лѣсу; занесло снѣгомъ проѣзжія дороги, засыпало тропы пѣшеходныя: толстою корою льда затянуло воды рѣкъ и озеръ. Загнали морозы и вьюги все живое по крытымъ дворамъ уютнымъ, по норамъ, по логовамъ. Только бродитъ на волѣ безъ крова и пріюта сѣрый волкъ исхудалый.

Черезъ чащи лѣсныя, черезъ поля и луга опустѣлые гоняетъ волка голодъ лютый, неотвязчивый. Ни днемъ, ни ночью нѣтъ покоя отощалому бродягѣ. Бродитъ волкъ по снѣжнымъ сугробамъ,—гдѣ шажкомъ, гдѣ рысцою, гдѣ вприпрыжку,—да зубами пощелкиваетъ. Нѣтъ ему нигдѣ поживы, нѣтъ нигдѣ куска, для него припасеннаго.



Медвѣдь,—„старшой“ въ лѣсу звѣрь—тотъ, небойсь, отъѣлся за лѣто, залегъ теперь въ берлогу теплую и спитъ. Завела себѣ и лисица хитрая норку уютную. Кроты, сурки, суслики—вся эта мелочь полевая,—всѣ по домамъ устроились и съѣстнымъ запаслись. Заяцъ, на что дурачокъ, а и тотъ живетъ зиму припѣваючи: бѣгаетъ себѣ въ теплой шубенкѣ да молодыя вѣточки обгладываетъ.

Одному волку не сладко живется зимою, на его только долю выпали всѣ напасти, всѣ обиды зимняго времени. Гнететъ его одна забота: чѣмъ бы раздобыться съѣстнымъ, дожить кое-какъ до весны, до солнышка свѣтлаго, до времени теплаго.

Сходство и различіе по наружности волка и собаки. Образъ жизни ихъ, пища, нравъ. Польза и вредъ отъ того и другого.

120. Волкъ и лисица.

„Конечно, я не безъ грѣховъ“,
Лисѣ Волкъ говоритъ: „а право, изъ волковъ
Едва ли гдѣ найдешь другого,
Который бы, какъ я, великодушенъ былъ.
Представь: ягненокъ разъ меня въ глаза бранилъ!
Не тронулъ я его, не молвилъ даже слова.
Объ этомъ вотъ никто не скажетъ никогда.
А если бъ слышала, кума, какъ онъ бранился...
— Да, помню: это вѣдь случилося тогда,
Какъ костью, кумъ, ты подавился.

121. Лисица.

„Лисанька-лиса—всему міру краса!“ говоритъ нашъ народъ. Красота лисицы въ ея пушистой рыжеватой шерсти, и особенно красивъ ея хвостъ, подобнаго которому нѣтъ ни у одной собаки и ни у одного нашего пушного звѣря; красивы также и ея быстрыя увертливыя движенія. Но ея острая морда съ оскаленными зубами, ея злобные глаза, ея тонкія ноги совсѣмъ некрасивы; и если человѣкъ, которому она сильно вредитъ своимъ хищничествомъ, все-таки относится къ лисѣ не съ ненавистью, какъ напримѣръ къ волку, то это потому, что въ лисицѣ замѣчается много ума, смѣтки, сообразительности,—а люди это цѣнятъ даже въ звѣряхъ.

Красива лисица, когда она бѣжитъ по гладкому снѣжному полю, красива ея красноватая шкура на этомъ бѣлоснѣжномъ широкомъ полѣ. Шумъ и гамъ, лай собакъ и звукъ охотничьихъ роговъ гонятся за нею. Вотъ-вотъ одна породистая борзяка уже настигаетъ ее... Вотъ она схватитъ ее за хвостъ! Но въ одно мгновенье хитрая лисанька поворачиваетъ этотъ хвостъ на сторону, а сама кидается въ противоположную сторону,—и обманутыя ею со-

баки проносятся мимо; когда же опять повернутъ на ея слѣдъ, то она несется уже далеко.

Жадность у лисицы и прожорливость ея почти такія же, какъ у волка; она ничѣмъ не брезгуетъ: зайца закусываетъ жучкомъ, послѣ утки съ удовольствіемъ счавкаетъ рака, который по глупости уцѣпился за ея хвостъ, пока она полоскалась въ водѣ, подкрадываясь къ сонной уткѣ; не попадется крупной добычи,—она и мышку изловитъ, ящерицѣ тоже спуску не дастъ; ежа будетъ катать лапкой до тѣхъ поръ, пока бѣдняга не ослабѣетъ и не развернетъ своего клубочка, и тутъ острая морда лисы съ оскаленными зубами впивается ему въ животъ, и въ одну минуту отъ ежика остается только шкурка, покрытая иглами, да лапки съ коготками.

Особенно лиса любитъ курятинку, да не прочь и полакомиться: сладкіе фрукты, сочный виноградъ, яйца куропатки,—все это очень ей по вкусу; но лучше всего—медъ! Вотъ только пчелы... Лисанька очень хорошо знаетъ, что это за народъ. Его лучше не тронь и ступай дальше...

Такъ охотится и лакомится лѣтомъ лиса. Но вотъ настаетъ зима—тяжелая безкормица и долгій постъ. Зимой нѣтъ ни тетеревовъ, ни куропатокъ, ни даже дрянной трясогузки. Всѣ куда-то попрятались...

Бѣжитъ лисанька зимой, торопится, вдругъ—хлопъ!—щелкнула пружина, и лисанькину ножку сдавилъ большой капканъ. Взвизгнула лисица, дернула ногу—не пускаетъ ее капканъ. Туда-сюда мечется, прыгаетъ кумушка, отъ боли визжитъ, лаетъ. Птицы слетѣлись, кружатся надъ лисой, кричатъ, радуются ея бѣдѣ: всѣмъ досадила разбой-

ница. Придетъ охотникъ, убьетъ лису, и поплатится кумушка теплой шубкой за свою разбойничью жизнь.

122. Лисица и виноградъ.

Голодная кума-лиса залѣзла въ садъ;
Въ немъ винограду кисти рдѣлись.
У кумушки глаза и зубы разгорѣлись;
А кисти сочныя, какъ яхонты, горятъ;
Лишь то бѣда,—висятъ онѣ высоко:
Отколь и какъ она къ нимъ не зайдетъ,
Хоть видитъ око,
Да зубъ нейметъ.
Пробившись попусту часъ цѣлый,
Пошла и говоритъ съ досадой: „ну, что жъ?
На взглядъ-то онъ хорошъ,
Да зеленъ,—ягодки нѣтъ зрѣлой:
Тотчасъ оскомину набьешь".

Разсказать о „Лисицѣ" по плану: Хитрость лисицы. Ея цвѣтъ. Ловля лисицы. Приготовленіе норы лисицею. Пища лисицы. Движеніе и пріемы ея. Ея голосъ. Лисица сравнительно съ волкомъ и собакою.

123. Какъ живетъ бѣлка.

Наступила весна. Проснулся дремучій лѣсъ, одѣлся зеленою листвою, огласился звонкими, веселыми пѣснями птичекъ. Стали птички вить гнѣзда. Принялась и бѣлка устраивать себѣ гнѣздо. Выбрала она себѣ высокое вѣтвистое дерево и начала таскать сухіе прутики, листья и прошлогоднюю траву. Сдѣлала она себѣ домикъ такъ, чтобы въ него ни вѣтеръ, ни дождь не попали. И весь домикъ внутри выстлала сухимъ мхомъ, чтобы теплѣе было ея дѣткамъ.

Завелась и семья у бѣлочки—съ полдюжины крошечныхъ слѣпыхъ бѣльчатокъ. Прошло дней восемь. У бѣльчатокъ открылись глазки, тѣльце ихъ обросло шерстью. Прошла еще недѣля, бѣльчата повыросли, окрѣпли и ужъ выглядываютъ изъ гнѣзда. Рыженькая шерстка ихъ такъ и лоснится, веселые глазенки такъ и прыгаютъ.

Наступило лѣто, закраснѣли въ лѣсной травѣ ягодки земляники. Старая бѣлка осторожно сводитъ своихъ дѣтокъ съ дерева и ведетъ ихъ полакомиться ягодами и молодыми грибками. Наѣдятся бѣльчата—и опять на дерево: тамъ имъ привольно и безопасно. Въ густой листвѣ заводятъ бѣльчата игры, гоняются другъ за другомъ по вѣткамъ, рѣзвятся, словно малыя дѣти. Время незамѣтно идетъ. Бѣльчата совсѣмъ выросли, и старая бѣлка покинула ихъ: они проживутъ теперь и безъ матери.

Лѣто проходитъ, скоро наступитъ осень, а тамъ и холодная зима. Надо подумать, чѣмъ зиму кормиться. Еще съ половины лѣта старыя и молодыя бѣлки принимаются сушить на зиму грибы. Подниметъ бѣлка грибокъ и воткнетъ его на тонкій сучокъ на макушкѣ высокой сосны. Когда поспѣютъ орѣхи, бѣлка натаскаетъ орѣховъ. Все это она складываетъ въ дуплѣ дерева.

Не страшна теперь бѣлкѣ зима. Осенью перемѣнитъ бѣлка легкую лѣтнюю шубу на теплую зимнюю. А запасовъ у ней наготовлено столько, что до новой весны хва-

титъ. Въ теплые деньки зимой будетъ просыпаться бѣлочка и ѣсть свои запасы, а въ холодные—будетъ крѣпко спать, свернувшись клубочкомъ и накрывшись теплымъ пушистымъ хвостомъ.

Какъ живетъ бѣлка лѣтомъ и зимою? Сравнить ее съ лисицей.

124. Чудная бѣлка.

Градъ на островѣ стоитъ
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами да садами.
Ель растетъ передъ дворцомъ,
А подъ ней хрустальный домъ;
Бѣлка тамъ живетъ ручная,
Да затѣйница какая!
Бѣлка пѣсенки поетъ,
Да орѣшки все грызетъ,
А орѣшки не простые,
Все скорлупки золотыя.
Ядра—чистый изумрудъ.
Слуги бѣлку стерегутъ,
Служатъ ей прислугой разной—
И приставленъ дьякъ приказный
Строгій счетъ орѣхамъ весть;
Отдаетъ ей войско честь;
Изъ скорлупокъ льютъ монету
Да пускаютъ въ ходъ по свѣту;
Дѣвки сыплютъ изумрудъ
Въ кладовыя да подъ спудъ.
Всѣ въ томъ островѣ богаты:
Изобъ нѣтъ, вездѣ палаты.

125. Заячья семья.

Ярко свѣтитъ весеннее солнышко. Тихо кругомъ. Только птички заливаются, щебечутъ въ кустахъ. Набралась зай-

чиха смѣлости и вывела своихъ зайчатъ на поляну попрыгать, пощипать свѣжей травки. Хорошо зайчаткамъ, солнышко пригрѣваетъ ихъ, они щиплютъ траву, грызутъ молодые древесные побѣги, играютъ между собою, а мать ихъ, сѣрая зайчиха, смирно сидитъ, осматривается да прислушивается, не грозитъ ли имъ бѣда какая. А уши у нея большія и чуткія, слышатъ малѣйшій шорохъ.

Другіе звѣри и птицы подзываютъ къ себѣ своихъ дѣтенышей легкимъ крикомъ или ворчаньемъ, а робкая зайчиха не смѣетъ и пикнуть; у нея съ дѣтьми разговоръ особенный: мать чуть шевельнетъ длинными ушами, и

дѣти уже понимаютъ ее. Вотъ она насторожилась, ей послышался какой-то шумъ,—ужъ не подкрадывается ли къ нимъ плутовка лиса? Она безпокойно поднялась на заднія ноги, вытянула голову и зашевелила ушами. Забезпокоились и дѣти, быстро-быстро зашевелили ушами,—прыгъ!—и вся семья уже мчится безъ оглядки въ лѣсъ. Мать бѣжитъ впереди, и яркое бѣлое пятно на шкуркѣ подъ ея короткимъ хвостикомъ указываетъ дѣтямъ, куда бѣжать. Въ одну минуту они были уже въ глухой чащѣ родного лѣса, и вся семья лежала въ ямкѣ подъ густымъ орѣшникомъ, плотно прижавшись къ землѣ. Такъ пролежали они

до ночи. Ночью, когда кругомъ все стихло и взошла луна, зайчиха вывела своихъ ребятъ изъ логова и повела ихъ на огородъ поживиться капустой и морковью.

Съ каждымъ днемъ зайчата дѣлались умнѣе. Они скоро научились всей заячьей мудрости, научились распознавать кормъ, узнали дорогу и на огородъ, и на хлѣбное поле, научились находить и укромные уголки и прятаться въ нихъ такъ, что ни одному звѣрю ихъ не найти, научились хитро запутывать свои слѣды. Тогда зайчиха оставила ихъ: они проживутъ теперь и безъ матери.

Гдѣ живетъ заяцъ и чѣмъ питается? Польза отъ зайца и вредъ. Какъ называетъ народъ зайца и почему?

126. Заяцъ на ловлѣ.

Большой собравшися гурьбой,
Медвѣдя звѣри изловили,
На чистомъ полѣ задавили
И дѣлятъ межъ собой,—
Кто что себѣ достанетъ;
А заяцъ за ушко медвѣжье тутъ же тянетъ.
„Ба, ты, косой“,
Кричатъ ему: „пожаловалъ отколѣ?
Тебя никто на ловлѣ не видалъ“.
— Вотъ, братцы! заяцъ отвѣчалъ:
Да изъ лѣсу-то—кто жъ?—все я его пугалъ
И къ вамъ поставилъ прямо въ поле сердечнаго дружка!..
Такое хвастовство хоть слишкомъ было явно,
Но показалось такъ забавно,
Что зайцу данъ клочокъ медвѣжьяго ушка.

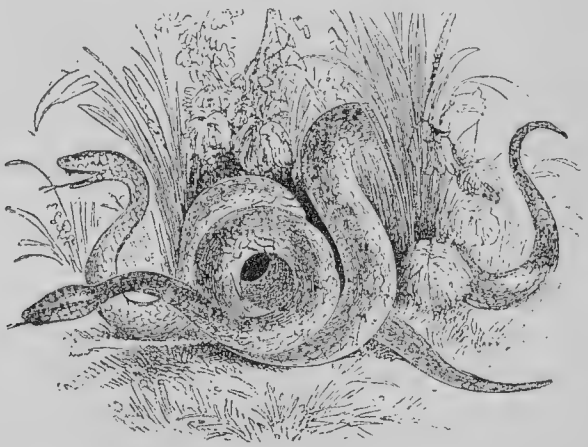
Описать наружный видъ зайца.

127. Ежъ и гадюка.

Подъ кустомъ дуба, въ древесномъ пнѣ есть дупло. Оно устлано мхомъ и сухой травой. Это—постель ежа.

Тутъ спитъ онъ весь день, свернувшись въ клубочекъ. Вечеромъ онъ просыпается, потягивается и позѣвываетъ. Вотъ онъ вышелъ. Какой онъ смѣшной! Его рыльце похоже на хоботъ. Его маленькая головка любопытно и добродушно выглядываетъ изъ-подъ острыхъ иглъ; иглы торчатъ во всѣ стороны на его кругломъ тѣлѣ. На нихъ висятъ сухіе листья и стебельки, они прицѣпились къ нему, когда онъ спалъ. Въ такомъ видѣ онъ похожъ на живой пучокъ травы.

Мѣсяцъ свѣтитъ сквозь темную листву деревьевъ; птицы спятъ. Ежъ пробирается въ садъ и ищетъ, не



упала съ дерева спѣлая груша или яблоко. Онъ не нашелъ ничего и съ голоднымъ желудкомъ возвращается назадъ.

На тропинкѣ растетъ подорожникъ; онъ подрываетъ его и лакомится корешками.

Начинаетъ свѣтать. Ежъ бѣжитъ назадъ въ лѣсъ. Онъ еще голоденъ; ему не посчастливилось поймать даже мышонка. Вотъ онъ стоитъ на косогорѣ, покрытомъ земляникой. Онъ чуетъ ядовитую гадюку, которая свернувшись, запряталась отъ ночного холода въ мохъ. Онъ подходитъ къ гадюкѣ. Она замѣтила его, повернулась и живо пошевеливаетъ языкомъ. Ея маленькіе глаза пылаютъ отъ злости.

Ежъ подходитъ и быстро бросается на гадюку. Гадюка извивается то туда, то сюда и вонзаетъ свои ядовитые зубы ежу въ губы, и въ ноги. Всякое другое животное умерло бы отъ гадюкина яда; но для ежа онъ безвреденъ. Онъ схватываетъ гадюку своими острыми зубами и загрызаетъ ее до смерти. Наѣвшись, медленно идетъ онъ въ свою норку, чтобы отдохнуть послѣ такого смѣлаго подвига.

Высоко поднялось на синемъ небѣ солнце; роса съ травы уже исчезла. На опушкѣ лѣса уже раздаются веселые голоса дѣтей. Они собираютъ крупную землянику и не подозрѣваютъ, отъ какой опасности избавилъ ихъ ежъ.

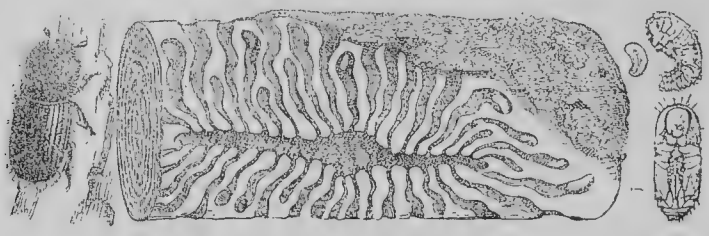
Описаніе наружнаго вида ежа. Польза отъ него.

128. Жуки.

Два жучка прилетѣли къ одному дереву и устроили подъ корою его себѣ жилище. Жуки поселились въ деревѣ, стали размножаться и питаться его соками. Они произвели на свѣтъ двадцать жучковъ и умерли. Жучки сдѣлались жуками, произвели на свѣтъ двѣсти жучковъ и умерли. Двѣсти произвели на свѣтъ двѣ тысячи, а эти еще въ десять разъ больше. Такъ плодились жуки на деревѣ, и всѣ питались его соками. Тогда вершина дерева почувствовала недостатокъ въ питательномъ сокѣ и начала засыхать. Зимою кора на деревѣ лопнула отъ мороза; но жуки не испугались холода: они весною проснулись и начали точить древесину, забираясь все глубже во внутрь дерева. Однажды буря оборвала нѣсколько корней, поломала много вѣтвей, подточенныхъ жучками, и послѣ этого дерево завяло, засохло и умерло. Тогда жуки вылѣзли, разбрелись по лѣсу и стали губить другія деревья.

129. Лѣсной докторъ.

Я сидѣлъ въ лѣсу. Кругомъ была чудная тишина. Вдругъ послышался стукъ, точно кто колотилъ палкой по дереву. Я догадался, что это дѣло дятла. Вотъ онъ прыгаетъ по стволу дерева, описывая винтообразную линію, и постукиваетъ клювомъ. Вотъ онъ перелетѣлъ на другое дерево; продѣлавъ тутъ то же самое, онъ отправился на третье, и тутъ уже занялся, какъ слѣдуетъ. Очевидно, на послѣднемъ были насѣкомыя—его лакомое блюдо! Онъ долбилъ дерево съ какимъ-то остервенѣніемъ твердымъ граненымъ носомъ, вытаскивая изъ-подъ коры жесткимъ зазубреннымъ языкомъ жучковъ и ихъ личинокъ. Я не мѣшалъ ему, зная, что онъ дѣлаетъ добро, уничтожая вредныхъ для лѣса насѣкомыхъ и тѣмъ спасая здоровыя деревья отъ заразы.



Когда дятелъ улетѣлъ, мнѣ захотѣлось самому продѣлать его пріемы. Я стукнулъ палкой по одному дереву. Звукъ оказался гулкій, звонкій; это значило, что дерево цѣло, и въ немъ нѣтъ никакихъ ходовъ. Я постучалъ по другому дереву; звукъ былъ тупой, дребезжащій. Это ясно указывало на то, что дерево не сплошь твердое и здоровое: въ немъ есть ходы. Когда я отодралъ отъ него кусокъ коры, то въ древесинѣ оказалось много наполненныхъ трухою ходовъ, очевидно продѣланныхъ личинками.

Выходитъ, что дятелъ постукиваетъ, какъ докторъ, который выстукиваетъ больныхъ. Разница лишь въ томъ, что докторъ долго учится, чтобы дѣлать свое дѣло съ пользою, а дятелъ докторъ-самоучка.

130. К у к у ш к а.

„Послушайте меня, я не совру“,
Кукушка говорила птицамъ:
Чижамъ, щеглятамъ и синицамъ:
„Была я далеко, въ большомъ густомъ бору;
Тамъ слышала, чего доселѣ не слыхала,
Какъ соловей поетъ.
Ужъ не по-нашему! Я хорошо пѣвала,
Да все не то—такъ сердце и замретъ
Отъ радости, когда во весь онъ голосъ свистнетъ,
А тамъ защелкаетъ, иль тихо пуститъ трель;
Забудешься совсѣмъ, и голова повиснетъ.
Ну, что противъ него свирѣль?
Дивилась, право я, дивилась...
Однако-же не потаю:
По соловьиному и я пѣть научилась.
Для васъ, извольте, пропою
Точнехонько какъ онъ—хотите?“
— Пропой, послушаемъ.—„Чуръ не шумѣть, молчите!
Вотъ выше сяду на суку.
Ну, слушайте-жъ теперь: ку-ку! ку-ку! ку-ку!..“

131. Л ѣ ш і й.

Жители одной деревни были очень напуганы, особенно бабы и ребятишки: въ любимомъ ихъ лѣсу, куда мальчики и дѣвочки поминутно бѣгали то за ягодами, то за грибами, завелся **лѣшій**; какъ только настанетъ ночь, такъ и пойдетъ по лѣсу хохотъ, свистъ, мяуканье, а то раздаются страшные крики, точно кого-нибудь душатъ. Чаще же всего въ лѣсной глуши раздавалось громкое, отрывистое уханье: ухъ, ухъ! Какъ заухаетъ, да захохочетъ, — у многихъ отъ ужаса волосы становятся дыбомъ. Дѣти боялись ходить въ свой любимый лѣсъ; въ то же время стали пропадать на деревнѣ молодыя куры, утки и гусята.

Надоѣло это одному молодому крестьянину Егору. „Погодите, бабы,—сказалъ онъ,—я вамъ лѣшаго живьемъ принесу". Дождался Егоръ вечера, взялъ мѣшокъ, ружье и отправился въ лѣсъ; цѣлую ночь не спала его жена и съ ужасомъ слушала, какъ до самаго свѣта хохоталъ и ухалъ лѣшій.

Утромъ Егоръ пришелъ изъ лѣсу; онъ тащилъ въ мѣшкѣ что-то большое и живое; одна рука у Егора была обмотана тряпкой, а на тряпкѣ видна была кровь. Вся деревня сбѣжалась на дворъ къ Егору. А онъ вытряхнулъ изъ мѣшка какую-то невиданную птицу: мохнатую, съ ушами, съ яркими темно-красными большими глазами, съ коротким загнутымъ клювомъ и острыми кривыми когтями. Вороны, сороки и галки, какъ только завидѣли чудище, такъ и стали надъ нимъ носиться и подняли страшный крикъ и гамъ.

„Филинъ!—крикнулъ тутъ одинъ старикъ.—Вѣдь я же вамъ, глупые, говорилъ, что все это пугачъ филинъ проказитъ".

132. Звѣрь и человѣкъ.

Лѣсной звѣрь грозитъ человѣку: берегись, загрызу, поломаю кости, да и такъ ты пропадешь отъ голода, прежде чѣмъ сыщешь меня въ лѣсу.—Птица сказала: улечу я высоко на воздухъ, человѣку не достать меня, у него нѣтъ быстрыхъ крыльевъ.—Рыба молвила: а я буду жить въ водѣ, уйду въ глубину рѣки, вѣдь человѣкъ въ водѣ дышать не можетъ.—Червячокъ тоже лепечетъ: а я зароюсь въ землю, меня не увидятъ, да если и увидятъ, кому я нуженъ?

Человѣкъ вышелъ изъ дому, взялъ съ собою собаку, ружье, силокъ, неводъ, лопаточку,—сыскалъ и убилъ звѣря въ лѣсу, заманилъ къ себѣ и словилъ птицу, вытянулъ рыбу изъ рѣки, вырылъ для удочки червячка изъ земли.

133. З а б а в а.

Чу! Слышишь, рога въ чащѣ лѣса звучатъ?
Охотникъ день цѣлый охотиться радъ.
Другой у него не найдется забавы:
Онъ ищетъ въ охотѣ веселья и славы.
Окончивъ охоту, ночною порой,
Онъ ѣдетъ усталый, довольный домой,
Считая себя безконечно счастливымъ...
Вдругъ конь, словно вкопанный, сталъ надъ обрывомъ:
Олень умиралъ тамъ, затравленный имъ.
Деревья печально склонились надъ нимъ,
И слышался вздохъ потемнѣвшей дубравы:
„Неправы вы, люди, неправы, неправы!..“

---

134. Что находится въ землѣ.

Земля производитъ разнообразныя растенія; на землѣ растутъ овощи и плодовыя деревья; на землѣ родится хлѣбъ

и кормовыя травы; на землѣ произрастаютъ лѣса. Недаромъ поэтому землю называютъ „кормилицею“ и „матерью“:— „мать-сыра-земля“, говорится въ пѣсняхъ и сказкахъ. Но земля не только производитъ необходимыя для насъ и животныхъ растенія, — она внутри себя скрываетъ разнообразныя богатства. Такъ, напримѣръ, изъ земли выкапываютъ **камни**, которые идутъ на постройки; изъ земли добываютъ **металлы**, изъ которыхъ выдѣлываютъ всевозможныя вещи на фабрикахъ и заводахъ: въ землѣ находятъ **соль**, которая идетъ въ пищу; въ землѣ находятъ **драгоцѣнные** камни и **каменный уголь**, который замѣняетъ дрова. И камни, и металлы, и соль—называются **минералами**.

Назовите драгоцѣнные металлы и камни. Какія вы знаете земли? Что называютъ минералами? Гдѣ приготовляютъ металлическія вещи?

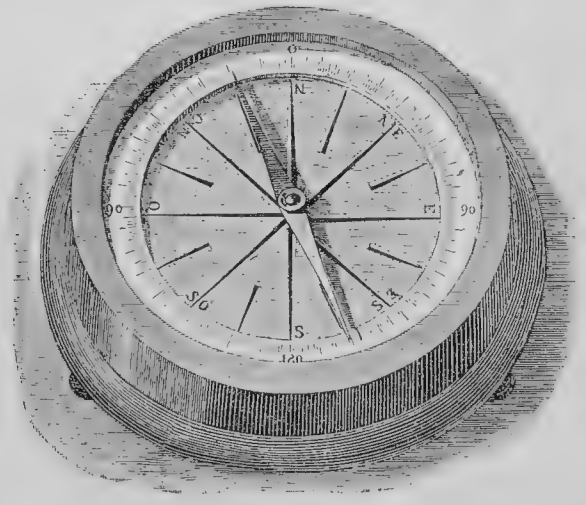
135. Въ кузницѣ.

Падаетъ молотъ тяжелый,
Брызжетъ желѣзо огнемъ:
Въ кузницѣ съ пѣсней веселой
Плугъ мы на славу куемъ.
Выйдешь ты крѣпокъ изъ горна,
Землю ты взроешь могучъ.
Въ землю схоронятся зерна;
Прыснетъ ихъ ливень изъ тучъ.

Встанетъ зеленая нива,--
Сладокъ ей потъ трудовой...
Лѣтомъ колосья лѣниво
Вѣтеръ погонитъ волной...
Падаетъ молотъ проворно;
Крѣпче; не будетъ грѣха!..
Мечется пламя изъ горна,
— „Воздуху!“—свищутъ мѣха...

136. Магнитъ.

Жилъ въ старину пастухъ. Звали его **Магнисъ.** Однажды пропала у него овца, и онъ пошелъ въ горы искать ее. Приходитъ на одно мѣсто въ горахъ, гдѣ были одни голые камни, и чувствуетъ, что сапоги его къ камнямъ прилипаютъ. Онъ сѣлъ, разулся, взялъ сапогъ и сталъ касаться



камней. Тронетъ кожей и подошвой—не прилипаетъ, а тронетъ гвоздями—прилипаетъ. Была съ нимъ палка съ желѣзнымъ концомъ. Онъ тронулъ деревомъ—не пристаетъ, тронулъ желѣзомъ—такъ пристало, что пришлось отрывать съ усиліемъ.

Магнисъ разсмотрѣлъ камни: они были похожи на желѣзо. Онъ принесъ куски ихъ домой. Съ тѣхъ поръ узнали этотъ камень и прозвали его **магнитомъ**.

Металлы: цѣнные и простые. На что каждый изъ нихъ употребляется?

---

137. Невидимка.

Есть сказка про шапку-невидимку. Кто надѣнетъ эту шапку, того нельзя видѣть. Онъ можетъ въ шапкѣ-невидимкѣ переходить изъ дома въ домъ, онъ будетъ видѣть и слышать все, что тамъ дѣлается, а его никто не видитъ. Онъ можетъ проходить сквозь запертыя двери и окна, сквозь стѣны и потолки, ничто задержать его не можетъ.

Такъ говорится въ сказкѣ. Мы не вѣримъ сказкамъ. Сказка—выдумка. Не можетъ быть, чтобы была на свѣтѣ шапка-невидимка. И, однакоже, есть на свѣтѣ нѣчто такое, чего мы не видимъ. Вы можете посмотрѣть, какъ такой невидимка будетъ поддерживать воду въ опрокинутой рюмкѣ. Налейте воды въ рюмку до краевъ и прикройте ее бумажкой. Тутъ все дѣло въ томъ, чтобы бумага плотно пристала къ стѣнкамъ рюмки и къ водѣ. Затѣмъ вы нажимаете бумагу одною ладонью и быстро опрокидываете рюмку отверстіемъ внизъ. Теперь отнимите ладонь и держите рюмку другою рукой. Вы увидите, что изъ опрокинутой рюмки вода не льется. И воду, и бумажку поддерживаетъ что-то невидимое, что-то давитъ на бумажку снизу, а бумажка удерживаетъ воду въ опрокинутой рюмкѣ. Что же такое давитъ на бумажку снизу и держитъ воду? Это—невидимый **воздухъ**, которымъ мы дышимъ. Воздухъ давитъ на бумажку и поддерживаетъ воду въ опрокинутой рюмкѣ. Эти опыты дѣлались и на горахъ, и подъ горами, и въ домахъ, и на улицахъ,—и вездѣ вода не выливалась, вездѣ ее поддерживалъ воздухъ. Значитъ, воздухъ есть вездѣ: и на горахъ, и подъ

горою, и въ домахъ и на улицѣ. И какъ сказочный невидимка, невидимый воздухъ тоже проходитъ и сквозь стѣны, и сквозь потолки; онъ всюду пробирается, вездѣ найдетъ себѣ мѣсто. Безъ воздуха не могутъ жить птицы, а птицы летаютъ высоко надъ нашими головами,—стало-быть, тамъ, на этой высотѣ, есть воздухъ. Рыбамъ тоже нуженъ воздухъ, а рыбы живутъ въ водѣ,—стало-быть, воздухъ есть и въ водѣ. Рудокопы опускаются въ глубокія ямы и свободно дышатъ тамъ,—значитъ, воздухъ пробирается и въ глубокія ямы, и въ глубокіе колодцы. Воздухъ есть и въ разныхъ твердыхъ тѣлахъ: бросьте въ воду кусочекъ сахару, мѣлу, — изъ нихъ въ водѣ пойдутъ пузырьки, это— воздухъ будетъ выходить изъ нихъ.

Воздухъ со всѣхъ сторонъ окружаетъ нашу землю. Воздухъ, это невидимая одежда земли, это—прозрачная оболочка земная. Можно сказать, что землю окружаетъ воздушный **океанъ**. Какъ въ водѣ плаваютъ рыбы, такъ и въ воздухѣ плаваютъ птицы. На днѣ воздушнаго океана живемъ мы, люди, бѣгаютъ и ползаютъ разныя животныя, растутъ деревья и травы, какъ на днѣ морей и океановъ растутъ водяныя растенія и ползаютъ водяныя животныя. И намъ также нуженъ воздухъ, какъ рыбамъ нужна вода. Если рыбу вынуть изъ воды, она умретъ. Если-бы можно было поднять человѣка высоко-высоко, туда, гдѣ уже нѣтъ воздуха, онъ задохся-бы и умеръ. Къ счастію, воздуха на землѣ много. Люди поднимались на воздушныхъ шарахъ на нѣсколько верстъ и находили тамъ воздухъ; только тамъ онъ рѣдокъ, и имъ трудно дышать. Воздухъ простирается вверхъ на нѣсколько десятковъ верстъ.

Движеніе воздуха называется **вѣтромъ**.

138. Передъ бурей.

Заунывный вѣтеръ гонитъ
Стаю тучъ на край небесъ,

Ель надломленная стонетъ,
Тихо шепчетъ темный лѣсъ.
На ручей рябой и пестрый
За листкомъ летитъ листокъ,
И струей сухой и острой
Набѣгаетъ холодокъ.
Полумракъ на все ложится;
Налетѣвъ со всѣхъ сторонъ—
Съ крикомъ въ воздухѣ кружится
Стая галокъ и воронъ.

139. Б у р я.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То, какъ звѣрь, она завоетъ,
То заплачетъ, какъ дитя;
То по кровлямъ обветшалой
Вдругъ соломой зашумитъ,
То, какъ путникъ запоздалый,
Къ намъ въ окошко застучитъ.

140. Для чего нуженъ вѣтеръ.

Что было-бы съ нами, если-бы не было вѣтра? Въ жаркихъ странахъ, гдѣ и теперь нестерпимо печетъ солнышко, было-бы еще жарче; тамъ не могли-бы жить и умерли-бы отъ жары и люди, и животныя. Въ холодныхъ странахъ было-бы еще холоднѣе, и тамъ замерзли-бы отъ холода и животныя, и растенія. Но вѣтеръ переноситъ теплый воздухъ изъ жаркихъ странъ въ холодныя, а холодный воздухъ—въ жаркія страны. И потому въ жаркихъ странахъ дѣлается прохладнѣе, а въ холодныхъ теплѣе. Но этого мало. Надъ морями и океанами, надъ озерами, рѣками и болотами,—вездѣ, гдѣ есть вода, образуются облака и тучи. Вѣтеръ носитъ на себѣ небесныя стада облаковъ: то онъ рветъ ихъ на части, то снова сплетаетъ ихъ между собою. Вѣтеръ отправляетъ облака и тучи въ путь, чтобъ они разносили воду по всей землѣ, питали водою ручейки и рѣки. Вѣтеръ разноситъ повсюду жизнь. Если-бы не было вѣтра,

въ сухія мѣста не приносились-бы ни тучи, ни облака, тамъ не было-бы ни дождя, ни снѣга; а безъ дождя не было бы ни ручьевъ, ни рѣкъ, ни озеръ, ни колодезей,—безъ воды не могли-бы жить ни растенія, ни животныя.

Въ городахъ отъ дыханія людей, отъ нечистотъ и пыли портится воздухъ. Если-бы не было вѣтра, въ большихъ городахъ накопилось-бы такъ много дурного воздуха, что всѣ люди умерли-бы, но вѣтеръ уноситъ изъ города дурной воз-

духъ, вѣтеръ-же приноситъ въ городъ чистый воздухъ лѣсовъ и полей.

Вѣтеръ—большая сила, и этою силою люди пользуются. Они заставляютъ вѣтеръ работать на себя. Онъ работаетъ на вѣтряныхъ мельницахъ. Онъ надуваетъ паруса на лодкахъ и корабляхъ. Вѣтеръ сушитъ бѣлье, вѣетъ крестьянину зерна; въ жаръ вѣтерокъ даетъ людямъ прохладу. Много отъ вѣтра пользы!

Не бываетъ ли отъ вѣтра и вреда?

141. Какъ летаютъ по воздуху.

Стало свободно человѣку и по землѣ, и по водѣ ѣздить; но позавидовалъ онъ птицамъ небеснымъ. Крыльевъ Богъ человѣку не далъ—взять ихъ негдѣ: а не дурно-бы по воздуху летать: не нужно тамъ ни шоссе дѣлать, ни полотно настилать—всюду дорога широкая.

Сталъ человѣкъ учиться да думать: выдумалъ воздушный шаръ, привѣсилъ къ шару лодочку и полетѣлъ выше лѣса стоячаго, выше облака ходячаго, выше орла быстрокрылаго. Одна бѣда—неугомонный вѣтеръ обижаетъ человѣка въ воздухѣ еще хуже, чѣмъ на водѣ: носитъ его, куда ему, вѣтру, вздумается, а не куда человѣку захочется. Но въ настоящее время человѣкъ и съ вѣтромъ справился: онъ выдумалъ летательную машину и управляетъ ею, какъ конемъ. Теперь человѣкъ куда хочетъ, туда и направляетъ свой путь по воздуху.

142. В о д а.

Все хорошо въ природѣ, но вода—красота всей природы. Вода жива; она бѣжитъ или волнуется вѣтромъ, она движется и даетъ движеніе всему, ее окружающему. Разнообразны явленія водъ, и непонятны законы этого разнообразія. Изъ вершины высокой горы, сложенной изъ каменнаго дикаго плитняка, бьетъ свѣтлая холодная струя, скачетъ внизъ по уступамъ горы и, смотря по ея крутизнѣ, или образуетъ множество маленькихъ водопадовъ, или одно, много—два большія паденія воды.

Если она сжата каменьями, то гнется узкою лентою; если катится съ плиты, то падаетъ широкимъ занавѣсомъ; если-же поверхность горы не камениста и не крута, то вода выроетъ себѣ постоянное небольшое русло,—и какъ все живо, зелено и весело вокругъ него!

Неизвѣстно откуда возьмутся несвойственныя горамъ травы, цвѣты, кусты и деревья. Нигдѣ по близости не растутъ они, но, видно, вѣтеръ вездѣ разноситъ всякія сѣмена, да только не вездѣ они всходятъ и принимаются.

Разсказать о „Водѣ“ по плану: Красота воды въ природѣ. Необходимость воды для растеній и животныхъ. Рѣки. Озера. Пруды. Болота. Родники. Колодцы. Моря. Вкусъ и цвѣтъ воды. Паръ. Снѣгъ. Ледъ. Градъ. Дождь.

143. Водопадъ и ручей.

Кипящій водопадъ, свергаяся со скалъ,
Цѣлебному ключу съ надменностью сказалъ
(Который подъ горой едва лишь былъ примѣтенъ,
Но силой славился цѣлебною своей):
„Не странно-ль это? Ты такъ малъ, водой такъ бѣденъ,
А у тебя всегда премножество гостей?
Не мудрено, коль мнѣ приходитъ кто дивиться;
Къ тебѣ зачѣмъ идутъ?“ —„Лѣчиться“,
Смиренно прожурчалъ ручей.

Какой Водопадъ, какому ключу и что сказалъ? Что и какъ отвѣтилъ на это Ручей?

144. Капля воды.

Жилъ былъ въ селѣ школьный учитель. Вотъ сидѣлъ онъ однажды въ школѣ за столомъ и показывалъ дѣтямъ черезъ увеличительное стекло каплю воды, взятую имъ въ канавѣ. Дѣти разсматривали въ каплѣ воды множество удивительныхъ животныхъ, которыхъ простымъ глазомъ никогда не различишь. Капля воды подъ увеличительнымъ стекломъ похожа на тарелку, наполненную животными, прыгающими одинъ черезъ другого. Дѣти видѣли, какъ жадны эти крошечныя животныя: они копошились въ водѣ, какъ будто прыгали и бѣгали, и рвали одинъ — другого на части. Но вотъ учитель влилъ капельку красной жидкости, и капля воды стала похожа на большую красную площадь, наполненную удивительными животными. Въ это время вошелъ въ классъ старикъ — крестьянинъ и спросилъ: „что это вы тутъ смотрите“?

— А вотъ посмотри—сказалъ учитель—и отгадай.

Старикъ взглянулъ черезъ увеличительное стекло. Странно было смотрѣть, когда одно красное существо било и толкало другое, присасывалось и захватывало его... Нижнія пробирались наверхъ, верхнія внизъ. „Смотри, смотри“!— какъ будто кричали они: „вотъ у этого нога длиннѣе моей. Долой ее! А вотъ у этого шишка“! И они бросались на него.

— Это забавно!—сказалъ старикъ.

— Да, но какъ ты думаешь, что это такое? приставали къ крестьянину дѣти: можешь теперь отгадать?

— Еще-бы; это ясно видно, отвѣчалъ старикъ: тутъ представлена война, или адъ.

— Это капля воды изъ грязной канавы! закричали дѣти.

145. Мельница.

Кипитъ вода, реветъ ручьемъ,
На мельницѣ и стукъ и громъ.
Колеса здѣсь въ водѣ шумятъ,
А брызги тамъ дождемъ летятъ.
Отъ пѣны вверхъ бугоръ стоитъ;
Какъ мостъ живой, весь полъ дрожитъ.
Шумитъ вода, рукавъ трясетъ,
На камни рожь дождемъ течетъ.
Подъ жерновомъ муку родитъ;
Идетъ мука, въ глаза пылитъ.

146. С о л н ц е.

Выйди зимою въ тихій морозный день въ лѣсъ или въ поле, посмотри кругомъ себя и послушай: вездѣ снѣгъ, ручьи и рѣки замерзли, сухія травы безжизненно торчатъ изъ-подъ снѣга, на сучьяхъ деревьевъ снѣжная бахрома, насѣкомыхъ совсѣмъ нѣтъ; рѣдко увидишь звѣря и птицу. Все будто замерло и оцѣпенѣло.

Посмотри лѣтомъ: рѣки бѣгутъ, шумятъ, въ каждой лужицѣ лягушки кричатъ, птицы перелетаютъ, поютъ, мухи и комары вьются, жужжатъ; земля заросла травой, цвѣтами, а деревья весело шумятъ листвою. Вездѣ жизнь и веселье.

И все это отъ теплоты: гдѣ нѣтъ тепла, тамъ все мертво; гдѣ теплота,—тамъ жизнь и движенье.

Откуда же берется тепло на свѣтѣ?

Теплота идетъ отъ **солнца**; значитъ, отъ солнца зависитъ на землѣ и жизнь, и движенье. Ходитъ солнце низко зимой, стороной отъ земли, посылаетъ намъ мало тепла,— и нѣтъ у насъ движенья: все точно замираетъ.

Станетъ солнышко выше ходить надъ землей, станетъ оно посылать къ намъ прямые лучи, — отогрѣется все на свѣтѣ, возрадуется. Станетъ весною снѣгъ таять, потрескается ледъ на рѣкѣ, польется вода съ горъ, поднимутся пары изъ воды въ облака, пойдетъ дождь... Кто все это сдѣлалъ?—Солнце.

Оттаютъ въ согрѣтой землѣ сѣмечки растеній, выпустятъ ростки и корни, потомъ пойдутъ побѣги, начнутъ рости деревья и травы... Кто все это сдѣлалъ?—Солнце.

Разогрѣется въ одномъ мѣстѣ воздухъ, поднимется кверху, а на его мѣсто пойдетъ воздухъ похолоднѣе,—отъ этого произойдетъ вѣтеръ, нужный землѣ. Кто это сдѣлалъ?—Солнце.

Вырастутъ травы, хлѣба, плоды, деревья; насытятся животныя, напитаются люди и соберутъ еще корма и топлива въ запасъ на зиму. Кто все это имъ приготовилъ?—Солнце.

Человѣкъ построилъ себѣ домъ изъ бревенъ. Бревна вырублены изъ деревьевъ: деревья вырастило солнце. Человѣкъ строитъ каменный домъ изъ кирпича и извести. Кирпичъ и известь обожжены дровами: дрова заготовило солнце.

Ѣстъ человѣкъ хлѣбъ, картофель, приготовляетъ изъ пеньки и льна ткани на одежду. Кто вырастилъ растенія?

Ѣстъ человѣкъ мясо, приготовляетъ мѣховую и шерстяную одежду. Кто выкормилъ животныхъ и птицъ? Травы и сѣмена растеній? А растенія кто вырастилъ?

Все, что людямъ нужно, что идетъ имъ на потребу, все это заготовляется солнцемъ, и во всемъ много солнечнаго тепла. Кто заготовитъ себѣ на зиму хлѣбъ и дрова, тотъ запасается солнечнымъ тепломъ на холодное время.

А когда есть тепло, есть и движеніе. Какое ни на есть

движеніе,— все отъ тепла: либо прямо отъ солнечнаго тепла, либо отъ того тепла, которое заготовило солнце въ углѣ, въ дровахъ, въ хлѣбѣ, въ мясѣ.

Лошади возятъ, люди работаютъ: что ихъ двигаетъ? Тепло. А откуда они взяли тепло? Изъ корму. А кормъ заготовило солнце.

Водяныя и вѣтряныя мельницы вертятся и мелютъ. Кто ихъ двигаетъ? Вѣтеръ и тепло. А вѣтеръ кто гонитъ? Тепло. Оно-же подняло и воду парами вверхъ, а безъ этого вода не поливала-бы землю.

Паровозъ тянетъ поѣздъ, машина работаетъ,—ее движетъ паръ. А паръ кто дѣлаетъ? Дрова. А въ дровахъ солнечное тепло.

И тепло, и движенье, и жизнь зависятъ отъ солнца!

— —

Та сторона неба, гдѣ утромъ солнце восходитъ, называется востокъ.

Та сторона неба, гдѣ солнце бываетъ въ полдень, называется югъ.

Сторона неба, гдѣ солнце заходитъ вечеромъ, называется западъ.

А та сторона неба, гдѣ солнце никогда не бываетъ, называется сѣверъ.

Востокъ, западъ, сѣверъ и югъ называются **странами свѣта**.

Сколько странъ свѣта? Какъ ихъ изображаютъ на географическихъ картахъ? Какъ опредѣлить страны свѣта въ пасмурную погоду? (компасъ).

147. Труды солнышка.

Знать солнышко утомлено:
За горы прячется оно,
Лучъ погашаетъ за лучомъ,
И, алымъ тонкимъ облачкомъ
Задернувъ ликъ усталый свой,
Уйти готово на покой.

Пора ему и отдохнуть:
Мы знаемъ, лѣтній дологъ путь.
Вездѣ-жъ работа: на горахъ,
Въ долинахъ, рощахъ и лугахъ;
Того согрѣй, тѣмъ свѣту дай,
И всѣхъ притомъ благословляй.
Буди заснувшіе цвѣты
И имъ расписывай листы;
Потомъ медвяною росой
Пчелу-работницу напой
И чистыхъ капель межъ листовъ
Оставь про рѣзвыхъ мотыльковъ.
Зерну скорлупку расколи,
И молодую изъ земли
Былинку выведи на свѣтъ;
Пичужкамъ приготовь обѣдъ;
Тѣхъ пріюти между вѣтвей,
А тѣхъ на солнышкѣ согрѣй.
И вишнямъ дай румяный цвѣтъ,
Не позабудь горячій свѣтъ
Разсыпать на зеленый садъ,
И золотистый виноградъ
Отъ зноя листьями прикрыть,
И колосъ зрѣлостью налить.
А если жаръ для стадъ жестокъ,
Смани ихъ къ рощѣ въ холодокъ.
И тучку темную скопи,
И травку влагой окропи,
И яркой радугой съ небесъ
Сойди на темный лугъ и лѣсъ.
А гдѣ подъ острою косой
Трава ложится полосой,
Туда безоблачно сіяй
И сѣно въ копны собирай,
Чтобъ къ ночи лугъ отъ нихъ пестрѣлъ,
И съ ними рядъ возовъ скрипѣлъ.

Перечислить труды солнышка въ продолженіе лѣтняго дня. Дѣйствіе солнца на животныхъ и растенія.

Отдѣлъ второй.

148. Примѣты осени.

Мелькаетъ желтый листъ на зелени деревъ; работу кончилъ серпъ на нивахъ золотистыхъ, и покраснѣлъ уже вдали коверъ луговъ, и зрѣлые плоды висятъ въ садахъ тѣнистыхъ.

Примѣты осени во всемъ встрѣчаетъ взоръ: тамъ тянется, блестя на солнцѣ, паутина; тамъ скирдъ виднѣется; а тамъ черезъ заборъ кистями красными повиснула рябина; тамъ жнитва колкая щетинится, а тамъ ужъ озимь яркая блеснула изумрудомъ; и курится овинъ, и долго по утрамъ, какъ бѣлый холстъ, лежитъ туманъ надъ синимъ прудомъ...

И цѣлый день скрипятъ воза; и далеко токъ отзывается подъ дружными цѣпами; и стая журавлей несется высоко, перекликаяся порой подъ небесами.

По какимъ примѣтамъ можно узнать осень? Назовите осенніе мѣсяцы по порядку.

149. Молотьба.

Нѣтъ веселѣе поры обмолота:
Легкая дружно спорится работа;
Вторитъ ей эхо лѣсовъ и полей,
Словно кричитъ: „Поскорѣй! Поскорѣй!“
Звукъ благодатный! Кого онъ разбудитъ,
Вѣрно, весь день тому весело будетъ.
За нагруженной снопами телѣгой
Чинно идетъ жеребеночекъ пѣгой;

Паръ изъ отворенной риги валитъ;
Кто-то въ огнѣ тамъ у печки сидитъ.
А на гумнѣ только руки мелькаютъ,
Да высоко молотила взлетаютъ.

150. Отлетъ журавлей.

Вчера еще лѣсъ опустѣлый
Прощался печально со мной,
Роняя свой листъ пожелтѣлый
До радостной встрѣчи весной.
Разстаться намъ было такъ трудно...
Вдругъ съ неба иль съ дальнихъ полей
Такъ звучно, такъ грустно, такъ чудно
Раздался призывъ журавлей.
Отъ этихъ лѣсовъ пожелтѣлыхъ,

Отъ этихъ поблекшихъ небесъ
На крыльяхъ могучихъ и смѣлыхъ
Въ страну вѣчно-юныхъ чудесъ
Они улетать собирались.
И, скорби своей не тая,
Съ родными лѣсами прощались,
Прощались печально, какъ я.
Ихъ крикъ прозвучалъ, какъ рыданья,
И вдаль потянуло меня...
О, лѣсъ мой родной! До свиданья!..
До перваго майскаго дня.

151. Осень.

Посмотри, въ саду деревья
Обнаженныя стоятъ,
Все печально доцвѣтаетъ,
Листья по-вѣтру летятъ.
Солнце красное не грѣетъ,
Не поютъ ужъ соловьи,
Ночи холодны и темны,
И коротки стали дни.
Небо пасмурно и хмуро,
Мелкій дождикъ мороситъ...
Осень близко, осень злая
Къ намъ въ окошко ужъ глядитъ!..

152. Отлетъ ласточекъ.

Лѣтомъ постепенно смолкаютъ веселыя птичьи пѣсни; въ лѣсахъ и въ рощахъ, въ поляхъ и лугахъ воцаряется тишина. Птицы лишь изрѣдка чирикаютъ, какъ будто совсѣмъ разучились пѣть. И пугливы стали птички; прячутся онѣ въ чащѣ лѣсной, въ травѣ густой. Отчего же веселыя пѣвуньи пріуныли? Отчего такъ боязливы рѣзвыя летуньи?

Птички вывели и воспитали птенцовъ; пришло время самимъ готовиться къ отлету на дальнюю чужбину. Прежде всего надо перемѣнить лѣтній нарядъ на дорожное платье. Весною птичка щеголяла въ ярко-пестрыхъ, цвѣтныхъ перьяхъ, а къ осени она одѣлась въ сѣренькое платье. Скромный сѣренькій нарядъ удобнѣе для осени. Весною и лѣтомъ зеленые листья, цвѣты полевые скрываютъ нарядную птичку отъ враговъ: юркнула птичка подъ кустъ или листочекъ, прикрылась цвѣткомъ и не найти ея хищнику. Иное дѣло осенью. Побурѣютъ и прилягутъ травы, пожелтѣетъ и осыплется листъ съ деревьевъ: негдѣ скрыться птичкѣ въ нарядныхъ перьяхъ, а у хищника глазъ зорокъ. Скромныя сѣренькія перья больше подходятъ къ поблекшему листу, къ бурой травѣ, къ сѣрой землѣ—и вѣрнѣе уберегутъ птичку отъ опасности.

Ранымъ-рано по утру, кутаясь въ кожухъ, наброшенный на плечи, вышелъ крестьянинъ на крылечко, взглянулъ на огородъ и остановился въ недоумѣніи: огромная старая ветла снизу до верху вся усѣяна была ласточками. Прилетали отовсюду новыя и новыя стаи. Мало-по-малу птички усѣлись, успокоились. И вдругъ всѣ, сколько ихъ было, защебетали, замахали крылышками, поднялись, сдѣлали нѣсколько круговъ въ воздухѣ—и темнымъ облачкомъ понеслись къ югу, оглашая воздухъ своимъ крикомъ.

„Знать, въ дорогу собрались, въ теплые края поле-

тѣли,—подумалъ крестьянинъ;—прощайте, лѣтніе гости, до новой весны! И намъ пора о зимѣ подумать: на крышу надо новой соломки подложить, заваленку около избы приподнять и укрѣпить, соломой избушку окутать, дровецъ на зиму заготовить".

153. Пташки.

Смотрю: по небу синему
Веселою гурьбой
Несутся пташки малыя
Толкуютъ межъ собой:
„Летимъ,—щебечутъ пташечки,—
Летимъ мы въ теплый край,
Въ ту дальнюю сторонушку,
Гдѣ не житье, а рай.
Тамъ нѣтъ для насъ бездольица,
Тамъ вѣчная весна,
Тамъ ярко Божье солнышко,
Вода не студена... Прощай!"
—„Постойте, пташечки!
Зачѣмъ же каждый годъ
Вы снова возвращаетесь
Въ міръ горя и невзгодъ?"
И еле-еле слышится
Мнѣ издали отвѣтъ:
„Затѣмъ, что здѣсь увидѣли
Впервые бѣлый свѣтъ,
Впервые здѣсь рѣзвилися
На волѣ средь полей;
Здѣсь вскормлены мы ласками
Родимыхъ матерей...

154. Осеннее ведро.

День выдался чудесный. Тишь стояла такая, что можно было за сто шаговъ слышать, какъ бѣлка перепрыгивала по густой листвѣ, какъ оторвавшійся сучокъ сперва слабо цѣплялся за другія вѣтви и падалъ наконецъ въ мягкую траву.

Воздухъ ни теплый, ни свѣжій, пріятно щипалъ щеки. Тонкая, какъ шелковинка, паутина съ бѣлымъ клубочкомъ по серединѣ, длинная паутина прямо вытягивалась по воздуху—знакъ постоянной теплой погоды.

155. Осенняя слякоть.

Погода ужъ пятый день стоитъ отвратительная; все живое попряталось; даже воробьи притихли, и грачи давно

пропали. Вѣтеръ то глухо завываетъ, то свиститъ порывисто; низкое безъ всякаго просвѣту, небо изъ непріятно-бѣлаго цвѣта перешло въ свинцовый, еще болѣе зловѣщій цвѣтъ, и дождь, который льетъ неумолчно и безпрестанно, внезапно становится еще крупнѣе, еще косѣе—и съ визгомъ расплывается по стекламъ.

Деревья совсѣмъ истрепались и какія-то сѣрыя стали: ужъ, кажется, что было съ нихъ взять, а вѣтеръ нѣтъ-нѣтъ, да опять примется тормошить ихъ. Вездѣ стоятъ засоренныя мертвыми листьями лужи; крупные волдыри, то и дѣло лопаясь и возраждаясь, вскакиваютъ и скользятъ по нимъ.

Грязь по дорогамъ стоитъ невылазная; холодъ проникаетъ въ комнаты, подъ платье, въ самыя кости; невольная дрожь пробѣгаетъ по тѣлу, и ужъ какъ становится дурно на душѣ! Кажется, ужъ никогда не будетъ ни свѣта, ни солнца, а вѣчно будетъ стоять эта слякоть и слизь. и и сѣрая мокрота, и сырость кислая, и вѣтеръ будетъ вѣчно пищать и ныть.

Что общаго между осенью и старостью?

156. Осень въ городѣ.

Настала осень. Скученъ городъ.
Дожди, туманы, рѣзкій холодъ,
Ночь черная и сѣрый день,
И по нуждѣ покинуть лѣнь
Свой теплый уголъ. Вечерами
Вороны, галки надъ садами
Кричатъ, сбираясь на ночлегъ.
Порой нежданный мокрый снѣгъ
Кружится, кровли покрываетъ,
Къ лицу и платью пристаетъ,
И снова мелкій дождь пойдетъ,
И вѣтеръ свистомъ досаждаетъ.
Куда ни глянешь—ручейки,
Да грязь и лужи. Окна плачутъ,
И, морщась, пѣшеходы прячутъ
Свои носы въ воротники.

Разсказать: 1) осень въ городѣ; 2) осень въ деревнѣ; 3) осень въ лѣсу.

157. Наступленіе осени.

Рѣдко стало показываться намъ красное солнышко: встанетъ поздно, поднимется невысоко и не надолго, да какъ-разъ и закатится; а иногда и осеннія тучи такъ заволокутъ небо, что ему и неоткуда проглянуть на осиротѣлую землю. Вмѣстѣ съ этимъ и укоротились деньки, да и погода сдѣлалась суровою: холодный, рѣзкій вѣтеръ, несмотря на осеннюю одежду, пробираетъ до костей, а холодная, твердая земля, съ затянутыми ледяною корою жилками, свидѣтельствуетъ о ночномъ морозѣ. Лугъ, покрытый мѣсяца два тому назадъ пестрымъ ковромъ разнообразныхъ цвѣтовъ, представляетъ теперь сѣрую, однообразную площадь, по которой гуляетъ вѣтеръ, шелестя остатками какой-то поблекшей соломы. Деревья, подъ густою зеленью которыхъ мы нерѣдко укрывались отъ солнечнаго зноя, стоятъ теперь обнаженными, и только хрустящій подъ ногами листъ напоминаетъ объ изношенномъ ихъ лѣтнемъ нарядѣ. Нѣтъ пестрыхъ мотыльковъ, нѣтъ красивыхъ пташекъ, весело рѣзвившихся въ воздухѣ; все укрылось, все покинуло насъ вмѣстѣ съ краснымъ солнышкомъ.

Вотъ пустое гнѣздо ласточки, которая давно уже улетѣла; вотъ семья летучихъ мышей, повѣсившихся въ дуплѣ дерева, собралась дружно выдержать морозы во время зимней спячки; подъ деревомъ лежитъ свернувшійся клубкомъ ежъ, а еще ниже забился кротъ въ свою нору; квакавшая въ пруду лягушка закуталась въ илъ и тину вмѣстѣ съ съежившейся піявкой, а водяной паучокъ помѣстился уже въ сотканномъ имъ изъ паутины коконѣ, въ который не проникаетъ и самый жестокій морозъ; улитка забилась въ свою раковину, ввинтила ее въ землю и затворилась плотно дверкой.

Все приготовилось встрѣтить зиму; даже человѣкъ измѣнилъ нѣсколько свой бытъ: запасся шубами, печами—

чугунками, двойными рамами. Но что же станетъ съ бѣдными, лишенными свободнаго движенія растеніями, куда укроются они отъ зимнихъ морозовъ? Развѣ тѣмъ изъ нихъ, которыхъ не укутываетъ заботливая рука человѣка, суждено наслаждаться только однимъ быстропроходящимъ лѣтомъ. Заботливая мать—природа не забыла и растеній. Эти обнаженныя деревья, которыхъ свѣжею, сочною зеленью мы любовались весною, подъ тѣнью которой скрывались лѣтомъ, и которая оборвана теперь рукою осени, эти деревья не пропадутъ зимою: кора защититъ стволъ и сучья, а плотныя кожистыя чешуйки почекъ не допустятъ проникнуть морозу до нѣжной ткани, покоящихся въ нихъ зачатковъ будущихъ вѣтвей, листьевъ и цвѣтовъ. Самая земля, скрывающая въ себѣ тысячи различныхъ сѣмянъ и корней, которыхъ весна снова вызоветъ къ жизни, прикрыта слоемъ опавшихъ листьевъ и растительныхъ остатковъ. Однимъ словомъ—все приготовилось встрѣтить долгую и холодную зиму!..

Разсказать о „Поздней осени“ по слѣдующему плану: дождь, холодъ, короткіе дни, пустота сада и лѣса; ожиданіе зимы.

158. Встрѣча зимы.

Поутру вчера дождь въ стекла оконъ стучалъ;
Надъ землею туманъ облаками вставалъ.
Вѣялъ холодъ въ лицо отъ угрюмыхъ небесъ,
И, Богъ знаетъ, о чемъ плакалъ сумрачный лѣсъ.
Въ полдень дождь пересталъ и, что бѣлый пушокъ,
На осеннюю грязь падать началъ снѣжокъ.
Ночь прошла. Разсвѣло. Нѣтъ нигдѣ облачка.
Воздухъ легокъ и чистъ, и замерзла рѣка.
На дворѣ и домахъ снѣгъ лежитъ полотномъ
И отъ солнца блеститъ разноцвѣтнымъ огнемъ.

159. Привѣтъ русской зимѣ.

Здравствуй въ бѣломъ сарафанѣ изъ серебряной парчи!
На тебѣ горятъ алмазы, словно яркіе лучи.
Здравствуй, русская молодка, раскрасавица душа,
Бѣлоснѣжная лебедка, здравствуй, матушка зима!
Намъ не страшенъ снѣгъ суровый, съ снѣгомъ батюшка—морозъ,
Нашъ природный, нашъ дешевый пароходъ и паровозъ,
Ты у насъ краса и слава, наша сила и казна,
Наша бодрая забава—молодецкая зима!

Что бываетъ зимой, въ сравненіи съ лѣтомъ, съ птицами? звѣрями? людьми?

160. Зима въ деревнѣ.

Вотъ пришла, наконецъ, и давно-жданная зима! Прилетѣли морозы съ ледяныхъ горъ и сковали рѣки, ручьи, озера и пруды. Выпалъ снѣгъ и окуталъ землю точно пуховымъ одѣяломъ.

Шумною толпою выбѣгаютъ ребятишки на побѣлѣвшую улицу. Въ окна выглядываютъ сморщенныя лица бабушекъ. Крестясь или радостно похлопывая рукавицами, показываются изъ-за воротъ скрипучихъ отцы и старые дѣды, такіе же почти бѣлые, какъ и самый снѣгъ, который продолжаетъ валить пушистыми хлопьями.

Пришла пора всеобщаго отдыха. Работы кончены: уже обмолотились. Съ трудомъ вызовешь теперь мужика изъ теплой избы, окутанной соломой и припертой жердями. Развѣ приведется съѣздить въ сосѣдній лѣсъ за дровами, да въ городъ съ хлѣбомъ, или нужда велитъ идти съ обозомъ. И снова спѣшитъ крестьянинъ въ теплую избу свою. Сладко, вѣдь, отдохнуть и порасправить кости послѣ тяжелаго лѣта и многозаботной осени.

1. Какъ проводятъ зимній день: крестьянинъ, крестьянка и дѣти? 2. Назовите зимніе мѣсяцы.

161. Крестьянская пирушка.

Ворота тесовы растворилися,
На коняхъ, на саняхъ гости въѣхали.
Имъ хозяинъ съ женой низко кланялись:
Со двора повели въ свѣтлу горенку.
Передъ Спасомъ Святымъ гости молятся,
За дубовы столы, за набранные,
На сосновыхъ скамьяхъ, сѣли званные.
На столахъ куръ, гусей много жареныхъ,
Пироговъ, ветчины блюда полныя.
Бахрамой-кисеей принаряжена,
Молодая жена, чернобровая
Обходила подругъ съ поцѣлуями;
Разносила гостямъ чашу горькаго.
Самъ хозяинъ за ней брагой хмѣльною,
Изъ ковшей вырѣзныхъ гостей подчуетъ;
А хозяйская дочь медомъ сыченнымъ
Обносила кругомъ съ лаской дѣвичей.
Гости пьютъ и ѣдятъ, рѣчи гуторятъ:
Про хлѣба, про покосъ, про старинушку;
Какъ-то Богъ и Господь хлѣбъ уродитъ намъ?
Какъ-то сѣно въ степи будетъ зелено?
Гости пьютъ и ѣдятъ, забавляются
Отъ вечерней зари до полуночи...
По селу пѣтухи перекликнулись;
Призатихъ говоръ-шумъ въ темной горенкѣ;
Отъ воротъ поворотъ видѣнъ по снѣгу.

Разсказать: какъ проводится воскресный день и будни въ селѣ?

162. Зимняя дорога.

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальныя поляны
Льетъ печальный свѣтъ она.
По дорогѣ зимней, скучной
Тройка борзая бѣжитъ,
Колокольчикъ однозвучный
Утомительно гремитъ.
Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска.
Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снѣгъ... На встрѣчу мнѣ
Только версты полосаты
Попадаются однѣ.

163. Метель.

Я велѣлъ заложить маленькія сани въ одну лошадь и одинъ, безъ кучера, отправился въ Жадрино. Дорога была мнѣ знакома, а ѣзды всего двадцать минутъ. Но едва я выѣхалъ за околицу, какъ поднялся вѣтеръ и сдѣлалась такая метель, что я ничего и не взвидѣлъ. Въ одну минуту дорогу занесло; окрестность исчезла во мглѣ, сквозь которую летѣли бѣлые хлопья снѣгу; небо слилось съ землею. Я очутился въ полѣ и напрасно хотѣлъ снова напасть на дорогу; лошадь ступала наудачу и поминутно то въѣзжала на сугробъ, то проваливалась въ яму. Сани мои опрокидывались. Мнѣ казалось, что прошло уже болѣе получаса, а я не доѣзжалъ еще до жадринской рощи. Прошло еще около десяти минутъ, рощи все не было видно. Я ѣхалъ полемъ, пересѣченнымъ глубокими оврагами. Метель не утихала, небо не прояснялось. Лошадь начинала уставать, а съ меня потъ катился градомъ, несмотря на то, что я поминутно былъ по поясъ въ снѣгу.

Наконецъ, я увидѣлъ, что ѣду не въ ту сторону. Я остановился: началъ думать, припоминать, и увѣрился, что должно было взять мнѣ вправо. Я поѣхалъ вправо. Лошадь моя чуть ступала. Уже болѣе часа былъ я въ дорогѣ. Жадрино должно быть недалеко; но я ѣхалъ, ѣхалъ, а полю не было конца. Все сугробы да овраги; поминутно сани опрокидывались, и я ихъ подымалъ. Время шло, я начиналъ сильно безпокоиться. Наконецъ въ сторонѣ стало что-то чернѣть. Я поворотилъ туда. Приближаясь, увидѣлъ рощу. Слава Богу, подумалъ я, теперь близко. Я поѣхалъ около рощи, надѣясь тотчасъ напасть на знакомую дорогу и въѣхалъ въ мракъ деревьевъ, обнаженныхъ зимою. Дорога была гладкая; лошадь ободрилась, и я успокоился.

Мало-по-малу деревья начали рѣдѣть, и я выѣхалъ изъ лѣсу; но Жадрина не было видно. Я поѣхалъ наудачу.

Погода утихла, тучи расходились. Я увидѣлъ невдалекѣ деревушку, состоящую изъ четырехъ или пяти дворовъ. Я поѣхалъ къ ней. У первой избушки я выпрыгнулъ изъ саней, подбѣжалъ къ окну и сталъ стучаться. Черезъ нѣсколько минутъ старикъ высунулъ свою сѣдую бороду. „Что тебѣ надо?“..—„Далеко-ли до Жадрина?“..—„Жадрино-то далеко-ли?“—„Да, да! далеко-ли?“—„Недалече: верстъ десятокъ будетъ?“

164. Зимнее утро.

Вечоръ, ты помнишь,
Вьюга злилась,
На мутномъ небѣ
Мгла носилась;
Луна, какъ блѣдное пятно,
Сквозь облака едва смотрѣла...

А нынче, посмотри въ окно:
Подъ голубыми небесами,
Великолѣпными коврами,
Блестя на солнцѣ, снѣгъ лежитъ;
Прозрачный лѣсъ одинъ чернѣетъ,
И ель сквозь иней зеленѣетъ,
И рѣчка подо льдомъ блеститъ.

165. Зимняя ночь.

Ночь морозная настала,
Небо чисто, какъ стекло;
Мгла вечерняя пропала,
И на улицѣ свѣтло!
Мѣсяцъ свѣтитъ надо мною,
Кровли зданій серебритъ;
На нихъ бѣлой пеленою
Зимній снѣгъ вокругъ лежитъ.
Все спокойно: только бѣгомъ,
Мимо сани пролетятъ

И полозьями по снѣгу
Звучно, шумно проскрипятъ,
Да у церкви — недалеко —
Дремлетъ сторожъ въ тишинѣ
И, проснувшись, бьетъ жестоко
Въ листъ желѣзный на стѣнѣ...
Пусто, тихо; ужъ пропали
Огоньки во всѣхъ окнахъ;
Люди бѣдные устали
И покоятся въ домахъ.

166. Морозъ.

Ни вѣтеръ бушуетъ надъ боромъ, ни съ горъ побѣжали ручьи: морозъ воевода дозоромъ обходитъ владѣнья свои. Глядитъ,—хорошо-ли метели лѣсныя тропы занесли, и нѣтъ-ли гдѣ сломанной ели, и нѣтъ-ли гдѣ голой земли? Пушисты-ли сосенъ вершины, красивъ-ли узоръ на дубахъ?

и крѣпко-ли скованы льдины въ великихъ и малыхъ водахъ? Идетъ—по деревьямъ шагаетъ, трещитъ по замерзлой водѣ, и яркое солнце играетъ въ косматой его бородѣ.

Забравшись на сосну большую, по вѣточкамъ палицей бьетъ, а самъ про себя удалую, хвастливую пѣсню поетъ: „Метели, снѣга и туманы покорны морозу всегда; пойду на моря-океаны—построю дворцы изо льда; задумаю—рѣки большія надолго упрячу подъ гнетъ, построю мосты ледяные, какихъ не построитъ народъ. Гдѣ быстрыя шумныя воды недавно свободно текли,—сегодня прошли пѣшеходы, обозы съ товаромъ прошли. На горе недоброму вору, на страхъ сѣдоку и коню, люблю я въ вечернюю пору затѣять въ лѣсу трескотню. Богатъ я, казны не считаю, а все не скудѣетъ добро; я царство мое убираю въ алмазы, жемчугъ, серебро“...

167. Вьюга.

Вьюга съ часу на часъ подымалась сильнѣе и сильнѣе. Вотъ повернула она, поднялась хребтомъ на пригоркѣ, крутилась вихремъ, пронеслась надъ головою путника, загудѣла въ поляхъ и ударила на деревню. Вздрогнули бѣдныя лачужки, внезапно пробужденныя отъ сна посреди темной, холодной ночи; замирая отъ страха, онѣ тѣсно прижались другъ къ дружкѣ, закутались доверху своимъ снѣжнымъ покровомъ, прилегли на бокъ и трепетно ждутъ лютаго вѣтра. Но вихрь, привыкшій къ простору, рвется и мечется пуще прежняго въ тѣсныхъ закоулкахъ и улицахъ. Разбитый на части, онъ разомъ, со всѣхъ сторонъ, нападаетъ на лачужки, всползаетъ на шаткія стѣны, гудитъ въ стропилахъ, ломаетъ сучья, срываетъ воробьиныя гнѣзда, кровлю, силясь сбросить пѣтушка или конька на макушкѣ; и тогда какъ одна часть бури реветъ вокругъ дома, другая уже давно проползла шипящею змѣею подъ ворота, ринулась въ клѣти и сараи, обѣжала навѣсы и, не найдя тамъ, вѣ-

роятно, ничего, кромѣ вьющагося снѣга, напала на беззащитную жучку, свернувшуюся клубомъ подъ рогожей... Но вотъ вихрь прилегъ наземь, загудѣлъ вдоль плетня, украдкою подобрался къ калиткѣ, поднялся на дыбы, сорвалъ ее съ петель, бросилъ на улицу, присоединился къ другому, третьему, и снова грозный ревъ наполняетъ окрестность... О! счастливъ, сто разъ счастливъ тотъ, у кого въ такую ночь родной кровъ, родная семья, теплая печка!..

168. Святочныя гаданья.

I.

Морозна ночь; все небо ясно;
Свѣтилъ небесныхъ дивный хоръ
Течетъ такъ тихо, такъ согласно...
Татьяна на широкій дворъ
Въ открытомъ платьицѣ выходитъ,
На мѣсяцъ зеркало наводитъ;
Но въ темномъ зеркалѣ одна
Дрожитъ печальная луна...
Чу!.. Снѣгъ хруститъ... Прохожій... Дѣва
Къ нему на ципочкахъ летитъ,
И голосокъ ея звучитъ
Нѣжнѣй свирѣльнаго напѣва:
„Какъ ваше имя?“—Смотритъ онъ
И отвѣчаетъ: „Агаѳонъ“.

II.

Разъ въ крещенскій вечерокъ
Дѣвушки гадали:
За ворота башмачекъ
Снявъ съ ноги, бросали;
Снѣгъ пололи; подъ окномъ
Слушали; кормили
Счетнымъ курицу зерномъ,
Ярый воскъ топили;
Въ чашу съ чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Разстилали бѣлый платъ,
И надъ чашей пѣли въ ладъ
Пѣсенки подблюдны.

169. Подблюдная пѣсня.

Ахъ, кабы на цвѣты да не морозы
И зимой бы цвѣты расцвѣтали;
Ахъ, кабы на меня да не кручина
Ни о чемъ бы я не тужила,
Не сидѣла бы я подпершися,
Не глядѣла бы я во чисто поле...
И я батюшкѣ говорила:
Не давай меня, батюшка, замужъ
Не давай, государь, за неровню,
Не мечись на большое богатство,
Не гляди на высоки хоромы:
Не съ богатствомъ мнѣ жить—съ человѣкомъ,
Не въ хоромахъ нужда, а въ совѣтѣ.

Разсказъ о „Святкахъ“ по плану: Начало святокъ. Прекращеніе учебныхъ занятій. Праздники. Удовольствія и развлеченія городскихъ жителей. Елки. Увеселенія деревенскихъ жителей.

170. Масленица.

Скоро масленицы бойкой
Закипитъ широкій пиръ,
И блинами и настойкой
Закутитъ крещеный міръ...
Въ честь тебя наша Россія,
Православныхъ предковъ дочь,
Строитъ горы ледяныя
И гуляетъ день и ночь.
Игры, братскія попойки,
Настежь двери и сердца,
Пляшутъ бѣшенныя тройки,
Снѣгъ взрывая у крыльца.

Отвѣтить: Что я дѣлалъ на масленицѣ?

171. Тройка.

Прикатила—пріѣхала мокрохвостая масленица съ блинами и—аладьями... Стонъ стоитъ на улицѣ! Пискъ гармоники, дреньканье балалайки, пѣсни, звонъ бубенчиковъ, громкія поздравленія: „съ широкой масляницей!“

А вотъ и тройка у крыльца. Птицы—кони! Гривы убраны лентами, на уздечкахъ бубенчики, на крашенной дугѣ три **валдайскихъ** колокольчика. Хомуты лаковые. Шлеи наборныя съ висящими до земли бляхами. Вожжи алыя, плетеныя. Санки—**казанки** ярко расписаны...

Ямщикъ на облучкѣ въ шапкѣ съ павлиными перьями; синій съ иголочки на немъ кафтанъ, за красивымъ кушакомъ заткнуты зеленыя рукавички... Вышли сѣдоки, сѣли... Надѣлъ ямщикъ кнутъ на рукавичку, свистнулъ: „эхъ вы, голуби! трогай!“

Рванулись дружно кони, заголосили колокольчики,зарокотали бубенчики, блеснули молніей бляхи на шлеяхъ, золотые цвѣты и разводы на дугѣ; вытянулись въ струнку кони и—понеслась вихремъ борзая тройка!

---

172. Чистый понедѣльникъ.

На масленицѣ мы славно повеселились: и съ горъ покатались, и блиновъ поѣли. Было шумно и весело: зато сегодня—какая тишина и въ домѣ, и на улицахъ! Только слышенъ печальный и протяжный благовѣстъ. Мамаша и бабушка надѣли темныя платья и собираются говѣть.

Въ воздухѣ уже пахнетъ весною. Въ полдень солнышко замѣтно пригрѣваетъ; съ крышъ свѣсились брильянтовыя сосульки; снѣгъ рыхлѣетъ; въ саду и на пригоркахъ показываются проталинки. Какъ бы мнѣ хотѣлось знать: будетъ ли Пасха на снѣгу, или на зеленой травкѣ?

Сколько дней продолжается Великій постъ? По какому случаю онъ установленъ? Что обязанъ сдѣлать каждый христіанинъ въ Великомъ посту? Чѣмъ заканчивается Великій постъ?

173. Скоро весна.

Скоро весна! Посмотри: подъ горячимъ лучомъ снѣгъ исчезаетъ замѣтно; въ воздухѣ жизнь, и по небу плывутъ облака; съ крышъ, точно жемчугъ, звуча и сверкая, падаютъ капли; дышитъ все мыслью одной, полно надеждой одной: скоро весна!

Сегодня удивительная погода. Тепло, ясно, солнце весело играетъ на таломъ снѣгѣ; все блеститъ, дымится, каплетъ; воробьи, какъ сумасшедшіе, кричатъ около отпотѣвшихъ темныхъ заборовъ; влажный воздухъ сладко и страшно раздражаютъ грудь... Весна, весна идетъ!

Общіе признаки наступленія весны.

174. Весна идетъ.

Наконецъ проходитъ долгая зима. Прошелъ февраль съ метелями да вьюгами, и на дворѣ наступилъ мартъ мѣсяцъ. Прибавились дни; ярче стали солнечные лучи и сильно пригрѣваютъ среди дня. Прилетѣли грачи и засуетились на макушкахъ старой березовой рощи, починяя старыя гнѣзда и устраивая новыя.

Шибко начинаетъ таять снѣгъ и мутной дорожкой вездѣ пробиваетъ себѣ путь внизъ по косогорамъ. Солнышко пригрѣваетъ со дня на день все сильнѣе и сильнѣе: на поляхъ все больше и больше появляется черныхъ прогалинъ; изъ-подъ прошлогодней травки пробивается новая зелень. Посинѣли отъ воды, надулись овраги, взыграли и сошли. Переполнилась рѣка, подняла ледъ, вышла изъ береговъ и разлилась по низменнымъ мѣстамъ: наступило **половодье**. Переправъ нѣтъ никакихъ — вездѣ шумитъ вода. Отъ земли поднимается паръ: „земля отходитъ“, говорятъ крестьяне.

Во всемъ чувствуется весна: воздухъ хотя и влажный, но такой благодатный,—вѣетъ какой-то особенной свѣжестью, и какъ-то легче, веселѣе, свободнѣе чувствуетъ себя человѣкъ, когда онъ дышитъ этимъ живительнымъ воздухомъ ранней весны.

Какой первый весенній мѣсяцъ?

175. Весеннія воды.

Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ,
А воды ужъ весной шумятъ;
Бѣгутъ и будятъ сонный брегъ,
Бѣгутъ и блещутъ и гласятъ...

Онѣ гласятъ во всѣ концы:
„Весна идетъ, весна идетъ;
Мы молодой весны гонцы,
Она насъ выслала впередъ!“

Откуда берется весной такъ много воды?

176. Вскрытіе рѣки.

Рѣка тронулась. Тепло одѣтый, я стоялъ на крыльцѣ и жадно слѣдилъ глазами, какъ шла между неподвижныхъ береговъ огромная полоса синяго, темнаго, а иногда и желтаго льда. Ледъ долго шелъ сплошною полосою. Затѣмъ ледъ началъ трескаться и ломаться на отдѣльныя глыбы; вода всплескивалась между ними; онѣ набѣгали одна на другую; большая и крѣпкая затопляла слабѣйшую, а если встрѣчала сильный упоръ, то поднималась однимъ краемъ вверхъ, иногда долго плыла въ такомъ положеніи. Иногда обѣ глыбы разрушались на мелкіе куски и съ трескомъ погружались въ воду. Глухой шумъ, похожій по временамъ на скрипъ или отдаленный стонъ, явственно долеталъ до моихъ ушей. Рѣка скоро начала выступать изъ береговъ и затоплять низменный, луговой берегъ. Наконецъ, разливъ воды, простиравшійся слишкомъ на восемь верстъ, слился съ облаками...

Разскажите. Какъ вскрылась ваша рѣка въ нынѣшнемъ году?

177. Весна.

Весна! Выставляется первая рама,
И въ комнату шумъ ворвался,
И благовѣстъ ближняго храма,
И говоръ народа, и стукъ колеса.
Мнѣ въ душу повѣяло жизнью и волей:
Вонъ даль голубая видна...
И хочется въ поле, широкое поле,
Гдѣ, шествуя, сыплетъ цвѣтами весна.

Весна, планъ: Поля. Лѣса. Солнце. Воздухъ. Животныя. Птицы. Люди.

178. Услуга за услугу.

Старикъ-огородникъ сидитъ, въ воскресенье, на завалинкѣ, сколачиваетъ изъ дощечекъ глухой ящикъ. Прорѣзалъ дѣдъ—на одномъ боку круглое отверстіе и сказалъ: „готова квартира“!

— Что ты, дѣдушка, это дѣлаешь?—спрашиваетъ старика маленькій внучекъ.

— Весна наступаетъ,—говоритъ дѣдъ:—скворцы скоро прилетятъ, вотъ для нихъ я и стараюсь. Станутъ жить въ моей скворечницѣ, а за постой станутъ намъ пѣсни пѣть да огородъ нашъ сторожить.

— Да какъ же скворцы сторожить-то будутъ?

— А вотъ какъ, внучекъ, слушай! Къ лѣту поразведется на огородѣ ни вѣсть сколько червяковъ, бабочекъ, жуковъ, улитокъ. И вся эта тварь сосетъ и грызетъ, точитъ и сверлитъ овощи. А скворецъ съ своей семьей въ одинъ денекъ не одну сотню улитокъ съѣстъ, да сотню червей и жуковъ на закуску прибавитъ... Теперь давай, внучекъ, прилаживать скворечницу къ шесту.

Выбралъ дѣдъ высокій шестъ, крѣпко-на-крѣпко привязалъ скворечницу къ шесту веревкой, чтобы вѣтромъ не сорвало. Надъ скворечницей приладилъ вѣтвистую хворостину,—на ней скворецъ будетъ пѣсни пѣть. Врылъ шестъ въ землю и установилъ такъ, чтобы отверстіе-летокъ было на полдень—скворцы это любятъ. Укрѣпилъ дѣдъ шестъ подпорками и говоритъ: „Ну, вотъ и готово,—дожидай, внучекъ, гостей“!

179. Прилетъ птицъ.

Весна приходитъ не вдругъ, и птицы прилетаютъ не всѣ разомъ. Первымъ прилетѣлъ черный **грачъ** бѣлоносый: онъ невдалекѣ отъ насъ зиму зимовалъ, онъ и на пищу

не прихотливъ. Пока въ поляхъ лежитъ снѣгъ, грачи держатся около дорогъ и сорныхъ кучъ, перебиваясь скудною пищею.

Показались на солнечныхъ припекахъ черныя проталины, оголились на проталинахъ сѣмена прошлогоднихъ травъ и цвѣтовъ, —прилетѣлъ **жаворонокъ**. Звонкими веселыми трелями льется съ лазури небесной серебряная пѣсня милой птички, весельемъ въ душѣ отзывается.

Стряхнули съ себя деревья клочья снѣга, оголились сучья и вѣтви, — запѣлъ свою немудреную пѣсенку **чижикъ**. Кормится чижикъ разными древесными сѣменами, а больше всего любитъ сѣмена ольхи и березы.

На пѣсенку чижика откликнулся въ деревнѣ забавный **скворушка**: сидитъ скворчикъ на скворечницѣ, трепещетъ крылышками и поетъ день-деньской безъ устали, веселитъ и стараго и малаго. Прилетѣли къ концу марта и всѣ другія **зерноядныя** птицы.

Прошумѣли ручьи и потоки, вскрылись рѣки и озера, входитъ въ силу весна,—валомъ валитъ перелетная птица. Прилетѣли **водныя** птицы—утки, гуси, чайки; прилетѣли и **болотныя** птицы—журавли, кулики, бекасы.

Прошло еще съ недѣлю теплой погоды; и въ согрѣтомъ воздухѣ все чаще и чаще мелькаютъ мушки, жучки, бабочки. Стайками и вразсыпную примчались и послѣднія птицы — **насѣкомоядныя**. Громко раздается въ помолодѣвшемъ лѣсу звонкое кукованье **кукушки**. Защелкалъ, засвисталъ на тысячу ладовъ царь пернатыхъ пѣвчихъ—**соловей**. Безъ устали, день-деньской рѣютъ въ воздухѣ быстрокрылыя **ласточки**. Въ поляхъ и лугахъ — всю ночь напролетъ выкрикиваетъ **коростель**-(дергачъ).

Радуются птицы и веселыми пѣснями разсказываютъ всѣмъ о своемъ счастьѣ. И какъ имъ не радоваться? Больше половины года прожили птички на чужбинѣ. Не одну тысячу верстъ пролетѣли онѣ; много враговъ подстерегало

ихъ на долгомъ пути; отъ многихъ опасностей избавились онѣ. Вернулись птички на милую родину, гдѣ впервые увидѣли свѣтъ Божій;—радостно поютъ, хлопотливо поправляютъ и строятъ гнѣзда, чтобы вывести въ нихъ дѣтокъ.

180. Жаворонокъ.

На солнцѣ темный лѣсъ зардѣлъ;
Въ долинѣ паръ бѣлѣетъ тонкій.
И пѣсню раннюю запѣлъ
Въ лазури жаворонокъ звонкій.
Онъ голосисто съ вышины
Поетъ, на солнышкѣ сверкая:
„Весна пришла къ намъ молодая!
Я здѣсь пою приходъ весны.
Здѣсь такъ легко мнѣ, такъ радушно,
Такъ безпредѣльно, такъ воздушно.
Весь Божій міръ здѣсь вижу я
И славитъ Бога пѣснь моя!"

181. Вербное воскресенье.

Утро. На часахъ пробило четыре. Слышу смутно, сквозь сонъ, что благовѣстятъ. Я просыпаюсь. Торжественно гудитъ знакомый большой колоколъ надъ самымъ домомъ—такъ близко, что окна дребезжатъ Передъ постелью няня въ бѣломъ платкѣ на головѣ и съ вербой въ рукахъ... „Вставай, вставай, говоритъ она, умывайся!" Я сѣлъ на кровати; глаза щурятся и слипаются. Колоколъ продолжаетъ гудѣть.

Матушка въ праздничномъ, хотя и въ темномъ платьѣ, и также съ вербой въ рукахъ, вошла въ комнату. — „Не лѣнись, Саша, вставай!—сказала она: пойдемъ въ церковь, къ заутренѣ,—Христа встрѣчать, помнишь, какъ еврейскія дѣти въ храмѣ говорили Христу: „Осанна Сыну Давидову!"

Быстро всталъ я, наскоро умылся, одѣлся. Матушка взяла меня за руку и повела въ церковь. Церковь вся

внутри сіяла огнями. У всѣхъ были въ рукахъ горящія свѣчи и красныя вербы съ бѣлыми пушинками. И все это придавало нашему храму изящно-пріятный, новый и торжественный видъ.

182. Вербная недѣля въ городѣ.

Что сдѣлалось съ городомъ нашимъ?
Право, совсѣмъ не узнаешь его!
Сдернута съ неба завѣса тумановъ,
По небу блескъ, на землѣ торжество!
Съ вербами идутъ толпы за толпами,
Шумъ, экипажей ряды, пестрота...
Машутъ знаменами малыя дѣти,
Лица сіяютъ, смѣются уста!
Точно какой побѣдитель вступаетъ
Въ городъ—и все пробудилось отъ сна...
Да, побѣдитель! И вотъ ему птицы
Словно ужъ грянули: „Здравствуй, весна“:

183. Тайная вечеря.

Когда Христосъ съ учениками
На тайной вечери сидѣлъ,

Въ раздумьи, грустными очами
Онъ на апостоловъ глядѣлъ.
Онъ зналъ, что близокъ день страданья,
Что скоро Онъ на смерть пойдетъ,
И что врагамъ для поруганья
Его предастъ Искаріотъ.
Но Онъ съ предателемъ, съ любовью,
Дѣлилъ свой хлѣбъ и пилъ вино.
Онъ и предательство его
Хотѣлъ омыть своею кровью.
И вотъ, надъ чашею склоня
Свое чело, скорбя глубоко,
Онъ только молвилъ безъ упрека:
„Одинъ изъ васъ предастъ Меня“.

184. Христосъ въ терновомъ вѣнцѣ.

Вотъ на чело Христа враги
Вѣнецъ терновый возложили,
И крови Божеской струи
Лицо Страдальца обагрили.
Враги ругались надъ Христомъ,
Его въ насмѣшку величали
Своимъ владыкою, царемъ,
И стать на царство приглашали.
А Онъ все кротокъ, молчаливъ,
Лишь скорбью за людей томился;
Свои страданья позабывъ,
Онъ за враговъ своихъ молился.

185. Воскресеніе Христово.

Къ могилѣ Господа, тоской убиты,
Подходятъ жены тихою стопой
И съ изумленьемъ видятъ входъ открытый.
А въ глубинѣ пещеры гробовой
Сидитъ прекрасный юноша, сіяя,
Какъ Божій ангелъ, ризой снѣговой.
Смущенныя, отъ страха замирая,

Остановились невдали онѣ,
Чудесное видѣнье созерцая,
Представшее предъ ними, какъ во снѣ...
Кругомъ молчало все въ пустынѣ сонной...
И вдругъ въ нѣмой и тайной тишинѣ
Повѣялъ вѣтеръ утра благовонный
И раздалась святая вѣсть небесъ:
„Вы ищете, гдѣ Онъ? гдѣ Погребенный?
Возрадуйтесь: Христосъ воскресъ!“

186. Христосъ воскресъ.

Вотъ пришелъ съ весной-красавицей
Свѣтлый праздничекъ для всѣхъ:
Обнимаются, цѣлуются,
Всюду радость, всюду смѣхъ!
Грѣетъ землю красно солнышко,
Бѣлый паръ съ земли идетъ,
Красный звонъ повсюду слышится—
Разливается—гудетъ...

Нарядились люди добрые,
Нарядился лѣсъ густой,
Нарядилися могилушки
Шелковою муравой.

Позабылися обидушки, —
Словно не было ихъ вѣкъ!
И съ природой обновленною
Обновился человѣкъ,—
Будто злого въ немъ и не было...
Хорошо бы такъ прожить,
Да не день, а вѣчность цѣлую—
Все прощать и всѣхъ любить!

„Пасха“ по плану: Послѣдніе дни Страстной недѣли. Воздухъ, солнце, деревья, птицы. Заутреня Свѣтлаго Христова Воскресенія. Красное яичко. Христосованіе. Колокольный звонъ. Катаніе яицъ.

187. Весна въ деревнѣ.

Въ тотъ годъ зима сошла дружно. Хоть Пасха была не изъ позднихъ, но къ Ѳоминой снѣгу нисколько не осталось; развѣ гдѣ въ глубокомъ овражкѣ бѣлѣлся. По пригоркамъ, на солнечномъ припекѣ, показалась молодая зелень. Погода хорошая: съ восхода до заката солнце свѣтитъ и грѣетъ; на небѣ ни облачка...

По деревнѣ стономъ стоятъ голоса... Послѣ праздника весеннія хлопоты подоспѣли: кто борону вяжетъ, кто соху чинитъ, кто въ кузницѣ сошникъ перековываетъ — пахота не за горами... Не налюбуются крестьяне на изумрудную зелень, пробившуюся на озимыхъ поляхъ. — „Поднимайся, рожь зеленая, охрани тебя, матушку, Небесный Царь!.. Уроди, Господи, крещенымъ людямъ вдоволь хлѣбушка!.. молятъ они.

Бабы да молодыя дѣвушки тоже хлопочутъ: гряды на огородахъ копаютъ, сѣмена на солнцѣ размачиваютъ, вокругъ коровушекъ возятся и ждутъ не дождутся Егорьева дня, когда на утренней зарѣ святой вербушкой погонятъ въ поле скотинушку, отощалую, истощенную отъ долгаго зимняго холода—голода.

Какъ проводятъ весну крестьяне и какъ городскіе жители?

188. Наступленіе весны.

Гонимы вешними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года;
Синѣя блещутъ небеса.

Еще прозрачные лѣса
Какъ будто пухомъ зеленѣютъ;
Пчела за данью полевой
Летитъ изъ кельи восковой;
Долины сохнутъ и пестрѣютъ;
Стада шумятъ, и соловей
Ужъ пѣлъ въ безмолвіи ночей.

Что дѣлается весной на лугахъ и въ лѣсу?

189. На полѣ весною.

Погода прекрасная. Кротко синѣетъ небо; гладкіе молодые листья ракитъ блестятъ, словно вымытые; широкая ровная дорога вся покрыта той мелкой травкой съ красноватымъ стебелькомъ, которую такъ охотно щиплютъ овцы; на-право и налѣво, по длиннымъ скатамъ пологихъ холмовъ, тихо зыблется зеленая рожь; въ отдаленьи темнѣютъ лѣса, сверкаютъ пруды, желтѣютъ деревни.

Жаворонки сотнями поднимаются, поютъ, падаютъ стремглавъ, вытянувъ шейки торчатъ по глыбочкамъ; грачи на дорогѣ останавливаются, приникаютъ къ землѣ, даютъ пройти или проѣхать и тяжело отлетаютъ въ сторону.

За оврагомъ на горѣ пашетъ крестьянинъ: пѣгій жеребенокъ съ куцымъ хвостикомъ и взъерошенный гривкой бѣжитъ на невѣрныхъ ножкахъ вслѣдъ за матерью.

Какія работы производятся на полѣ весною?

190. Пѣсня земледѣльца.

Вейся, жаворонокъ звонкій,
Вейся и кружись!
Надъ моей родимой нивой
Пой и веселись!
Пой хвалу, малютка-птичка,
Богу въ вышинѣ,
Что далъ жизнь и безмятежность
И тебѣ и мнѣ.
Славь его за всѣ щедроты,
Что онъ ниспослалъ,
За тотъ дождь изъ темной тучи,
Что съ зарей упалъ.

Умоляй Его смиренно,
Чтобы благодать
Озаряла ежедневно
Нашу землю-мать.
Пусть хранитъ
Онъ нашу ниву
Отъ вѣтровъ и тучъ,
Пусть росу ниспосылаетъ
И горячій лучъ.
Пой, молись! а я посѣю
Спѣлое зерно,
Завалю его землею—

И взойдетъ оно.

191. Священникъ и крестьянинъ.

Прогуливаясь въ полѣ, одинъ сельскій священникъ встрѣтился съ крестьяниномъ, который задумчиво стоялъ и смотрѣлъ на ниву.

— О чемъ задумался, сынъ мой?—спросилъ его священникъ.

— Горюю, батюшка; вотъ посѣялъ ячмень, да всхода не дождаться.

„Напрасно печалишься. Развѣ ты поможешь бѣдѣ, если и цѣлый день простоишь здѣсь? Мой ячмень тоже до сихъ поръ не всходитъ; однако я не горюю. Я хорошо вспахалъ поле, посѣялъ на немъ здоровое зерно, а остальное—въ рукѣ Божіей. Если ты также приложилъ все твое стараніе при обработкѣ пашни, то Господь не оставитъ твои труды безъ вознагражденія. Будь Его Святая воля!“

192. Весенняя гроза.

Краснымъ полымемъ
Заря вспыхнула.
По лицу земли
Туманъ стелется;
Загорѣлся день
Огнемъ солнечнымъ,
Подобралъ туманъ
Выше темя горъ,
Нагустилъ его
Въ тучу черную.
Туча черная
Понахмурилась;
Понахмурилась,
Что задумалась?
Словно вспомнила
Свою родину...
Понесутъ ее
Вѣтры буйные
Во всѣ стороны
Свѣта бѣлаго...
Ополчается
Громомъ—бурею,
Огнемъ—молніей,
Дугой—радугой;
Ополчилася—
И расширилась,
И ударила
И пролилася
Слезой крупною,
Проливнымъ дождемъ,
На земную грудь,
На широкую.
И съ горы небесъ
Глядитъ солнышко;
Напилась воды
Земля до-сыта.
На поля, сады,
На зеленые,
Люди сельскіе
Не насмотрятся;
Люди сельскіе
Божьей милости
Ждали съ трепетомъ
И молитвою...

Разсказъ по плану: 1) весенній день; 2) ливень съ грозою; 3) природа послѣ дождя; 4) чувства крестьянъ послѣ грозы.

193. Зеленый шумъ.

Идетъ-гудетъ Зеленый Шумъ,
Зеленый Шумъ, весенній Шумъ!
Какъ молокомъ облитые,
Стоятъ сады вишневые.
Тихохонько шумятъ;
Пригрѣты теплымъ солнышкомъ,
Шумятъ повеселѣлые
Сосновые лѣса;
Лепечетъ пѣсню новую

И липа блѣднолистая,
И бѣлая березонька
Съ зеленою косой.
Шумитъ тростинка малая,
Шумитъ высокій кленъ...
Шумятъ они по-новому,
По-новому весеннему...
Идетъ-гудетъ Зеленый Шумъ,
Зеленый Шумъ, весенній Шумъ!..

194. Скворецъ и жукъ.

Скворецъ прилетѣлъ весной изъ-за синихъ морей, изъ-за высокихъ горъ, свилъ себѣ гнѣздышко, нанесъ яичекъ, вывелъ дѣтокъ. Дѣтки пищатъ, ѣсть хотятъ. Скворецъ по лугамъ бѣгаетъ, по вѣточкамъ порхаетъ, ищетъ червячковъ, жуковъ и мошекъ, кормитъ своихъ крошекъ. Видитъ скворецъ майскаго жука:

— Здравствуй, жукъ!

— Здравствуй,—прожужжалъ жукъ.

— Ты откуда?

— Изъ земли.

— Зачѣмъ же ты тамъ былъ?—спросилъ скворецъ.

— Я тамъ жилъ.

— Вотъ это забавно!—говоритъ скворецъ:—ты, сталобыть, живешь и на землѣ, и въ землѣ!

— Да,—нехотя отвѣчалъ жукъ.—Мать моя нанесла яицъ въ землю. Изъ яицъ вышли бѣлые червяки. Червяки эти три года жили въ землѣ, ѣли корни растеній и выросли большіе. Потомъ они обернулись паутиной и заснули. Изъ паутины и вышелъ я.

— Что-жъ ты теперь будешь дѣлать? — спросилъ скворецъ.

— А вотъ полѣзу на березу и стану ѣсть листья, а потомъ нанесу яицъ и умру.

— Но, вѣдь вы, жуки, можете всѣ растенія истребить: ты будешь ѣсть листья, а дѣти твои—корни.

— А мнѣ какое дѣло,—жужжитъ жукъ.

— Ахъ ты, негодный жукъ!—закричалъ на него скворецъ:—тебѣ только вредить, а пользы никакой! Пойдемъ-ка лучше на завтракъ моимъ ребятишкамъ!

Скворецъ схватилъ жука и потащилъ его въ гнѣздо къ дѣтямъ.

Разскажите жизнь майскаго жука. Какой вредъ приноситъ майскій жукъ?

---

195. Лѣто пришло.

За красавицей-весной идетъ благодатное лѣто. Что начала первая, то кончаетъ другое. Листья на кустахъ и деревьяхъ вырастаютъ во всю свою величину, и недавно еще прозрачная роща дѣлается непроглядным жилищемъ тысячи птицъ. На заливныхъ лугахъ—густая высокая трава волнуется, какъ море. Въ ней шевелится и жужжитъ несмѣтное множество насѣкомыхъ.

Деревья въ садахъ отцвѣли.Ярко-красная вишня и темно-малиновая слива уже мелькаютъ между зеленью: яблоки и груши еще зелены и таятся между листьями, но въ тиши зрѣютъ и наливаются. Одна липа еще въ цвѣту и благоухаетъ. Въ ея густой листвѣ, между ея чуть бѣлѣющими, но душистыми цвѣточками, слышенъ стройный невидимый хоръ. Это работаютъ съ пѣснями тысячи веселыхъ пчелокъ на медовыхъ, благоухающихъ цвѣточкахъ липы. Подойдите ближе къ поющему дереву: даже пахнетъ отъ него медомъ!

Ранніе цвѣты уже отцвѣли и заготовляютъ сѣмена, другіе еще въ цвѣту. Рожь поднялась, заколосилась и уже начинаетъ желтѣть, волнуясь, какъ море, подъ напоромъ легкаго вѣтра. Гречиха—въ цвѣту, и нивы, засѣянныя ею,

будто покрыты бѣлою пеленою съ розовымъ оттѣнкомъ: съ нихъ несется тотъ же пріятный медовый запахъ, которымъ приманиваетъ пчелъ цвѣтущая липа.

А сколько ягодъ, грибовъ! Словно красный кораллъ рдѣетъ въ травѣ сочная земляника; на кустахъ развѣсились прозрачныя сережки смородины... Но возможно ли перечислить все, что появляется лѣтомъ? Одно зрѣетъ за другимъ, одно догоняетъ другое.

И птицѣ, и звѣрю, и насѣкомому лѣтомъ раздолье! Вотъ уже молоденькія птички пищатъ въ гнѣздахъ. Но пока еще у нихъ подрастутъ крылья, заботливые родители съ веселымъ крикомъ снуютъ въ воздухѣ, отыскивая кормъ для своихъ птенцовъ. Малютки уже давно высовываютъ изъ гнѣзда свои тоненькія, худо оперившіяся шейки и, раскрывъ носики, ждутъ подачки. И корму довольно для птицъ: та подымаетъ брошенное колосомъ зерно, другая и сама потреплетъ зрѣющую вѣтку конопли или почнетъ сочную вишню; третья гонится за мошками, а онѣ кучами толкутся въ воздухѣ.

Пестрыя бабочки порхаютъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, а золотистая пчелка безъ устали работаетъ цѣлые дни...

Какъ проводятъ лѣто городскіе жители и какъ крестьяне? Назовите лѣтніе мѣсяцы по порядку.

196. Л Ѣ Т О М Ъ.

Зарумянилась вишня и слива,
Налилась золотистая рожь,
И, какъ море, волнуется нива,
И въ травѣ на лугахъ не пройдешь.
Солнце ходитъ высоко надъ сводомъ
Раскаленныхъ отъ зноя небесъ.
Пахнетъ липа душистая медомъ.
И шумитъ полный сумрака лѣсъ.

Облаковъ золотыя волокна
Ввечеру весь облягутъ закатъ,
И съ полей въ растворенныя окна
Понесется сильнѣй ароматъ.

197. Засуха и дождь.

Долго отрадный дождь не спадалъ:
Травы поблекли, душно въ лѣсахъ,
Сгибли цвѣточки,
Колосья златые въ полѣ лежатъ.
Вдругъ благодатный дождикъ отрадный
Съ неба упалъ.
Все оживилось, все расцвѣло;
Въ рощахъ прохладно, въ полѣ опять
Колосья желтѣютъ,
Травы, цвѣточки веселы стали;
Небо свѣтлѣе, лѣсъ ароматнѣй,
Воздухъ пріятнѣй, птички запѣли.

Засуха и дѣйствіе ея на землю, растенія, скотъ и насѣкомыхъ.

198. Г р о з а.

Клубятся въ полдень черны тучи
По раскаленнымъ небесамъ,
И вихрь несетъ песокъ горючій
Съ дороги пыльной по холмамъ;
Пастухъ со стадомъ въ лѣсъ бѣжитъ;
Боръ темный шепчетъ и дрожитъ;
Сожженный листъ о стебель бьется,
Все притаилось, все молчитъ—
И вдругъ огонь по тучамъ вьется,
Грохочетъ громъ, съ нимъ дождь и градъ
Въ поляхъ встревоженныхъ шумятъ.
Утихла буря; сводъ небесъ
Межъ дымныхъ тучъ уже синѣетъ,
И ароматомъ дышитъ лѣсъ,
И какъ свѣжо съ поляны вѣетъ!
Цвѣты омытые дождемъ,
Блестятъ подъ влажнымъ жемчугомъ.

Составить разсказъ „Гроза ночью“ по слѣдующему плану: Предвѣстники грозы. Чувства во время ночной грозы. Утро послѣ грозы и сильнаго дождя.

199. Дождевая капля.

Красное солнышко стало звать водяную каплю, дочь глубокаго моря, погулять съ нимъ по воздушной синевѣ. Хотѣлось-бы капелькѣ изъ глубины своей выглянуть на Божій свѣтъ, да море родимое не пускаетъ; вотъ и послало къ ней солнышко одинъ изъ свѣтлыхъ лучей своихъ: онъ взялъ ее, сдѣлалъ невидимкой и понесъ все выше и выше къ самому солнышку. Гуляетъ солнышко по высокому поднебесью, далеко, далеко надъ горами, надъ морями; вдругъ устала капелька, не можетъ идти далѣе, силъ нѣтъ. И не одна она,—много гулякъ, сестрицъ ея, убѣжало изъ родной пучины морской. Всѣ онѣ сидятъ въ сѣромъ облачкѣ и плачутъ о томъ, что не могутъ идти далѣе за краснымъ солнышкомъ. Но благодѣтельное солнышко сжалилось надъ ними, послало имъ свѣжій вѣтерокъ; погналъ онъ заблудшихъ малютокъ, какъ стадо, домой. Какъ сошлись онѣ вмѣстѣ, и свидѣлись и узнали другъ друга, потому что перестали быть невидимыми, сдѣлались опять водяными капельками. Обнялись онѣ дружно и упали на землю; а люди говорятъ: „**дождь идетъ**“.

Наша капелька упала на высокую гору, а съ нею и много сестрицъ-подружекъ; а гора-то далеко, далеко отъ моря,—нужно имъ торопиться, чтобы поспѣть домой. Весело запрыгали онѣ по кочкамъ, по камешкамъ, по скаламъ. Но имъ нужно еще пробѣжать по мельничнымъ колесамъ; поворчали наши капельки, наконецъ всплыли. Да что въ томъ пользы? Онѣ думаютъ по гладкому пути со всѣми удобствами путешествовать, а вотъ имъ положили на спину тяжелыя лодки, разсѣкаютъ волны ихъ шумящіе пароходы. И долго еще пришлось помаяться бѣдняжкамъ, пока имъ удалось добраться до дому и отдохнуть въ объятіяхъ родимаго моря.

200. Хорошая вѣсть.

Капля дождевая говоритъ другимъ:
„Что мы здѣсь въ окошко громко такъ стучимъ?“
Отвѣчаютъ капли: „Здѣсь бѣднякъ живетъ:
Мы ему приносимъ вѣсть, что хлѣбъ растетъ“.

Дождь. Послѣдствія дождя.

201. Кузнечикъ-музыкантъ.

Какъ хорошо лѣтомъ на лугу! Зелень травы такъ пріятна для глазъ, а пахучіе цвѣты наполняютъ воздухъ своимъ нѣжнымъ ароматомъ. Тамъ порхаютъ и вьются разноцвѣтные мотыльки, и цѣлый день слышится какая-то музыка. Это распѣваетъ свои пѣсенки веселый музыкантъ— краснокрылый кузнечикъ. Онъ ростомъ не больше дѣтскаго мизинца; на немъ алая жилетка и скромный сѣрый сюртукъ. У него шесть длинныхъ ножекъ и пара веселыхъ глазенокъ.

На чемъ-же онъ играетъ? спросите вы.

Вы вѣрно думаете, что онъ поетъ своимъ маленькимъ ртомъ, какъ птицы. Нѣтъ, вы сильно тогда ошибаетесь: ротъ у кузнечика нѣмой; но зато это насѣкомое умѣетъ играть ногами.

У птицы только два крыла, а у кузнечика ихъ четыре: снаружи два жесткихъ надкрыльника сѣраго или зеленаго цвѣта, а подъ ними два прозрачныхъ мягкихъ крылышка ярко-краснаго цвѣта съ черной полоской. Верхнія крылья покрываютъ, какъ **футляръ**, эти нижнія крылышки, которыя служатъ насѣкомому для летанья.

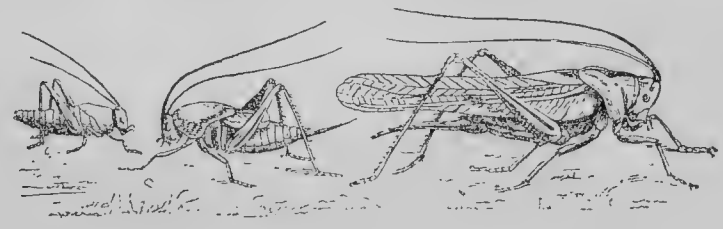
Одна пара ногъ у кузнечика гораздо длиннѣе остальныхъ; эти длинныя и толстыя ноги служатъ ему для высокихъ прыжковъ и для музыки: кузнечикъ третъ ими по жесткимъ надкрыльникамъ взадъ и впередъ, и отъ этого

происходитъ звукъ, похожій на тотъ, который издаютъ тонкіе зубцы головного гребня, когда по немъ быстро проведешь палочкой.

Ранехонько утромъ просыпается нашъ маленькій музыкантъ, выпиваетъ каплю свѣжей росы, съѣдаетъ кончикъ молодой травинки, обчищается и выпрямляетъ поперемѣнно свои ножки.

Вотъ взошло красное солнышко. Кузнечикъ начинаетъ свою пѣсенку и цыркаетъ ее цѣлый лѣтній день съ утра до вечера.

Такъ проводитъ онъ день за днемъ, недѣлю за недѣлей. О себѣ онъ ничуть не заботится: онъ не собираетъ запасовъ на зиму, подобно муравьямъ и пчеламъ. О дѣтяхъ



своихъ онъ тоже не хлопочетъ: онъ опускаетъ свои яички въ землю, а солнышко уже выведетъ изъ нихъ маленькихъ кузнечиковъ. Но изъ яичекъ кузнечики выходятъ безкрылыми, и потому пѣть не могутъ.

Уже съ перваго дня своей жизни они должны сами о себѣ заботиться; но это имъ не трудно: у нихъ есть ножки и острыя челюсти; они попрыгиваютъ въ травѣ и грызутъ ее, наѣдаясь досыта.

Наступаетъ холодная осень. Пропѣвъ свою послѣднюю пѣсенку, старый кузнечикъ ложится на пожелтѣвшую траву и засыпаетъ. Вѣтеръ покрываетъ кузнечика опавшими листьями и сухой травой; но музыкантъ нашъ уже никогда не проснется...

Его безкрылыя дѣти зарываются глубоко въ землю, подъ корешки травинокъ и тоже засыпаютъ; но ихъ сонъ не вѣченъ: на слѣдующее лѣто они выйдутъ изъ своихъ ямочекъ настоящими кузнечиками, съ двумя парами крыльевъ. Они соберутся на солнышкѣ и станутъ заводить, по примѣру покойныхъ родителей, веселыя пѣсенки съ утра до вечера, пока не придетъ и имъ пора умирать.

202. Стрекоза и муравей.

Попрыгунья-стрекоза
Лѣто цѣлое пропѣла,
Оглянуться не успѣла,—
Какъ зима катитъ въ глаза.
Помертвѣло чисто поле,
Нѣтъ ужъ дней тѣхъ свѣтлыхъ болѣ,
Какъ подъ каждымъ ей листкомъ
Былъ готовъ и столъ, и домъ.
Все прошло!.. Съ зимой холодной
Нужда, голодъ настаетъ...
Стрекоза ужъ не поетъ...
И кому-же въ умъ пойдетъ
На желудокъ пѣть голодный?
Злой тоской удручена,
Къ муравью ползетъ она.

„Не оставь меня, кумъ милый!
Дай ты мнѣ собраться съ силой
И до вешнихъ только дней
Прокорми и обогрѣй!"
— Кумушка! Мнѣ странно это:
Да работала-ль ты въ лѣто?
Говоритъ ей муравей.
— „До того-ль, голубчикъ, было?
Въ мягкихъ муравахъ у насъ
Пѣсни, рѣзвость всякій часъ,
Такъ что голову вскружило!"
— А, такъ ты...—„Я безъ души
Лѣто цѣлое все пѣла!"
— Ты все пѣла?.. Это дѣло!
Такъ поди-же попляши.

Какъ поступилъ Муравей со Стрекозой? Съ кѣмъ изъ людей можно сравнить Муравья и съ кѣмъ Стрекозу? Какъ мы должны поступать съ людьми-нищими, которые просятъ у насъ милостыню?

203. Муравьи.

Муравьи всѣмъ извѣстны. Живутъ они въ муравейникахъ. Въ иномъ муравейникѣ ихъ насчитываютъ сотни и тысячи. Въ одномъ и томъ же муравейникѣ живутъ муравьи нѣсколькихъ сортовъ. Одни изъ нихъ заботятся только о томъ, чтобы нести яички. Другіе—**рабочіе**. Тѣло рабочихъ муравьевъ устроено совсѣмъ иначе; класть яички они совсѣмъ не могутъ; ихъ дѣло строить муравейники, таскать тяжести, кормить самокъ и самцовъ, ухаживать за яичками и за личинками. У иныхъ муравьиныхъ породъ есть еще муравьи—**воины**. Тѣло у этихъ воиновъ устроено опять-таки иначе: у нихъ челюсти большія и острыя; ими воины могутъ кусать, щипать и даже разгрызать на части враговъ. Дѣло воиновъ—заботиться о защитѣ муравейника.

Одна порода муравьевъ называется **земледѣльцами**. Живутъ они въ теплыхъ странахъ. Земледѣльцы на свой ладъ и косятъ, и жнутъ, и удобряютъ землю, и пашутъ, и устраиваютъ запасы на черный день. Муравьи земледѣльцы вырываютъ свое гнѣздо въ землѣ. Гнѣздо это устраивается очень замысловато. Въ немъ много разныхъ ходовъ и переходовъ, много разныхъ комнатокъ. Эти комнаты устроены одна надъ другой, и бываетъ, что самыя нижнія вырыты сажени полторы подъ землею. Нѣкоторыя комнаты служатъ муравьямъ житницами, туда они складываютъ про запасъ разныя сѣмена и зерна, которыя они сами собираютъ, и на это у нихъ идетъ много труда.

Муравьи-рабочіе ходятъ за сѣменами иной разъ очень далеко и отыскиваютъ ихъ по лѣсамъ и лугамъ. Чтобы

удобнѣе было ходить и носить сѣмена, муравьи устраиваютъ себѣ особыя дороги въ травѣ, выгрызая ее и убирая соръ въ сторону. Дороги свои муравьи держатъ въ большой чистотѣ. Всѣ эти дорожки идутъ къ муравейнику, а подъ самымъ муравейникомъ муравьи-земледѣльцы расчищаютъ и выравниваютъ круглую площадку сажени въ три. На этой

площадкѣ муравьи не даютъ расти никакой травѣ, кромѣ одной, которую они очень любятъ. Трава эта называется муравьинымъ рисомъ. Каждый годъ муравьи собираютъ съ этого риса плоды и складываютъ ихъ въ свои житницы.

Многія породы муравьевъ держатъ у себя въ рабствѣ всѣмъ извѣстныхъ букашекъ — **травяную тлю.** Тля извер-

гаетъ изъ своего брюшка особую жидкость, сладковатую на вкусъ, которую муравьи очень любятъ. Лишь только муравей замѣтитъ тлю, онъ подбѣгаетъ къ ней и начинаетъ щекотать своими усиками ея брюшко. Тля начинаетъ извергать изъ себя прозрачную капельку сладкаго сока, а муравей жадно глотаетъ эту жидкость. Однимъ словомъ, тля для муравьевъ тоже, что для людей коровы, и муравьи устраиваютъ для своихъ коровъ настоящіе хлѣва.

204. Стрекозы.

Гдѣ гнутся надъ омутомъ лозы,
Гдѣ лѣтнее солнце печетъ,
Летаютъ и пляшутъ стрекозы,
Веселый ведутъ хороводъ.
„Дитя, подойди къ намъ поближе,
Тебя мы научимъ летать!
Дитя, подойди, подойди-же,
Пока не проснулася мать!

Подъ нами трепещутъ былинки,
Намъ такъ хорошо и тепло!
У насъ бирюзовыя спинки,
А крылышки точно стекло.
Мы пѣсенокъ знаемъ такъ много,
Мы такъ тебя любимъ давно...
Смотри, какой берегъ отлогій,
Какое песчаное дно".

Какіе звуки издаютъ животныя?

205. Сѣнокосъ.

Изъ широкихъ воротъ повалилъ весь народъ въ поле чистое. Зажужжала коса, такъ и брызжетъ роса серебристая. Парень точитъ потомъ косу гладкимъ брускомъ да

лопатою, припѣвая одну, какъ велось въ старину, пѣснь богатую: „Коси, коса, пока роса; роса долой—коса домой".

Солнце къ полдню идетъ, зной несносный встаетъ на долинушкѣ. Парень мой не поетъ; потъ струею течетъ по дѣтинушкѣ.

Грабли взявъ, старики загребаютъ въ валки подкошоное. Бабы копны несутъ, дѣвки на возъ кладутъ подсушоное. Тамъ на берегъ рѣки стогъ кладутъ мужики, мечутъ вилами, и трудятся они въ эти жаркіе дни всѣми силами.

Время сѣнокоса. Работа косарей на лугу. Работа женщинъ.

206. Стоги сѣна.

Ой, стоги, стоги,
На лугу широкомъ,
Васъ не перечесть,
Не окинуть окомъ!
Ой, стоги, стоги,
Въ зеленомъ болотѣ!
Стоя на часахъ,
Что вы стережете?

— Добрый человѣкъ,
Были мы цвѣтами,
Покосили насъ
Острыми косами.
Раскидали насъ
Посединѣ луга,
Раскидали врозь
Далѣ другъ отъ друга.

207. Жизнь комара.

Отецъ съ дѣтьми поѣхалъ на сѣнокосъ. Дѣти развели костеръ, набрали грибовъ и поджарили ихъ. Наступилъ вечеръ. Костеръ потухъ. Теперь дѣтей не обдавало дымомъ, и комары налетѣли цѣлой тучей.

— Фу, ты, какая тутъ пропасть комаровъ,—сказалъ мальчикъ, отмахиваясь вѣткой.—И отчего ихъ тутъ такъ много?

— Оттого, что мѣсто сырое и вода близко,—объяснилъ отецъ.

— Развѣ они пьютъ воду? Я всегда думалъ, что комары сосутъ только кровь.

— Нѣтъ, они воды не пьютъ никогда, а только выводятся въ водѣ. Самка-комариха садится на что-нибудь плавающее въ водѣ, напримѣръ, на соломенку, листикъ и тому подобное. При этомъ она окунаетъ брюшко въ воду и кладетъ свои маленькія яички стоймя, одно возлѣ другого. Такъ какъ яички клейки, то они слипаются другъ съ другомъ и образуютъ чашечку, которая легко плаваетъ въ водѣ. Изъ яицъ, прямо въ воду, выходятъ личинки. Въ спокойную погоду онѣ держатся у поверхности воды, выставляя изъ нея кончикъ брюшка, чтобы дышать воздухомъ; при малѣйшей-же опасности личинки проворно уходятъ въ глубь. Вы ихъ, вѣроятно, видѣли въ кадкѣ, которая стоитъ около дома для дождевой воды.

— Видѣли,—видѣли! закричали дѣти.—Мы думали, что это головастики.

— Черезъ нѣсколько времени личинка превращается въ куколку. Когда куколка совершенно созрѣетъ, она всплываетъ на поверхность воды, лопается, и изъ нея вылетаетъ комаръ. Онъ нѣкоторое время плаваетъ на скорлупѣ куколки, какъ на лодочкѣ, обсыхаетъ и улетаетъ. Если погода теплая и тихая, комары вылупляются легко; если-же

погода вѣтряная или дождливая, то ихъ множество гибнетъ. Теперь вы можете понять, почему обиліе комаровъ служитъ признакомъ сырой мѣстности. Если много комаровъ, значитъ, много и воды, въ которой они разводятся.

Разскажите про жизнь комара.

208. Лѣтній вечеръ.

Жаръ свалилъ. Повѣяла прохлада.
Длинный день покончилъ рядъ заботъ;
По дворамъ уже загнали стадо,
И косцы вернулися съ работъ.
Потемнѣть уже заря готова;
Тихо все. Часъ ночи не далекъ.
Подымался и улегся снова
На закатѣ легкій вѣтерокъ...
Говоръ смолкъ; лишь изрѣдка собачій
Слышенъ лай; промолвятъ голоса...
Пыль слеглась; остылъ песокъ горячій;
Пала сильно на землю роса...

209. Лѣтнія сумерки.

Полно тишиною все въ лѣсу, въ поляхъ;
Шепчутъ лишь порою струйки въ ручейкахъ.
Чашечки закрылись миленькихъ цвѣтовъ,
Птички воротились подъ домашній кровъ.
Какъ имъ тамъ привольно въ гнѣздышкахъ своихъ!
Дерево спокойно, вѣтерокъ затихъ.
Къ сладкому покою часъ для всѣхъ насталъ;
Щедрою рукою Тотъ его послалъ,
Чье благословенье, множество щедротъ,
Жизнь всему, движенье и покой даетъ.

210. Лѣтняя ночь.

Въ синемъ небѣ плывутъ надъ полями
Облака съ золотыми краями;

Чуть замѣтенъ надъ лѣсомъ туманъ,
Теплый вечеръ прозрачно-румянъ.
Вотъ ужъ вѣетъ прохладой ночною;
Дремлетъ колосъ надъ узкой межою;
Мѣсяцъ огненнымъ шаромъ встаетъ,
Краснымъ заревомъ лѣсъ обдаетъ.
Кротко звѣздъ золотое сіянье,
Въ чистомъ полѣ покой и молчанье;
Точно въ храмѣ стою я въ тиши
И въ восторгѣ молюсь отъ души.

Лѣтняя ночь, планъ: Небо. Земля. Вода. Лѣсъ. Поля. Животныя. Птицы. Человѣкъ.

211. Лѣтнее утро.

Звѣзды меркнутъ и гаснутъ. Въ огнѣ облака.
Бѣлый паръ по лугамъ разстилается.
По зеркальной водѣ, по кудрямъ лозняка
Отъ зари алый свѣтъ разливается.
Дремлетъ чуткій камышъ. Тишь, безлюдье вокругъ,
Чуть примѣтна тропинка росистая.
Кустъ задѣнешь плечомъ, на лицо тебѣ вдругъ
Съ листьевъ брызнетъ роса серебристая.
Потянулъ вѣтерокъ, воду морщитъ, рябитъ.
Пронеслись утки съ шумомъ и скрылися.
Далеко, далеко колокольчикъ звенитъ.
Рыбаки въ шалашѣ пробудилися,
Сняли сѣти съ шестовъ, весла къ лодкамъ несутъ...
А востокъ все горитъ, разгорается.
Птички солнышка ждутъ, птички пѣсни поютъ,
И стоитъ себѣ лѣсъ, улыбается.
Вотъ и солнце встаетъ, изъ-за пашенъ блеститъ,
За морями ночлегъ свой покинуло,
На поля, на луга, на макушки ракитъ
Золотыми потоками хлынуло.
Ѣдетъ пахарь съ сохой, ѣдетъ—пѣсню поетъ,
По плечу молодцу все тяжелое...
Не боли ты, душа! отдохни отъ заботъ!
Здравствуй солнце да утро веселое!

Лѣтнее утро, планъ: Разсвѣтъ. Облака. Воздухъ. Природа. Человѣкъ. Солнце.

212. Лѣтній полдень.

Погода была прекрасная; жара все не унималась. По ясному небу едва-едва неслись высокія и рѣдкія облака. Ихъ пушистые края видимо измѣнялись, какъ будто таяли; отъ нихъ не падало тѣни. Легкій вѣтерокъ проснется, подуетъ прямо въ лицо, и весело все зашумитъ, задвигается кругомъ. Обрадуешься ему, но онъ опять затихъ. Снова томитъ неотступный жаръ полудня. Одни кузнечики дружно трещатъ, словно обозленные. Ихъ сухой звукъ утомителенъ и идетъ къ этому жару полудня.

213. С о л н ы ш к о.

1. Свѣтъ нашъ, солнышко! ты ходишь
Круглый годъ по небу; сводишь
Зиму съ теплою весной,
Всѣхъ насъ видишь подъ собой.

2. Солнце, солнце золотое!
Солнце свѣтлое мое!
Согрѣваешь всѣхъ собою,
Льешь сіяніе свое.

214. Н и в а.

По нивѣ прохожу я узкою межой, поросшей кашкою и цѣпкой лебедой. Куда ни оглянусь—повсюду рожь густая! Иду, съ трудомъ ее руками разбирая. Мелькаютъ и жужжатъ колосья предо мною и колютъ мнѣ лицо... Иду я наклонясь, какъ будто-бы отъ пчелъ тревожныхъ отбиваясь, когда, перескочивъ чрезъ ивовый плетень, средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день.

О Божья благодать!.. О, какъ прилечь отрадно въ тѣни высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно! Заботы полные, колосья надо мной бесѣду важную ведутъ между собой. Имъ внемля, вижу я—на всемъ полей просторѣ и жницы и жнецы, ныряя точно въ морѣ, ужъ вяжутъ весело тяжелые снопы; вонъ на зарѣ стучатъ проворные цѣпы; въ амбарахъ воздухъ полнъ и розана и меда; вездѣ скрипятъ воза; средь шумнаго народа на пристаняхъ кули валятся; вдоль рѣки, гуськомъ, какъ журавли, проходятъ бурлаки, нагнувши головы, плечами напирая и длинной бичевой по влагѣ ударяя...

Какой видъ имѣетъ поле во время урожая?

215. Передъ жатвой.

Ужъ налились колосики:
Стоятъ столбы точеные,
Головки золоченыя,
Задумчиво и ласково
Шумятъ. Пора чудесная!
Нѣтъ веселѣй, наряднѣе,
Богаче нѣтъ поры!
Ой, поле многохлѣбное!
Теперь и не подумаешь,
Какъ много люди Божіи
Томились надъ тобой,
Покамѣстъ ты одѣлося
Тяжелымъ ровнымъ колосомъ
И стало передъ пахаремъ,
Какъ войско предъ царемъ!

216. Жатва.

Солнце золотое съ высоты небесъ, улыбаясь, смотритъ на поля, на лѣсъ. И отъ той улыбки въ тишинѣ дневной дремлетъ лѣсъ зеленый, не шумитъ листвой. Вѣтеръ не шелохнетъ; въ воздухѣ жара... Въ полѣ наступила **страдная пора**. По полямъ далеко, края не видать,—золотомъ сіяетъ Божья благодать... Жаркими лучами, солнце, не тревожь, и не жги бѣдняжку, золотую рожь. Не тревожь, не жги ты, лучше пожалѣй: погостить придется здѣсь не долго ей. Вотъ вдали сверкаютъ свѣтлые серпы. Срѣжутъ—рожь и свяжутъ въ полные снопы. Свяжутъ золотую и свезутъ съ полей. А ужъ тамъ плохая жизнь наступитъ ей...

Но не слышитъ солнце и огнемъ печетъ,—а работа въ полѣ все впередъ идетъ. Кончены покосы, съ сѣномъ убрались; и за жатву хлѣба дружно принялись. Труженицы-жницы идутъ полосой: жнутъ подъ самый корень колосъ

золотой. Тихо стонетъ колосъ подъ серпомъ стальнымъ, разставаясь съ полемъ—гнѣздышкомъ своимъ. Но не слышатъ стоновъ жницы—жнутъ да жнутъ... Труденъ, непосиленъ горемычнымъ трудъ! Кровь течетъ струями съ необутыхъ ногъ... Труженицы-жницы, помогай вамъ Богъ!

Тишина въ деревнѣ въ страдную пору. Жизнь на поляхъ.

217. Конецъ жатвы.

Видитъ солнышко—жатва кончена:
Холоднѣй оно пошло къ осени;
Но жарка свѣча поселянина
Предъ иконою Божьей матери.

218. Трудовой годъ пахаря.

У пахаря круглый годъ полонъ труда и заботы, особенно въ лѣтнее время. Въ продолженіе цѣлыхъ шести мѣсяцевъ руки неутомимо работаютъ, и потъ льется ручьями. Въ иную пору скопляется вдругъ столько неотложнаго дѣла, что длинный лѣтній день кажется короткимъ. Время пролетаетъ очень быстро.

Еще не пришла весна, а работы уже начались: подвозъ дровъ на время распутицы, поправка земледѣльческихъ орудій для предстоящихъ полевыхъ работъ, подготовка сѣмянъ для посѣва.

Растаяли снѣга, оттаяла земля, работы такъ и закипятъ—и въ огородѣ, и въ саду, и въ полѣ. Вездѣ надо взрыть кормилицу землю для предстоящихъ посѣвовъ. Въ огородахъ и садахъ работаетъ заступъ, а въ поляхъ—соха и борона. Началась посадка овощей, послѣ—яровыхъ хлѣбовъ: грядущій урожай сѣютъ.

Вывезли въ поле удобреніе, подняли паръ подъ озимь, а тамъ, глядишь, подошли и покосы: косятъ траву, сушатъ сѣно, мечутъ стога,—готовятъ на зиму запасы для скотины.

Не успѣли убраться съ сѣномъ, стали поспѣвать хлѣба, пошла жатва за жатвой: за рожью пшеница, за ячменемъ овесъ, а тамъ—дерганье льна и конопли. Деревни пусты и оживляются только по праздникамъ или къ вечеру,—послѣ солнечнаго заката. Весь народъ въ полѣ,—тамъ отъ зари до зари кипитъ спѣшная работа: переспѣвшій хлѣбъ осыпаться можетъ.

Августъ перевалилъ за половину, — пошла перевозка хлѣба на гумна. Неуклюжіе овины и риги заслонились скирдами, которыя гордо возносятъ свои остроконечныя верхушки. Въ садахъ собираютъ плоды, по огородамъ—овощи. Наступилъ и день запашки подъ озимь—первый умолотъ и посѣвъ озимого хлѣба.

Опустѣло поле, работа перевалилась съ поля въ деревню. Со всѣхъ сторонъ раздаются мѣрные удары цѣповъ, слышится шумъ подбрасываемаго зерна, которое звонко падаетъ на гладко убитый токъ. Скрипятъ телѣги, нагруженныя обмолоченнымъ хлѣбомъ. Деревня будто обновилась. Избы, амбары, сараи покрылись новою соломой. Но осенью ужъ нѣтъ такой поспѣшности, какъ лѣтомъ, нѣтъ и тревоги, если Богъ послалъ урожай: отовсюду вѣетъ миромъ и довольствомъ...

219. Что ты спишь, мужичокъ.

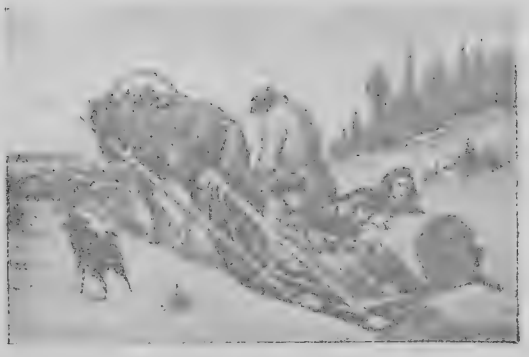
Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь весна на дворѣ,
Всѣ сосѣди твои
Работаютъ давно...
Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Что ты былъ? и что сталъ?
И что есть у тебя?
На гумнѣ—ни снопа,
Въ закромахъ—ни зерна,
На дворѣ, по травѣ—
Хоть шаромъ покати...
И подъ лавкой сундукъ
Опрокинутъ лежитъ,
И погнувшись изба,
Какъ старушка стоитъ.

А въ поляхъ, сиротой,
Хлѣбъ не скошенъ стоитъ;
Вѣтеръ точитъ зерно,
Птица клюетъ его...
Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь ужъ лѣто прошло,
Вѣдь ужъ осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ;
Вслѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.
Всѣ крестьяне на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну,
Бражку ковшичкомъ пьютъ.

Какъ проводитъ время трудолюбивый ученикъ и какъ лѣнивый?

220. Похороны пахаря.

Слышишь—въ селѣ, за рѣкою зеркальной,
Глухо разносится звонъ погребальный
Въ сонномъ затишьѣ полей...



Грозно и мѣрно, ударъ за ударомъ
Тонетъ въ дали, озаренной пожаромъ
Алыхъ вечернихъ лучей...
Слышишь—звучитъ похоронное пѣнье:
Это апостолъ труда и терпѣнья—
Честный рабочій почилъ...
Долго онъ шелъ трудовою дорогой,
Долго родимую землю съ тревогой
Потомъ и кровью поилъ...
Жегъ его полдень горячимъ сіяньемъ,
Вѣтеръ знобилъ леденящимъ дыханьемъ,
Туча мочила дождемъ...
Вьюгой избенку его заметало,
Градомъ на нивахъ его побивало
Колосъ, взращенный трудомъ...
Много онъ вынесъ могучей душою,
Съ дѣтства привышій бороться съ нуждою,
Пусть же закрытый землею,
Онъ отдохнетъ отъ заботъ и волненья—
Этотъ апостолъ труда и терпѣнья
Нашей отчизны родной.

Отдѣлъ третій.

221. Природа и человѣкъ.

Все, что окружаетъ насъ и сотворено Богомъ, называется **природою**. И земля, на которой мы живемъ, и животныя, и растенія, и воздухъ, и вода, и солнце, которое свѣтитъ намъ и даетъ теплоту,—все это явилось по слову Божію; значитъ все это относится къ **природѣ**. Сотворивъ землю и все, что на ней находится, и давъ ей солнечную теплоту и свѣтъ, Богъ создалъ и хозяина на землѣ; хозяинъ этотъ—**человѣкъ**. Люди распоряжаются на землѣ и пользуются всѣми дарами природы.

Назначивъ человѣка хозяиномъ и распорядителемъ на землѣ, Богъ одарилъ его прекрасно-устроеннымъ тѣломъ, и кромѣ того— **безсмертною и разумною душою**. Душа человѣка невидима, она живетъ въ его тѣлѣ и всѣмъ управляетъ; безъ души тѣло наше, несмотря на прекрасное устройство свое, было бы мертво, не могло бы ни чувствовать, ни двигаться.

222. Чудный домикъ.

Чудный мы знаемъ домикъ и съ полнымъ хозяйствомъ. Есть въ немъ исправная мельничка; есть въ немъ и кухня, гдѣ день и ночь готовится теплая пища. Въ этомъ домикѣ множество ходовъ и переходовъ, и проворные маленькіе

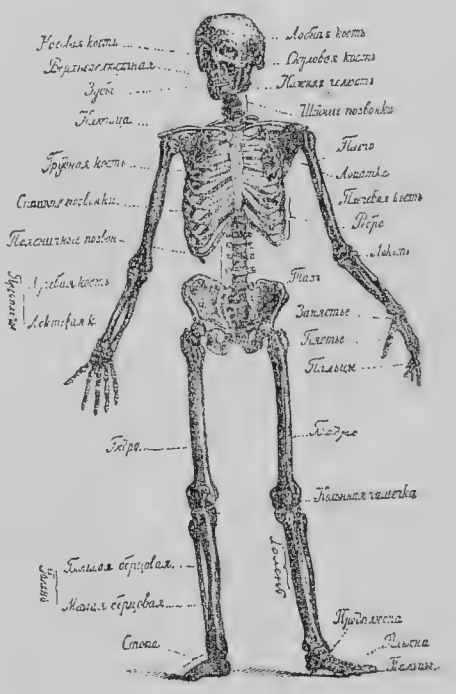
слуги разносятъ по нимъ теплую пищу во всѣ уголки дома. Есть въ этомъ домѣ неугомонный экономъ. Ни днемъ, ни ночью не засыпаетъ онъ ни на минуту; все тукъ, да тукъ, и гонитъ проворныхъ слугъ во всѣ уголки дома, гдѣ только спрашивается пища, питье, тепло. Есть въ этомъ домѣ обширная комната, куда свободно заходитъ чистый воздухъ; есть два свѣтлыя окошечка съ подвижными ставеньками; ночью эти ставеньки запираются, днемъ отпираются. Въ домѣ живетъ невидимая хозяйка. Хозяйки этой хотя и не видно, но она все знаетъ, всѣмъ распоряжается и все оживляетъ; для нея то хлопочетъ экономъ, для нея то работаютъ маленькія слуги, она то смотрится въ свѣтлыя окошечки, подымаетъ и опускаетъ ставеньки. Сна эта хозяйка не знаетъ. Уйдетъ она изъ дому,—и все заснетъ, замолкнетъ. Экономъ перестанетъ стучать, слуги остановятся въ переходахъ, и во всемъ домикѣ станетъ тихо, пусто, и холодно, а ставеньки закроютъ окошечки. Но куда же уходитъ хозяйка? Туда, откуда пришла—**на небо.** На землѣ она была только гостья: а домикъ безъ хозяйки разсыпается въ прахъ—землю.

Что такое чудный домикъ? хозяйка? мельничка? кухня? экономъ? слуги? окошечки? ставеньки?

223. Какъ устроено тѣло человѣка.

Основою тѣла человѣка служатъ **кости**; онѣ соединены вмѣстѣ и образуютъ **скелетъ**. Верхнюю часть тѣла составляетъ **голова**, среднюю — **туловище**, а нижнюю—**ноги. Руки** расположены по обѣимъ сторонамъ туловища. Голова, по формѣ, похожа на шаръ, немного сжатый съ боковъ. Она состоитъ изъ костяного ящика, который называется **черепомъ**; въ немъ помѣщается **мозгъ**. На головѣ растутъ **во-**

лоса, которые бываютъ разныхъ цвѣтовъ: черные, русые, бѣлокурые, рыжіе. У старыхъ людей они бываютъ бѣлые, или **сѣдые**. Передняя часть головы называется **лицомъ**. Части лица: лобъ, глаза, щеки, скулы, носъ, ротъ, подбородокъ. По сторонамъ головы расположены **уши**. Голова и туловище соединяются **шеей**. Передняя часть шеи называется **горломъ**. Отъ головы внутри шеи и вдоль туловища идетъ **позвоночный столбъ**, состоящій изъ небольшихъ косточекъ, которыя называются **позвонками**. Къ позвоночному столбу прикрѣпляются рёбра; верхнія ребра соединяются съ **грудною костью** и образуютъ **грудную клѣтку**. Съ грудной клѣткой соединяются кости рукъ посредствомъ особыхъ костей: **ключицы** и **лопатки**. Къ нижней части позвоночнаго столба прикрѣпляются **тазовыя кости**, съ которыми соединены кости ногъ.



Кости покрыты **мясомъ** или **мускулами**; мускулы очень упруги, они могутъ **сжиматься** и **расширяться**, что даетъ возможность человѣку двигать своими членами. Сверху мускулы покрыты **кожею**. Если мы прорѣжемъ гдѣ-нибудь нашу кожу, то покажется изъ раны жидкая, красная, теплая **кровь**. Кровь протекаетъ по особымъ трубочкамъ, которыя называются **жилами**. Толстыя жилы можно видѣть сквозь кожу, а тоненькія жилки сквозь кожу не видны; онѣ распространяются по мускуламъ и между ними, отчего мясо и имѣетъ красный цвѣтъ.

224. Головушка.

– Ну, головушка моя, будь же торовата!
Проживу съ тобою я весело, богато.
Спи да ѣшь—и горя нѣтъ!
Вотъ житье прямое.
— „Нѣтъ! головушка въ отвѣтъ:
Такъ пойдешь съ сумою“...
— Ну, такъ пляской удалой потѣшаться станемъ;
Придутъ гости къ намъ гурьбой,
Пѣсенку затянемъ!
Пива-ль, меду-ль хочешь?
Свѣтъ льетъ тебѣ рѣкою!
— „Нѣтъ, головушка въ отвѣтъ:
Такъ пойдешь съ сумою“...
— Ну, такъ что же намъ начать?
Иль набрать умишка?
Посмотрѣть да поискать,
Что намъ скажетъ книжка;
Да держать любовь—совѣтъ
Съ умной головою?
— „Да! головушка въ отвѣтъ:
Такъ-бы намъ съ тобою!“

225. Органы человѣческаго тѣла.

Однажды органы человѣческаго тѣла поссорились между собою и рѣшились не служить болѣе другъ другу. Ноги сказали: „Почему мы именно должны носить все тѣло? пусть оно сдѣлаетъ само себѣ другія ноги, да и ходитъ сколько угодно“. Руки также сказали: „И мы не хотимъ работать для тѣла; пусть оно сдѣлаетъ себѣ другія руки, а мы ему не слуги“.

Глаза сказали: „мы не хотимъ глядѣть за всѣхъ и охранять тѣло отъ опасностей“. А ротъ сказалъ: „Я-то что за дурень, что буду пищу жевать и желудокъ кормить:

не великъ баринъ, пусть отыщетъ себѣ другой ротъ, а я—покорный слуга".

Перестали органы исполнять свои обязанности: руки не хотѣли ничего дѣлать, ноги—ходить, глаза—глядѣть, ротъ—жевать, и тѣло почти захирѣло. Всѣмъ было жутко, прихворнули, и кабы не спохватились во-время, то гнить бы имъ всѣмъ въ могилѣ.

— „Нѣтъ, братцы, такъ плохо жить! сказали органы: лучше помириться; а то бѣды наживешь". И принялись каждый за свое дѣло, такъ что тѣло скоро поправилось, сдѣлалось здоровымъ,—и всѣмъ стало хорошо.

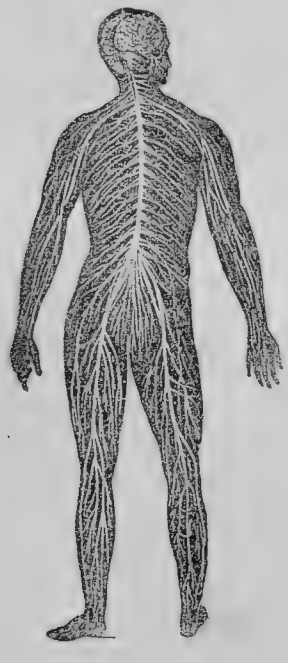
Какую пословицу можно примѣнить къ этой статьѣ?

226. Какъ обновляется тѣло человѣка.

Въ тѣлѣ человѣка постоянно происходятъ измѣненія; какъ вещи отъ употребленія разрушаются, такъ и тѣло человѣка, при безпрестанныхъ движеніяхъ и работѣ, теряетъ свои частички: оно изнашивается подобно одеждѣ, но только не такъ замѣтно. Разница въ томъ, что вещи при разрушеніи не могутъ подновляться сами собою, а тѣло живого человѣка постоянно подновляется новыми частями посредствомъ **ѣды** или **питанія**. У ребенка питаніе идетъ на подновленіе и на ростъ; у взрослаго—только на подновленіе; у старика же питаніе становится недостаточнымъ для обновленія всѣхъ теряемыхъ частицъ, а потому тѣло его постепенно слабѣетъ.

Питаніе тѣла человѣка совершается **кровью**. Кровь подновляетъ все тѣло,—и кости, и мускулы, и кожу. Питая все тѣло человѣка, кровь и сама нуждается въ подновленіи. Подновленіе крови совершается при помощи **пищи и питья**. Пищу и питье мы принимаемъ черезъ **ротъ**. Ротъ открывается и закрывается двумя **губами**: верхнею и нижнею. Внутри рта находятся **челюсти, десны, зубы, небо, языкъ**

и **гортань:** при помощи гортани мы дышимъ. Зубовъ у человѣка **тридцать два:** шестнадцать въ верхней и шестнадцать въ нижней челюсти. Восемь переднихъ зубовъ, по четыре вверху и внизу, называются **рѣзцами**. По обѣ стороны рѣзцовъ, въ обѣихъ челюстяхъ сидитъ по острому длинному зубу: **это клыки**. За клыками идутъ **коренные зубы**. Зубы надо беречь. Чтобы сберечь зубы, надо мыть свой ротъ и чистить зубы, потому что отъ нечистоты зубы заболѣваютъ. Если же какой-нибудь зубъ начнетъ крошиться, лучше всего его совсѣмъ удалить изо-рта, потому онъ можетъ заразить гніеніемъ сосѣдніе здоровые зубы.



Принятую въ ротъ пищу, мы сначала зубами кусаемъ, разрываемъ и перетираемъ; потомъ мы ее пережевываемъ, смачиваемъ **слюной** и глотаемъ. Пища проходитъ въ **желудокъ**, гдѣ переваривается и превращается въ жидкую кашицу. Изъ желудка кашица идетъ въ **кишки:** онѣ всасываютъ питательныя вещества пищи и несутъ ихъ въ кровь. Крайне необходимо хорошо пережевывать пищу. Кто спѣшитъ за обѣдомъ, плохо разжевываетъ свою пищу, глотаетъ неразжеванные куски, тотъ дѣлаетъ худо; тотъ можетъ заболѣть. Чѣмъ меньше работаютъ зубы, тѣмъ больше остается работы желудку. Но у желудка довольно и своей работы; отъ непосильной работы желудокъ и заболѣваетъ.

Кровь течетъ по всему тѣлу, вбираетъ въ себя отжившія частицы и замѣняетъ ихъ новыми. Отъ этого она портится и становится темно-красною. Испорченная кровь собирается со всего тѣла въ правую половину **сердца**, а

оттуда—**въ легкія**, а тамъ очищается воздухомъ и становится **алою**. Чистая кровь поступаетъ въ лѣвую половину сердца, а оттуда и расходится по всему тѣлу. Сердце постоянно сжимается и расширяется—**бьется**. Сердце не знаетъ покоя ни днемъ, ни ночью; оно то и дѣло стучитъ: тукъ—тукъ, и вгоняетъ испорченную кровь въ легкія, а чистую кровь разгоняетъ по всему тѣлу. Кровь питаетъ и обновляетъ всѣ части нашего тѣла. Вы долго, положимъ, писали, ваши пальцы устали; но вотъ вы отдыхаете отъ работы, ваша кровь то и дѣло притекаетъ къ усталымъ пальцамъ; она питаетъ ихъ. Пройдетъ немного времени, и усталости какъ не бывало. Кровь сдѣлала свое дѣло, а вы снова можете браться за перо. Что сдѣлала кровь съ усталыми пальцами, то самое она дѣлаетъ и съ ногами, и съ головой, и со всѣми другими частями тѣла. Кровь обновляетъ и даетъ силу всѣмъ частямъ тѣла.

227. Долголѣтіе.

Въ одномъ селѣ жилъ древній старикъ. Голова его была бѣла, какъ снѣгъ; но лицо было здоровое, веселое, глаза живые, а руки, казалось, годились еще ко всякой работѣ. Всѣ дивились крѣпости, бодрости и здоровью этого старика и хотѣли знать средство, какъ дожить до глубокой старости.

— „А средство весьма простое“, говорилъ старикъ: „я ѣмъ всегда столько, сколько нужно, чтобы утолить голодъ, и пью лишь для того, чтобы не чувствовать жажды“.

228. Дѣдушка.

Дѣдушка древенъ годами,
Но еще бодръ и красивъ;
Зубы у дѣдушки цѣлы,

Поступь, осанка тверда,
Кудри пушисты и бѣлы,
Какъ серебро борода.

Перечислить возрасты человѣка.

229. Демьянова уха.

„Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожалуйста, покушай!“
— Сосѣдушка, я сытъ по горло.
— „Нужды нѣтъ!
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей же, ей, на славу сварена!“
— Я три тарелки съѣлъ!
— „И, полно, что за счеты;
Лишь стало бы охоты,
А то во здравье ѣшь до дна!
Что за уха! да какъ жирна:
Какъ будто янтаремъ подернулась она;
Потѣшь же, миленькій дружочекъ!
Вотъ лещикъ, патроха, вотъ стерляди кусочекъ
Еще хоть ложечку! Да кланяйся жена!“
Такъ потчевалъ сосѣдъ Демьянъ сосѣда Фоку
И не давалъ ему ни отдыху, ни сроку;
А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ.
Однако же еще тарелку онъ беретъ,
Сбирается съ послѣдней силой
И очищаетъ всю.
„Вотъ друга я люблю!“
Вскричалъ Демьянъ:
„Зато ужъ чванныхъ не терплю.
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милый!“
Тутъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схватя въ охапку
Кушакъ и шапку,
Скорѣй безъ памяти домой,
И съ той поры къ Демьяну ни ногой.

Какъ Фока чувствовалъ себя отъ угощенья Демьяна? Что сдѣлалъ онъ послѣ предложенія съѣсть еще „тарелочку“?

230. Чистота здоровье сохраняетъ.

Въ одной деревнѣ жилъ крестьянинъ Иванъ. Славный малый: здоровый, краснощекій, работящій. Одна была за нимъ бѣда: бывало, придетъ въ воскресенье въ церковь Божію, волосы на немъ всклокочены, зипунъ въ грязи, рубашка грязная. Вотъ, какъ выйдутъ крестьяне изъ церкви, сосѣди и спрашиваютъ Ивана: „Или ты, Иванъ, по субботамъ въ баню не ходишь?“ А онъ въ отвѣтъ: „Нѣтъ, недосужно было“. А они опять: „Да что же на тебѣ рубашка-то грязная?“ А онъ въ отвѣтъ: „Говорятъ вамъ, недосужно было, родимые“. И все ему недосужно. За столъ, бывало, сядетъ, рукъ не вымоетъ; а встанетъ поутру—глазъ не вымоетъ и не вытретъ; а въ домѣ-то у него грязи на цѣлую четверть. Станутъ Ивану говорить, что онъ живетъ нехорошо, а Иванъ въ отвѣтъ: „И такъ проживемъ: наше дѣло крестьянское“.

Отъ нечистоты Иванъ сдѣлался боленъ. Бѣдняга съ тѣла спалъ. „Что съ тобою?“ спрашивали его сосѣди.— „Божій гнѣвъ“, отвѣчалъ онъ сквозь слезы. — „Правда“, сказалъ ему одинъ крестьянинъ: „Божій гнѣвъ бываетъ на тѣхъ, кто не любитъ себя въ чистотѣ держать“. Взяли Ивана въ больницу; вылечили, чистую рубашку одѣли и выпустили, приговаривая: „Въ другой разъ будь, Иванъ, поумнѣе“.

Но что же случилось? А вотъ что: сбирали работниковъ на сосѣдній красильный заводъ—плата была хорошая; пошелъ и Иванъ на заводъ. Ну, извѣстное дѣло, на заводахъ бываетъ всякая всячина, иногда и ядовитая. Что-то Ивану дали мѣшать; онъ мѣшалъ, мѣшалъ, а потомъ, по обычаю, не умывши рукъ, схватился за хлѣбъ и ну уби-

рать его со всѣмъ, что на хлѣбъ отъ рукъ прилипло. Какъ вдругъ поднялись у Ивана судороги въ животѣ—туда сюда, катался, да Богу душу и отдалъ. Такъ его и жизнь скончалась.

На чистоту времени немного идетъ, а чистота здоровье даетъ. Вставши, умойся да Богу помолися; грѣхъ немытому, нечесаному Богу молиться. Надо чаще въ баню ходить или купаться и чистое бѣлье надѣвать. Отъ того будешь чистъ, а отъ чистоты будешь здоровъ, людямъ пріятенъ и Богу угоденъ.

Что съ Иваномъ стало отъ нечистоты? Какъ онъ вылѣчился?

231. Пять внѣшнихъ чувствъ.

Человѣкъ имѣетъ пять внѣшнихъ или тѣлесныхъ чувствъ: **зрѣніе, слухъ, обоняніе, осязаніе и вкусъ.** Онъ смотритъ **глазами,** слушаетъ **ушами**, узнаетъ вкусъ **языкомъ**, а запахъ **носомъ**, онъ осязаетъ **всею кожею**. Глаза расположены подо лбомъ въ особыхъ впадинахъ или ямкахъ, и имѣютъ видъ шариковъ. Въ серединѣ глаза мы замѣчаемъ черный круглый **зрачокъ**, а кругомъ зрачка кружокъ, который бываетъ различнаго цвѣта: голубого, сѣраго, чернаго; кружокъ этотъ называется **райкомъ**; овальная часть глаза, окружающая раекъ, называется **бѣлкомъ**. Глаза защищены **вѣками, рѣсницами** и **бровями**. Глазами человѣкъ видитъ все, что его окружаетъ. Ими же онъ различаетъ видъ, величину и цвѣтъ предметовъ. Мы видимъ только наружную часть уха, которая называется **ушною раковиною**; остальная же часть уха скрыта въ черепѣ: въ нее ведетъ отверстіе, которое находится въ серединѣ ушной раковины. Ушами человѣкъ слышитъ и различаетъ разные **звуки**. Одни люди слышатъ хорошо, а другіе—слабо, а есть еще и такіе, которые ничего не слышатъ: такіе люди называются **глухими**. Счастливъ тотъ, кто владѣетъ всѣми внѣшними чувствами!

232. Слѣпой и молоко.

Одинъ слѣпой отъ роду спросилъ зрячаго: — какого цвѣта молоко?

Зрячій сказалъ: „цвѣтъ молока такой, какъ бумага бѣлая“.

Слѣпой спросилъ: „а что, этотъ цвѣтъ такъ же шуршитъ подъ руками, какъ бумага?“

Зрячій сказалъ: „нѣтъ, онъ бѣлый, какъ бумага бѣлая“.

Слѣпой спросилъ: „а что, онъ такой же мягкій и сыпучій, какъ мука?“

Зрячій сказалъ: „нѣтъ, онъ просто бѣлый, какъ заяцъ бѣлякъ“.

Слѣпой спросилъ: „что же, онъ пушистый и мягкій, какъ заяцъ?“

Зрячій сказалъ; „нѣтъ, бѣлый цвѣтъ точно такой, какъ снѣгъ“.

Слѣпой спросилъ: „что же онъ холодный, какъ снѣгъ?“

И сколько примѣровъ зрячій не говорилъ, слѣпой не могъ понять—какой бываетъ бѣлый цвѣтъ молока.

233. Богатство.

Одинъ бѣдный молодой человѣкъ встрѣтился со своимъ прежнимъ учителемъ и горько жаловался ему на свою несчастную судьбу. Изъ его школьныхъ товарищей многіе сдѣлались уже богачами и людьми извѣстными, тогда какъ онъ терпитъ во всемъ недостатокъ. — „Неужели ты въ самомъ дѣлѣ такъ бѣденъ, какъ говоришь?“ спросилъ его учитель: „вѣдь ты, кажется, вполнѣ здоровъ,—и вотъ эта рука сильна и способна ко всякой работѣ“, прибавилъ онъ, указывая на правую руку своего бывшаго ученика.—„Позволилъ ли бы ты отрѣзать ее за тысячу рублей?“—Сохрани Боже! Даже за десять не позволилъ бы! отвѣчалъ молодой человѣкъ.—„А за сколько бы ты отдалъ твои зоркіе глаза, которые такъ ясно видятъ Божій міръ,—твой острый слухъ и твои крѣпкія ноги? Я думаю, что ты не промѣнялъ бы ихъ ни на какія сокровища въ мірѣ?“ — Конечно, нѣтъ, — отвѣчалъ юноша.—„Какъ же ты жалуешься на свою бѣдность, въ то время, когда обладаешь такими богатствами?“

Какую пословицу можно примѣнить къ данной статьѣ

234. Счастье и богатство.

Жилъ былъ богачъ. Жилъ онъ въ раззолоченныхъ палатахъ, носилъ всегда дорогое платье, сладко ѣлъ, сладко пилъ. Однажды пріѣхалъ къ богачу старый другъ. На ра-

дости богачъ устроилъ пиръ и созвалъ гостей. Долго сидѣли гости за столомъ: ѣли, пили, смѣялись. Одинъ только хозяинъ ничего не ѣлъ и не пилъ, хотя и велъ веселую рѣчь. Подъ конецъ обѣда пріѣзжій другъ и сказалъ богачу: „Нигдѣ я не видалъ такого богатства, какъ у тебя: я думаю нѣтъ человѣка счастливѣе тебя въ цѣломъ свѣтѣ“.

Богачъ вздохнулъ, взялъ яблоко съ золотого блюда и подалъ его другу. Яблоко было румяно и свѣжо на видъ. Но когда его разрѣзали, въ серединѣ его увидѣли червяка, который сидѣлъ тамъ и точилъ сердцевину. Богачъ страдалъ неизлѣчимою болѣзнью, и всѣ поняли, что подъ яблокомъ онъ разумѣлъ себя.

Въ чемъ же счастье человѣка?

235. Мартышка и очки.

Мартышка въ старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло еще не такъ большой руки:

Лишь стоитъ завести очки.
Очковъ съ полдюжины себѣ она достала;
Вертитъ очками такъ и сякъ:

То къ темю ихъ прижметъ, то ихъ на хвостъ нанижетъ,
То ихъ понюхаетъ, то ихъ полижетъ —
Очки не дѣйствуютъ никакъ.
„Тьфу, пропасть!“ говоритъ она: „и тотъ дуракъ,
Кто слушаетъ людскихъ всѣхъ вракъ:
Все про очки лишь мнѣ налгали,
А проку на волосъ нѣтъ въ нихъ“.
Мартышка тутъ съ досады и печали
О камень такъ хватила ихъ,
Что только брызги засверкали.

Разсказъ о „Мартышкѣ“ по плану: Бѣда Мартышки и средства помочь горю. Невѣжество Мартышки. Уничтоженіе полезной вещи. Выводъ (нравоученіе) изъ басни.

236. Душевныя способности человѣка.

Мы понимаемъ, что намъ говорятъ, можемъ выражать свои мысли и желанія словами, такъ что насъ понимаютъ другіе люди: у насъ есть **даръ слова**.

То, что мы видѣли или выслушали внимательно, мы можемъ потомъ припомнить. Мы помнимъ лица и имена знакомыхъ людей, помнимъ названія множества предметовъ: у насъ есть **память**.

Мы можемъ представить тѣ предметы, которыхъ у насъ нѣтъ передъ глазами. Сидя въ классѣ, мы можемъ, напримѣръ, представить себѣ нашу улицу, домъ, знакомый лѣсъ, рѣку и прочее: у насъ есть **воображеніе**.

Мы понимаемъ, что намъ объясняютъ, пріобрѣтаемъ разныя знанія, мы можемъ думать: у насъ есть **умъ**.

Когда мы дѣлаемъ что-нибудь дурное, мы бываемъ неспокойны; дурной поступокъ мучаетъ насъ: у насъ есть **совѣсть**.

Намъ иногда не хочется дѣлать то, что намъ приказываютъ, но мы принуждаемъ себя и исполняемъ приказанія: у насъ есть **воля**.

Мы иногда лѣнимся, шалимъ, не слушаемся, говоримъ неправду; но у насъ есть желаніе быть умными, есть желаніе узнать побольше, быть послушными, правдивыми, и мы можемъ быть такими; у насъ есть желаніе сдѣлаться умнѣе и добрѣе: у насъ есть **стремленіе къ знанію и добру**.

Мы не можемъ видѣть Бога, потому что Онъ Духъ, но вѣримъ, что Богъ существуетъ, что Онъ все видитъ, что Онъ всѣмъ управляетъ, любитъ насъ и желаетъ намъ добра: въ нашей душѣ есть **вѣра въ Бога**.

Даръ слова, память, воображеніе, умъ, совѣсть, воля, вѣра въ Бога, стремленіе къ знанію и добру,—все это способности **душевныя**.

Чѣмъ выражается каждая изъ перечисленныхъ душевныхъ способностей?

237. Жилетка.

Одинъ мужикъ занимался торговлей и такъ расторговался, что сталъ первымъ богачомъ. У него служили сотни приказчиковъ, и онъ ихъ всѣхъ и по имени не зналъ.

Пропало разъ у этого купца двадцать тысячъ денегъ. Стали разыскивать и разыскали, кто укралъ деньги.

Пришелъ старшій приказчикъ къ купцу и говоритъ: „я вора нашелъ. Надо его въ Сибирь сослать“,

Купецъ говоритъ: „а кто укралъ?“

— „Иванъ Петровъ укралъ, самъ сознался“.

Купецъ подумалъ и говоритъ: — „Ивана Петрова надо простить“.

Приказчикъ удивился и говоритъ:—„Какъ же простить. Этакъ все добро растаскаютъ“.

Купецъ говоритъ: — „Ивана Петрова надо простить: какъ я началъ торговать, мы съ нимъ товарищами были. Когда я женился, мнѣ подъ вѣнецъ надѣть было нечего.

Онъ мнѣ свою жилетку далъ надѣть. Ивана Петрова надо простить".

Такъ и простили Ивана Петрова.

Перечислить занятія людей: земледѣльцевъ, ремесленниковъ и проч. Какая душевная способность примѣнима къ этой статьѣ?

238. Добрая память.

Каждый годъ, какъ наступитъ весна,
И зальются поляны водою,
Вся деревня идетъ на погостъ,
На могилу — подъ липой густою.
Съ уваженьемъ, колѣни народъ
Передъ этой могилой склоняетъ;
Шлютъ молитву простыя сердца
За того, кто въ землѣ почиваетъ.
Въ ней схороненъ простой мужичокъ,
Цѣлый вѣкъ боронившій, пахавшій;
Но высокой души человѣкъ,
Ни корысти, ни злобы не знавшій.
Былъ онъ другомъ всѣхъ бѣдныхъ людей
И за каждаго сердцемъ страдая,
Цѣлый вѣкъ прожилъ онъ для другихъ,
Для другихъ самъ себя забывая.
Разлилася широко рѣка,
Все, что ветхо, водой подмывая...
Онъ погибъ въ золотую весну,
Погибавшихъ малютокъ спасая.
Съ той поры каждый годъ по веснѣ,
Какъ зальются поляны водою,
Вся деревня идетъ на погостъ,
На могилу — подъ липой густою.

Какъ жилъ мужичокъ? Какъ онъ умеръ? Какую оставилъ по себѣ память?

239. У страха глаза велики.

Шелъ разъ лѣсомъ еврей, торопился по важному торговому дѣлу въ городъ. Стало темнѣть. Застала его ночь,

Сталъ трусить еврей, а идти надо. И чудится ему, что за каждымъ деревомъ разбойникъ сидитъ, да его стережетъ. И впрямь видитъ—стоитъ одинъ на дорогѣ и стережетъ его, и дубина въ рукахъ. Затряслись у еврея поджилки со страху. Остановился онъ, снялъ съ головы мохнатую шапку, надѣлъ ее на руку и говоритъ: „Слушай, не тронь меня. я тебя не боюсь; видишь, насъ двое". Разбойникъ молчитъ, ни слова; молчитъ да стоитъ. Еврей повторилъ нѣсколько разъ угрозу свою; но видитъ, что она не беретъ. Онъ снялъ потихоньку ермолку съ головы, наткнулъ ее на другую руку, приподнялъ тоже вровень съ головой и сталъ увѣрять разбойника, что теперь и вовсе его не боится, потому что стоитъ передъ нимъ самъ-третій. —„Видишь", повторялъ онъ: „ну, видишь? говори же: зачѣмъ молчишь? Когда боишься, такъ поди прочь и дай мнѣ пройти".

Но все это не повело ни къ чему: разбойникъ молчитъ упорно и стоитъ на одномъ мѣстѣ, а еврей самъ-третій стоялъ передъ нимъ. Наконецъ стало свѣтать, и еврей, у котораго зубъ на зубъ уже не попадалъ отъ страху, вдругъ прищурился, поглядѣлъ, перевелъ духъ, надѣлъ, ермолку и шапку, плюнулъ и пошелъ: **передъ нимъ стоялъ пень.**

До чего доводитъ иногда больное воображеніе?

240. Утопленникъ.

Прибѣжали въ избу дѣти, второпяхъ зовутъ отца: „Тятя! тятя! Наши сѣти притащили мертвеца". — Врите врите, бѣсенята! заворчалъ на нихъ отецъ: охъ, ужъ эти мнѣ ребята! Будетъ вамъ ужо мертвецъ! Судъ наѣдетъ, отвѣчай-ка, съ нимъ я вѣкъ не разберусь; дѣлать нечего! Хозяйка, дай кафтанъ: ужъ поплетусь...

Гдѣ-жъ мертвецъ! — „Вонъ, тятя, э-вотъ!" Въ самомъ дѣлѣ, при рѣкѣ, гдѣ разостланъ мокрый неводъ, мертвый

виденъ на пескѣ. Безобразно трупъ ужасный посинѣлъ и весь распухъ. Горемыка ли несчастный погубилъ свой грѣшный духъ, рыболовъ ли взятъ волнами, али хмѣльный молодецъ, аль ограбленный ворами недогадливый купецъ— мужику какое дѣло? Озираясь, онъ спѣшитъ.... Онъ потопленное тѣло въ воду за ноги тащитъ, и отъ берега крутого оттолкнулъ его весломъ, и мертвецъ внизъ поплылъ снова за могилой и крестомъ. Долго мертвый межъ волнами плылъ, качаясь, какъ живой; проводивъ его глазами, нашъ мужикъ пошелъ домой, „Вы, щенки, за мной ступайте! Будетъ вамъ по калачу, да смотрите-жъ, не болтайте, а не то поколочу“.

Въ ночь погода зашумѣла, взволновалася рѣка, ужъ лучина догорѣла въ дымной хатѣ мужика; дѣти спятъ, хозяйка дремлетъ, на полатяхъ мужъ лежитъ; буря воетъ; вдругъ онъ внемлетъ: кто-то тамъ въ окно стучитъ—„Кто тамъ?“ — Эй, впусти, хозяинъ? — „Ну, какая тамъ бѣда? Что ты ночью бродишь, Каинъ? Чертъ занесъ тебя сюда; гдѣ возиться мнѣ съ тобою? Въ домѣ тѣсно и темно“. И лѣнивою рукою подымаетъ онъ окно...

Изъ-за тучъ луна катится—что же? Голый передъ нимъ; съ бороды вода струится, взоръ открытъ и недвижимъ; все въ немъ страшно онѣмѣло, опустились руки внизъ, и въ распухнувшее тѣло раки черные впились. И мужикъ окно захлопнулъ; гостя голаго узнавъ, такъ и обмеръ: „Чтобъ ты лопнулъ!“ прошепталъ онъ, задрожавъ. Страшно мысли въ немъ мѣшались, трясся ночь онъ напролетъ и до утра все стучались подъ окномъ и у воротъ.

Почему крестьянинъ не похоронилъ утопленника? Что было слѣдствіемъ этого?

241. Умъ человѣка.

Дикій звѣрь устраиваетъ себѣ берлогу въ лѣсу, или копаетъ глубокія норы въ горахъ; птица вьетъ гнѣзда, на-

сѣкомыя прячутся въ щели, подъ крышу или зарываются въ землю. А человѣкъ нарубилъ деревьевъ, построилъ хату; придумалъ дѣлать изъ глины кирпичи и сложилъ печку; потомъ растопилъ песокъ и сдѣлалъ стекло. Стекло вставилъ въ окна; затопилъ печку, легъ на полати и посмѣивается. Въ землѣ человѣкъ нашелъ желѣзо, сдѣлалъ изъ него топоръ, пилу, лопату и соху.

Захотѣлось ему принарядиться и потеплѣе одѣться на зиму; онъ нашелъ волокнистое растеніе—ленъ, выдергалъ его, смялъ, напрялъ нитокъ и соткалъ рубашку; а потомъ и самъ сталъ сѣять это растеніе. Съ овецъ и козъ остригъ шерсть, сдѣлалъ сукно и сшилъ теплую одежду: для праздниковъ поддевку, а на будніе дни приготовилъ шубу изъ кожъ.

Птицамъ, звѣрямъ и насѣкомымъ служатъ защитой отъ холода ихъ собственная шерсть, перья или твердая кожа, а человѣку—его умъ.

242. Смѣтливый мужикъ.

Пришелъ богатый мужикъ къ барину на поклонъ. „Что тебѣ, мужичокъ?“ спрашиваетъ баринъ. Да вотъ принесъ вашей милости на поклонъ пять гуськовъ.—„Спасибо, братецъ! да только у меня уговоръ—лучше денегъ: умѣлъ ты мнѣ подарить, сумѣй теперь свой даръ и подѣлить; коли раздѣлишь безъ обиды—награжу тебя деньгами; а не раздѣлишь—не прогнѣвайся: уйдешь съ пустыми руками!“ А у того барина была жена, да два сына, да двѣ дочери—всѣхъ вмѣстѣ было шестеро. Мужикъ и такъ, и сякъ, нѣтъ — не раздѣлить поровну! Стоитъ да затылокъ почесываетъ.

Вотъ и послалъ баринъ за своимъ сосѣдомъ, бѣднымъ мужикомъ. Тотъ взялъ одного гуся, отдалъ барину съ барыней, да и говоритъ: „Вы теперь, сударь, самъ-третій!“

Другого гуся отдалъ двумъ сыновьямъ, а третьяго двумъ дочерямъ, и говоритъ: „И вы самъ-третій!“ Остальную пару гусей взялъ подъ мышки, да и говоритъ: „А вотъ и я самъ-третій!“ Баринъ разсмѣялся и говоритъ: „Вотъ, молодецъ, такъ молодецъ! сумѣлъ всѣмъ поровну раздѣлить и себя не забылъ“. Бѣднаго смѣтливаго мужика баринъ наградилъ, а богатаго отпустилъ съ пустыми руками.

243. Ворона и лисица.

Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру;
На ель ворона взгромоздясь,
Позавтракать, было, совсѣмъ ужъ собралась,
Да позадумалась, а сыръ во рту держала.
На ту бѣду Лиса близехонько бѣжала.
Вдругъ сырный духъ Лису остановилъ.
Лисица видитъ сыръ,—Лисицу сыръ плѣнилъ.
Плутовка къ дереву на цыпочкахъ подходитъ,
Вертитъ съ хвостомъ, съ Вороны глазъ не сводитъ,
И говоритъ такъ сладко, чуть дыша:—
— „Голубушка, какъ хороша!
Ну, что за шейка, что за глазки!
Разсказывать такъ, просто сказки!
Какія перышки, какой носокъ!
И вѣрно, ангельскій быть долженъ голосокъ!
Спой, свѣтикъ, не стыдись! Что ежели, сестрица,
При красотѣ такой и пѣть ты мастерица?...
Вѣдь ты-бъ у насъ была царь-птица“...
Вѣщуньина съ похвалъ вскружилась голова;
Отъ радости въ зобу дыханье сперло;
И на привѣтливы лисицины слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыръ выпалъ,—съ нимъ была плутовка такова.

Умъ вороны и умъ лисицы—сравнить.

244. Бѣда—глупости сосѣдъ.

Отецъ велѣлъ своему сыну обрубить сухія вѣтки съ большого дерева. Одинъ сукъ былъ высоко. Парень взлѣзъ

на сукъ, сѣлъ на него спиною къ дереву и сталъ рубить. Сукъ онъ срубилъ, да не скоро. Другой сукъ былъ еще выше. Парень взлѣзъ и на этотъ сукъ, и сѣлъ лицомъ къ дереву. На этотъ разъ онъ рубилъ очень недолго, тяжесть его тѣла давила на сукъ, и скоро сукъ подъ нимъ сталъ трещать. Парень былъ радъ и сказалъ: „Вотъ какъ скоро я срубилъ этотъ сукъ, впередъ всегда такъ буду рубить". Но сукъ подъ нимъ сломался, упалъ, а вмѣстѣ съ нимъ упалъ и нашъ парень и больно ушибся.

245. Какъ утонулъ мальчикъ.

Какой-то мальчикъ увидалъ,
Какъ рыболовъ въ рѣкѣ купался,
На дно отважно опускался
И смѣло кверху выплывалъ.
Вотъ мальчику на умъ и вспало
Свое искусство попытать,
Какъ тотъ поплавать, понырять.
И онъ, не думая не мало,
Раздѣлся, мигомъ прыгъ въ рѣку!
Прошелъ до глуби по песку,
Отважно въ омутъ окунулся.
Да тамъ и захлебнулся.

Пересказать это стихотвореніе своими словами (разсказомъ).

246. Раскаяніе.

Отецъ своими руками насадилъ цѣлый рядъ плодовыхъ деревьевъ лучшей породы. Черезъ четыре года на нихъ появились плоды, но — какъ всегда это бываетъ на молодыхъ деревьяхъ — всего по нѣскольку штукъ на каждомъ. Отецъ съ нетерпѣніемъ ждалъ времени, когда эти плоды созрѣютъ, чтобы попробовать ихъ и рѣшить: стоитъ ли разводить эти деревья или нѣтъ?

Но вотъ въ садъ забрался сынъ сосѣда, мальчикъ шаловливый и злой; онъ подговорилъ хозяйскаго сына, который былъ гораздо моложе его, и они отправились къ молоденькимъ деревцамъ и старательно обобрали съ нихъ всѣ фрукты, что не осталось даже на поглядѣнье.

Подошелъ на другой день отецъ къ своимъ дорогимъ деревьямъ и, увидя, что они совершенно опустошены, глубоко огорчился.

— Кто же это такъ безсовѣстно поступилъ? Я четыре года ожидалъ этихъ плодовъ, а какой-то злодѣй въ нѣсколько минутъ лишилъ меня ихъ...

Сынъ его, Володя, былъ здѣсь же и слышалъ слова отца, сказанныя безъ гнѣва, но съ глубокой печалью. Онъ побѣжалъ къ своему злому товарищу и чуть не со слезами сталъ говорить:

— Ахъ, еслибъ ты зналъ, какъ огорчился батюшка, когда увидѣлъ, что мы надѣлали! Теперь у меня не будетъ ни минуты покоя: батюшка не будетъ любить меня, если узнаетъ, что это сдѣлалъ я.

— Глупъ же ты, я вижу!—отвѣчалъ ему сынъ сосѣда: откуда же узнаетъ твой отецъ, кто это сдѣлалъ? Смотри только, самъ не проговорись.

Но когда Володя воротился домой и увидѣлъ, что отецъ обращается съ нимъ по прежнему ласково, то въ сердцѣ у него что-то кольнуло, и онъ почувствовалъ, что не можетъ подойти къ отцу приласкаться: ему стыдно было поднять свои глаза и встрѣтить обычный добрый, любящій взглядъ отца.

Вечеромъ пошелъ отецъ со всѣми дѣтьми въ садъ и, сорвавъ съ нѣкоторыхъ старыхъ деревьевъ зрѣлые плоды, роздалъ ихъ дѣтямъ, всѣмъ поровну, въ томъ числѣ и Володѣ. Дѣти лакомились вкусными фруктами, весело прыгали и беззаботно болтали другъ съ другомъ. Вдругъ они замѣтили, что съ ними нѣтъ Володи.

— А Володя?.. Гдѣ же Володя?

Сестры побѣжали назадъ и черезъ нѣсколько минутъ воротились къ отцу, очень смущенныя.

— Володя плачетъ и не хочетъ сказать, отчего.

Отецъ пошелъ къ мальчику.

— „Что съ тобою, дитя мое? О чемъ ты плачешь, милый?“

Ребенокъ припалъ головой къ отцу и, захлебываясь слезами, прерывающимся голосомъ сталъ исповѣдывать свой грѣхъ:

— Не говори со мною... я не стою твоей любви... Я —тотъ злодѣй... я оборвалъ тѣ фрукты! Накажи меня, какъ хочешь...

Отецъ ласково обнялъ мальчика и тихо произнесъ:

— „Я прощаю тебя, Володя! Твоя собственная **совѣсть** уже наказала тебя!“...

247. Голосъ совѣсти.

Въ одномъ большомъ селѣ жилъ бѣдный крестьянинъ Иванъ, у котораго послѣ смерти жены остался одинъ ребенокъ. Иванъ былъ хорошій работникъ и своими трудами кормилъ себя и ребенка. Однажды, на работѣ Иванъ сильно простудился и заболѣлъ. Во время болѣзни онъ истратилъ послѣднія свои деньги и, не имѣя еще силы работать, вынужденъ былъ просить милостыню. Но страхъ и стыдъ овладѣли имъ, какъ только Иванъ подходилъ къ воротамъ какого-нибудь дома.—„О, какъ тяжело протягивать руку за подаяніемъ!“ говорилъ онъ самъ себѣ.

И вотъ Иванъ хотѣлъ уже воротиться домой, какъ вдругъ почувствовалъ, что подъ ногами у него что-то зазвенѣло. Онъ наклонился—и подъ ногами увидѣлъ кошелекъ съ деньгами. Съ радостью поднялъ Иванъ кошелекъ и поспѣшилъ домой. „Теперь,—говоритъ онъ себѣ,—я не буду бояться голода—есть на что купить хлѣба и мнѣ, и

ребенку; мнѣ не нужно будетъ просить милостыни". Но въ это самое время внутри его заговорила совѣсть: „Вѣдь деньги не твои, ты нѣ нажилъ ихъ трудами; ты долженъ возвратить ихъ тому, кому онѣ принадлежатъ".

Иванъ послушался голоса совѣсти. Рано утромъ онъ отнесъ деньги въ волостное правленіе и просилъ объявить о своей находкѣ. Хозяинъ деньгамъ скоро нашелся: это былъ сборщикъ податей изъ сосѣдняго села. Онъ везъ общественныя деньги въ казначейство и по дорогѣ потерялъ ихъ. Сборщикъ былъ радъ, что общественныя деньги нашлись и что за нихъ ему не придется отвѣчать. Скоро вся волость узнала о честномъ поступкѣ бѣдняка Ивана. Въ томъ же году Иванъ былъ выбранъ волостнымъ старшиною, и уже нужды больше не терпѣлъ.

Что говоритъ намъ наша совѣсть? Когда мы перестаемъ ее слушать?

248. Крестьянинъ и Работникъ.

Старикъ крестьянинъ съ батракомъ
Шелъ подъ вечеръ лѣскомъ,
Домой, въ деревню съ сѣнокосу,
И повстрѣчали вдругъ медвѣдя носомъ къ носу.
Крестьянинъ ахнуть не успѣлъ,
Какъ на него медвѣдь насѣлъ:
Подмялъ Крестьянина, ворочаетъ, ломаетъ
И гдѣ-бъ его почать, лишь мѣсто выбираетъ.
Конецъ приходитъ старику.
— „Степанушка, родной, не выдай милый!"—
Изъ-подъ медвѣдя онъ взмолился Батраку.
Вотъ новый богатырь, со всей собравшись силой,
Что только было въ немъ,
Отнесъ полчерепа медвѣдю топоромъ
И брюхо прокололъ ему желѣзной вилой...
Медвѣдь взревѣлъ и замертво упалъ;
Медвѣдь мой издыхаетъ.

Прошла бѣда; Крестьянинъ всталъ,
И онъ же батрака ругаетъ!
Опѣшилъ бѣдный мой Степанъ.
— „Помилуй,—говоритъ,—за что?“—„За что болванъ!
Чему обрадовался съ дуру? Знай колетъ:
Всю испортилъ шкуру!“

Разсказать содержаніе басни по плану: Встрѣча съ медвѣдемъ. Бѣда съ крестьяниномъ. Просьба о помощи. Услуга Степана. Неблагодарность крестьянина.

249. Волкъ и Котъ.

Волкъ изъ лѣсу въ деревню забѣжалъ,
Не въ гости, но животъ спасая;
За шкуру онъ свою дрожалъ:
Охотники за нимъ гнались и гончихъ стая.
Онъ радъ бы въ первыя тутъ шмыгнуть ворота,—
Да то лишь горе,
Что всѣ ворота на запорѣ.
Вотъ видитъ Волкъ мой на заборѣ
Кота
И молитъ: „Васенька, мой другъ! скажи скорѣе,
Кто здѣсь изъ мужичковъ добрѣе,
Чтобы укрыть меня отъ злыхъ моихъ враговъ?
Ты слышишь лай собакъ и страшный звукъ роговъ?
Все это, вѣдь, за мной“.—„Проси скорѣй Степана:
Мужикъ предобрый онъ“, Котъ-Васька говоритъ.
— „То такъ, да у него я ободралъ барана“.
— „Ну, попытайся у Демьяна“.
— „Боюсь, что на меня и онъ сердитъ:
Я у него унесъ козленка“.
— „Бѣги жъ, вонъ тамъ живетъ Трофимъ“.
— „Къ Трофиму? Нѣтъ, боюсь и встрѣтиться я съ нимъ:
Онъ на меня съ весны грозится за ягненка!“
— „Ну, плохо жъ!.. Но, авось, тебя укроетъ
Климъ?“
— Охъ, Вася, у него зарѣзалъ я теленка!“
— „Что вижу, кумъ! Ты всѣмъ въ деревнѣ
насолилъ“.

Сказалъ тутъ Васька Волку:
„Какую жъ ты себѣ защиту здѣсь сулилъ?
Нѣтъ, въ нашихъ мужичкахъ не столько мало толку,
Чтобъ на свою бѣду тебя спасли они.
И правы,—самъ себя вини:
Что ты посѣялъ, то и жни".

Разсказать содержаніе басни по плану: Куда и почему Волкъ попалъ? Кого Волкъ увидѣлъ и о чемъ просилъ? Куда Котъ предлагалъ скрыться Волку? Почему Волкъ не могъ принять предложеній Кота? Что изъ словъ Волка увидѣлъ Котъ и кого обвинялъ? Какая главная мысль басни?

250. Правда и Кривда.

Жили-были два купца: одинъ жилъ кривдой, а другой—правдой. Такъ всѣ и звали ихъ: одного—Кривдою, а другого — Правдою. Кривда былъ богаче, а Правда—бѣднѣе. Вотъ разъ и говоритъ Кривда: „Послушай, Правда: вѣдь кривдою на свѣтѣ лучше жить?"—„Нѣтъ, не лучше!"—говоритъ Правда. „У меня,—говоритъ Кривда,—денегъ и всякаго добра вдесятеро больше твоего. Теперь пойдемъ мы и спросимъ у людей: чѣмъ лучше жить, кривдою или правдою? Коли по-твоему выйдетъ,—ты все мое богатство заберешь къ себѣ, а коли по-моему выйдетъ—свое добро отдашь мнѣ". Подумалъ Правда и говоритъ: „Нѣтъ, такъ я не буду спорить: твоего добра я не хочу, да и своего не стану безъ толку терять. Ты совѣтуешь у людей спросить. Можетъ быть они и по-твоему скажутъ. Только, по-моему, пусть люди, какъ хотятъ, думаютъ, а у меня своя голова на плечахъ. А вотъ что сдѣлаемъ лучше: и ты еще молодъ, да и я не старъ. Можетъ-быть, придетъ время, когда кто-нибудь изъ насъ одумается: либо я, либо ты. И кто изъ насъ одумаетея, пусть придетъ къ другому и разскажетъ о своей ошибкѣ". Засмѣялся Кривда: „Хорошо,—говоритъ,—будь по-твоему".

Прошло послѣ этого много лѣтъ, оба стали сѣдыми стариками. Вотъ однажды приходитъ Кривда къ Правдѣ и говоритъ: „Какъ живешь, братъ? Много-ли денегъ нажилъ?— „Нажить я мало нажилъ,—говоритъ Правда,—а живу слава Богу, безъ нужды и безъ горя. Самъ уже работать не могу, старъ совсѣмъ сталъ; да послалъ мнѣ Богъ сыновей добрыхъ;—теперь они сами всѣ дѣла дѣлаютъ и все приговариваютъ: „Много ты, батюшка, поработалъ на своемъ вѣку; много добра дѣлалъ на своемъ вѣку людямъ; пора тебѣ и отдохнуть. А теперь ужъ мы за тебя поработаемъ, да станемъ отплачивать тебѣ за твою науку добрую, да за хорошій примѣръ“.—„А мнѣ, братъ,—говоритъ Кривда,—нѣту отъ сыновей ни помощи, ни утѣхи. Умомъ ихъ Богъ не обидѣлъ, да совѣсти мало: только и знаютъ, что мое добро проживаютъ. И хоть бы спасибо когда-нибудь мнѣ сказали! Такъ нѣтъ же. Меня же норовятъ обругать да обидѣть. Стану имъ говорить: грѣхъ вамъ обижать старика, зачѣмъ неправдою живете,—а они мнѣ въ отвѣтъ: не тебѣ учить другихъ правдѣ-то: ты самъ цѣлый вѣкъ жилъ кривдою, самъ обижалъ другихъ, самъ обманами да обидою нажилъ денежки.—Горькая моя старость, братъ!“ И заплакалъ Кривда. „Ошибался я,—говоритъ:—не хорошо жить кривдою; надо жить правдою“.

Что думали и какъ жили Правда и Кривда? Что каждый изъ нихъ узналъ въ концѣ своей жизни?

251. Наслѣдство.

Не осталося
Мнѣ отъ батюшки
Палатъ каменныхъ,
Слугъ и золота;
Онъ оставилъ мнѣ
Кладъ наслѣдственный:
Волю твердую,
Удаль смѣлую.
Съ ними молодцу
Всюду весело:
И мила душѣ
Доля всякая,

Безъ казны богатъ,
Безъ почета гордъ.
Въ горѣ, въ черный день—
Соловьемъ поешь;
При нуждѣ, въ бѣдѣ—
Смотришь соколомъ.

Нараспашку грудь
Противъ недруга,
Подъ грозой, въ бою—
Улыбаешься.
И весь бѣлый свѣтъ
Раемъ кажется.

Чего отецъ не оставилъ сыну въ наслѣдство? Какой наслѣдственный кладъ оставилъ? Каково жить съ этимъ кладомъ?

252. Пятачокъ погубилъ.

Въ одной деревнѣ жилъ мальчикъ Игнаша. Отецъ его Прокопій ходилъ въ городъ на заработки, да и Игнашу нерѣдко бралъ съ собою туда же. Въ городѣ Игнаша приглянулся купцу. „Оставь у меня малаго-то,—говорилъ онъ Прокопію,—я его буду одѣвать, обувать, кормить да еще и выучу его; такъ что онъ, пожалуй, когда придетъ пора-время, и самъ купцомъ будетъ“. Прокопій подумалъ, подумалъ про свою бѣдность да бездомство и согласился. Съ тѣхъ поръ Игнаша жилъ въ городѣ, въ большомъ домѣ, и каждый день былъ обутъ, одѣтъ и накормленъ. Что ему купецъ ни поручалъ, Игнаша все честно исполнялъ. Всякіе товары, а иногда и деньги Игнаша носилъ, и никогда его купецъ ни въ чемъ дурномъ не замѣчалъ.

Разъ принесли купцу цѣлый мѣшокъ серебряныхъ гривенниковъ и пятачковъ. Сроду Игнаша не видалъ столько денегъ. Онъ долго любовался, смотря, какъ купецъ звенѣлъ по столу гривенниками и разставлялъ ихъ кучками для облегченія счета. Вотъ купецъ счелъ деньги, высыпалъ ихъ снова въ мѣшокъ; мѣшокъ же замкнулъ въ сундукѣ и вышелъ вонъ со двора.

Игнаша глядь, анъ на столѣ остался одинъ пятачокъ, да такой хорошенькій, новенькій. Хотѣлъ онъ было закричать купцу, что тотъ забылъ пятачокъ, да остановился; а остановившись, позадумался. А какъ позадумался, то на

душѣ у него какъ будто кто заговорилъ: „Вѣдь у купца цѣлый мѣшокъ пятачковъ-то! что ему въ этомъ одномъ? да и не замѣтилъ онъ его, а тебѣ пятакъ пригодится“. Прислушался Игнаша къ лукавой своей рѣчи и положилъ пятачокъ въ карманъ. Купецъ, и подлинно, потери не замѣтилъ, а Игнаша купилъ на пятачокъ пряникъ. Какъ съѣлъ онъ тотъ пряникъ, ему еще захотѣлось. Улучивъ время, онъ отъ купца уже не пятачокъ, а цѣлый рубль утащилъ; но и рубля хватило не надолго.

Съ тѣхъ поръ напала на Игнашу тоска по деньгамъ: только и думалъ о томъ, какъ бы денегъ добыть. Сперва онъ бралъ по рублямъ, потомъ все больше и больше, а однажды столько денегъ утащилъ, что и не счесть. Что же вышло? А вотъ что. Вскорѣ послѣ этого черезъ ту деревню, гдѣ жилъ когда-то Игнаша, вели арестантовъ въ цѣпяхъ. Народъ стоялъ по сторонамъ дороги и смотрѣлъ на арестантовъ, подавая несчастнымъ гроши, копейки, куски хлѣба. Вдругъ одинъ изъ арестантовъ, совсѣмъ еще молодой парень, остановился на минуту и, бросившись на шею стоявшему тутъ сѣдому старику, громко зарыдалъ и говоритъ: „Ахъ, отецъ, отецъ! пятачокъ меня погубилъ! Съ пятачка я началъ, да вотъ до чего дошелъ!“ Это и былъ нашъ Игнаша.

Разсказъ объ „Игнашѣ“ по плану: Жизнь Игнаши въ деревнѣ. Жизнь Игнаши въ домѣ купца. Кража пятачка. Слѣдствіе этой кражи.

253. Добрый человѣкъ.

Какъ у нашего сосѣда шла разумная бесѣда, — толковали за чайкомъ и о томъ, и о другомъ: „какъ ума нажить вѣрнѣе? кто на свѣтѣ всѣхъ добрѣе?“

„Вотъ, Кузьмичъ... — одинъ сказалъ, — я добрѣй души не зналъ! Въ храмъ идетъ, а самъ дорогой смотритъ, гдѣ

сидитъ убогій; нищихъ тьма къ нему валитъ, всѣхъ накормитъ, напоитъ".

Тутъ другой промолвилъ слово: „Тоже знай давать толково. Вотъ Степанъ Ильичъ, — такъ тотъ по грошамъ не раздаетъ; а даритъ онъ нищей братьѣ то муки, то крупъ, то платье".

„Что объ этомъ толковать? — молвилъ третій. — Какъ ни взять: сырѣ ершокъ, въ ухѣ ль, все рыба; кто даетъ, тому спасибо! Вотъ къ чему я рѣчь веду: научить бы насъ труду, какъ съ умомъ за дѣло взяться, чтобы нищимъ не остаться. Кто наукой вразумитъ, дѣтокъ въ школѣ пріютитъ, взрослымъ парнямъ дастъ подмогу честно выйти на дорогу, — про того скажу во вѣкъ: впрямь — то добрый человѣкъ!"

О чемъ шла бесѣда? Кто, какъ дѣлаетъ добро? Какая помощь нужнѣе?

254. Доброе желаніе.

Если-бъ легкой птицы
Крылья я имѣла,
Въ частый бы кустарникъ
Я не полетѣла.
Если-бъ я имѣла
Голосъ соловьиный,
Я бы не носилась
Съ пѣсней надъ долиной.
Нѣтъ! Я бы полетѣла
Съ пѣсней въ городъ дальній;
Есть тамъ домъ обширный,
Всѣхъ домовъ печальнѣй;
У стѣны высокой
Ходятъ часовые;
Въ окна смотрятъ люди —
Блѣдные, худые...
Имъ никто не скажетъ
Ласковаго слова, —
Только вѣтеръ пѣсни
Имъ поетъ сурово...
Изъ окна къ другому
Тамъ бы я летала,
Узниковъ привѣтной
Пѣсней утѣшала.

Кѣмъ бы хотѣлъ быть авторъ и что бы онъ сдѣлалъ?

255. Источникъ.

Въ жаркій день сошлись три путника у чистаго, студенаго ключа. Ключъ билъ изъ земли у края большой до-

роги. Около него стояли деревья, зеленѣла густая трава. Чистая, какъ слеза, вода собиралась въ высѣченный изъ камня водоемъ, а потомъ вытекала изъ него и бѣжала по лугу быстрымъ ручьемъ.

Путники отдохнули въ тѣни и стали пить воду изъ источника. Надъ самымъ ключомъ стоялъ камень и на немъ было написано: „Будь похожъ на этотъ ключъ". — Прочли путники эти слова и стали думать, что означаетъ надпись.

„Это хорошій совѣтъ"—сказалъ одинъ изъ путниковъ. „Источникъ течетъ безъ устали, — говорилъ онъ, — течетъ далеко, принимаетъ воду другихъ ключей въ себя, дѣлается большой рѣкой; такъ и человѣкъ долженъ безъ устали хлопотать по своимъ дѣламъ, и тогда будетъ ему во всемъ успѣхъ,—наживетъ много добра".

„Нѣтъ", сказалъ второй путникъ. — „По-моему, надпись на камнѣ означаетъ то, что человѣкъ долженъ охранять свою душу отъ дурныхъ мыслей и желаній, чтобы у него душа была такая же чистая, какъ вода въ этомъ источникѣ. Теперь эта вода даетъ радость и силу всѣмъ тѣмъ, которые, какъ мы, отдыхаютъ подлѣ него; и если бы этотъ ручей и всю землю пробѣжалъ, да вода въ немъ была мутная, грязная, какая бы отъ того была польза? Кто бы изъ него воду пилъ?"

Третій путникъ улыбнулся и сказалъ: — „Здѣсь урокъ въ томъ, что ключъ этотъ во всякое время поитъ каждаго жаждущаго **даромъ** и учитъ человѣка, чтобы онъ дѣлалъ добро всѣмъ, и дѣлалъ добро **даромъ**, а не ради награды и благодарности".

256. Маленькій нищій.

Словно листочекъ, отъ вѣтки оторванный
Дикою вѣтра игрой
Маленькій нищенка, блѣдный, оборванный,
Бродитъ осенней порой.

Ласки не зналъ онъ живой, согрѣвающей,
Любящей, теплой семьи,—
Всѣми отверженный, молча страдающій,
Дни коротаетъ свои...
Слезы струятся по личику блѣдному,
Грустно бѣдняжка глядитъ!
Дайте же, дѣти, что можете бѣдному,
Дайте—васъ Богъ наградитъ!

Разсказать кратко: Кто былъ нищенка? Каково ему живется? Есть ли у него родители?

257. Добрый отецъ.

Одинъ добрый отецъ по важнымъ дѣламъ жилъ въ столичномъ городѣ, а мать съ дѣтьми жила вдали отъ него, въ маленькой деревушкѣ. Однажды онъ послалъ имъ много дорогихъ вещей и при нихъ письмо, въ которомъ писалъ: „Милыя дѣти! будьте скромны и добры, и вы скоро пріѣдете ко мнѣ. Радуйтесь: въ приготовленномъ для васъ домѣ есть много и другихъ дорогихъ подарковъ для васъ“.

Услышали это дѣти и пришли въ большой восторгъ, и сказали: „Какой добрый нашъ отецъ, и сколько радостей онъ доставляетъ намъ! Да, мы хорошо поступаемъ, когда такъ искренно любимъ его, хотя и не видимъ и даже не помнимъ его. Доставимъ же и мы съ своей стороны ему радость: будемъ исполнять все, что написано въ письмѣ его. И какъ велика наша будетъ радость, когда вдругъ увидимъ нашего добраго отца“.

Тогда мать сказала: „Милыя дѣти! какъ вашъ отецъ поступаетъ съ вами, такъ точно Отецъ Небесный поступаетъ со всѣми людьми. Конечно, мы, люди, въ настоящее время не можемъ видѣть всеблагого Господа Бога. Но Онъ подаетъ намъ дары всякаго рода: солнце, луну и звѣзды, цвѣты и плоды, которые ясно показываютъ Его любовь къ намъ. Священное Писаніе есть тоже письмо Господа къ

намъ, въ которомъ Онъ открываетъ намъ Свою волю и обѣщаетъ царство небесное, особенно тѣмъ изъ насъ, кто твердо вѣруетъ въ Него и дѣлаетъ много добрыхъ дѣлъ. Въ царствѣ небесномъ еще лучшіе дары и еще большія радости ожидаютъ насъ.

Станемъ же любить Бога, исполнять Его волю и радоваться при мысли о царствѣ небесномъ".

Чѣмъ выражается связь живыхъ съ мертвыми? Сколько такихъ дней бываетъ въ году и какъ они называются?

258. Молитва.

Научи меня, Боже, любить
Всѣмъ умомъ Тебя, всѣмъ помышленьемъ:
Чтобъ и душу Тебѣ посвятить
И всю жизнь съ каждымъ сердцебіеньемъ...
Научи Ты меня соблюдать
Лишь твою милосердную волю,
Научи никогда не роптать
На свою многотрудную долю.
Всѣхъ, которыхъ пришелъ искупить
Ты Своею Пречистою Кровью —
Научи меня, Боже, любить
Безконечной, глубокой любовью!

259. Молитва Божіей Матери.

Міра Заступница, Матерь всепѣтая!
Я передъ Тобою съ мольбой:
Бѣднаго грѣшника, мракомъ одѣтаго,
Ты благодатью прикрой!
Если постигнутъ меня испытанія —
Скорби, утраты враги —
Въ трудный часъ жизни, въ минуту страданія,
Ты мнѣ, молю, помоги.

Радость духовную, жажду спасенія
Въ сердце мое положи;
Въ царство небесное, въ міръ утѣшенія
Путь мнѣ прямой укажи!

260. Духовныя потребности человѣка.

Богъ далъ человѣку не одно только тѣло, но и разумную, безсмертную душу. Богъ положилъ при этомъ заповѣдь, чтобы человѣкъ больше всего заботился не о тѣлѣ, а о просвѣщеніи души.

Чтобы сохранить свое тѣло, человѣкъ добываетъ себѣ пищу и одежду, строитъ теплое жилье.

Но не однимъ хлѣбомъ живъ человѣкъ: разумная душа требуетъ другой, — духовной пищи. Человѣкъ стремится узнать законы Божіи, чтобы различать добро отъ зла, и жить не по своей, а Божьей волѣ. Стремится человѣкъ узнать, какъ другіе люди живутъ теперь, какъ люди жили прежде; стремится онъ и узнать окружающую природу.

Чтобы удовлетворить своимъ духовнымъ потребностямъ, человѣкъ строитъ церкви и школы, изучаетъ законъ Божій, науки, искусства.

261. Очки неграмотны.

Старикъ Пахомъ, когда садился читать Псалтырь надѣвалъ очки и обыкновенно приговаривалъ: „Экая славная выдумка очки: безъ нихъ бы я теперь и читать не могъ“.

Слова эти услышалъ сынъ сосѣда, Емельянъ, который вырасти-то выросъ, а ума-то мало вынесъ. Обрадовался онъ словамъ старика Пахома и на другой же день отправился въ городъ—покупать очки.

Купецъ поставилъ передъ нимъ цѣлый ящикъ съ очками и говоритъ: „Вотъ, почтеннѣйшій, выбирай!“ Емельянъ взялъ первыя подвернувшіяся ему очки и спросилъ купца: „Нѣтъ ли у тебя тутъ книжки какой?“ Купецъ подалъ. Емельянъ раскрылъ книгу и смотритъ въ нее сквозь очки, но разобрать ничего не можетъ. — Нехорошіе, подумалъ онъ и надѣлъ другія; но и въ тѣ ничего прочесть не могъ. Такъ перебралъ Емельянъ всѣ очки, но годныхъ для себя не нашелъ.

Купцу стало досадно.—„Да знаешь ли ты грамотѣ, любезный?“ спросилъ онъ наконецъ Емельяна. А тотъ ему въ отвѣтъ: „Эхъ, простота! да кабы грамотѣ я зналъ, такъ и очковъ бы покупать не сталъ!“

Отвѣтить на вопросы: Что говорилъ Пахомъ, когда садился читать Псалтырь? Кто услыхалъ слова Пахома? Что сдѣлалъ Емельянъ? Какъ выбиралъ очки Емельянъ? О чемъ спросилъ купецъ Емельяна? Что ему отвѣтилъ Емельянъ?

262. Неученье—тьма.

Одинъ путешественникъ пріѣхалъ въ такую страну, гдѣ жили дикари. Никто изъ дикарей не зналъ грамоты, и они никогда до тѣхъ поръ не встрѣчали человѣка грамотнаго. Путешественникъ строилъ себѣ домъ, а дикари ему помогали. Однажды имъ понадобилась пила, а путешественникъ оставилъ ее въ своей квартирѣ. Онъ взялъ щепку и написалъ на ней углемъ: „Пришли мнѣ пилу“. Потомъ онъ позвалъ одного дикаря и сказалъ ему: „Отнеси эту щепку моей женѣ“. Дикарь сказалъ: „Ваша жена спроситъ, зачѣмъ я принесъ ей эту никуда негодную щепку и назоветъ меня дуракомъ“. Путешественникъ сказалъ: „Нѣтъ, жена не назоветъ тебя дуракомъ, а дастъ тебѣ то, что намъ надо“. Тогда дикарь взялъ щепку и спросилъ: „Что же мнѣ сказать вашей женѣ?“ Путешественникъ отвѣчалъ: „Тебѣ ничего не надо говорить моей женѣ: щепка сама ей все разскажетъ“ Дикарь спросилъ: „Какъ же можетъ говорить простая щепка? — Развѣ у ней есть языкъ?“ Путешественникъ отвѣчалъ: „Отнеси щепку и тогда узнаешь, что она умѣетъ говорить“.

Дикарь послушался и отнесъ щепку женѣ путешественника. Та прочитала написанное, взяла пилу и велѣла отнести ее мужу. Дикарь удивился и вскричалъ: „Почему ты узнала, что намъ нужна именно пила, а не другая какая-нибудь вещь?“ Женщина отвѣчала: „Да вѣдь ты же самъ принесъ мнѣ эту записку“. Дикарь сказалъ: „Да, я самъ принесъ тебѣ эту щепку; но я не слыхалъ, чтобы она тебѣ говорила!“ Женщина отвѣчала: „Ты не слыхалъ, но она мнѣ сказала, что нужно мужу. Поди же и отнеси ему пилу“. Дикарь понесъ пилу, но всю дорогу кричалъ своимъ сосѣдямъ: „Подивитесь, братцы, на мудрость этихъ бѣлолицыхъ людей; у нихъ говорятъ даже простыя щепки!“ И долго потомъ сосѣди распрашивали дикаря, какъ бѣлые люди заставили говорить простую щепку.

263. Ученье—свѣтъ.

Мудрыя дѣла творятся на свѣтѣ! Поглядишь—и глазамъ не вѣришь. Вотъ хотя бы чугунка—важная выдумка: десятки тысячъ пудовъ вали на нее—везетъ! А времени-то сколько сберегаетъ? Гдѣ прежде надо было ѣхать сутки, теперь тамъ въ два часа прокатишь. Да какъ прокатишь-то славно: ни дождь тебя не промочетъ, ни вѣтеръ не продуетъ! Сиди себѣ въ вагонѣ да поглядывай въ окошечки—словно въ свѣтлицѣ. Раньше-то люди были рады-радехоньки и двухколесной таратайкѣ, а теперь—вотъ и паръ запрягли вези, молъ, насъ, что тебѣ попусту пропадать! Такъ-то оно такъ, да вонъ-то какъ: не учившись, говорятъ, и лаптя не сплетешь; а машины подавно не сдѣлаешь. Вотъ ты и смекай своимъ маленькимъ умомъ, какова польза отъ ученья и къ чему оно ведетъ.

264. Солнце и знаніе.

Вотъ уже таютъ снѣга,
Шумно потоки бѣгутъ;
Скоро лѣсъ и луга
Въ новой красѣ зацвѣтутъ.

Въ небѣ такъ чисто, свѣтло;
Солнышку скажемъ привѣтъ:
Солнце даетъ намъ тепло,
Солнце приноситъ намъ свѣтъ,
Праздникъ весны засіялъ.
Пусть же и въ сердцѣ твоемъ,
Все, что изъ книгъ ты узналъ,
Яснымъ засвѣтитъ лучомъ,
Солнышкомъ правды согрѣтъ,
Возненавидишь ты зло:
Знанье приноситъ намъ свѣтъ,
Знанье даетъ намъ тепло.

Что приноситъ солнце? Что приноситъ знаніе? Какое сходство между солнцемъ и знаніемъ?

265. Тѣлесныя потребности человѣка.

Для поддержанія своей жизни человѣку нужны: пища, одежда, жилище и еще многое другое. Всѣ эти предметы, необходимые для жизни человѣка,—**жизненныя потребности,**—производитъ по благодати Божіей природа. Но въ природѣ нѣтъ готоваго хлѣба, нѣтъ готовыхъ жилищъ и одежды. Природа даетъ только матерьялъ, надъ которымъ человѣкъ долженъ не мало **потрудиться**, чтобы получить все необходимое для существованія. Такъ, напримѣръ, чтобы получить ржаную муку, нужно сначала обработать землю, потомъ посѣять рожь, затѣмъ убрать и обмолотить ее и, наконецъ, размолоть; чтобы пріобрѣсти рубашку, нужно обработать ленъ, напрясть нитокъ, соткать холстъ, а потомъ уже сшить рубашку.

Люди, которые занимаются обработкой земли, называются **земледѣльцами** или **хлѣбопашцами**; люди же, которые занимаются обдѣлкой произведеній природы, называются **ремесленниками.**

Но не во всѣхъ мѣстахъ земли есть все необходимое для человѣка. Такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ есть много желѣза, да мало хлѣба; въ другомъ же мѣстѣ много хлѣба, да нѣтъ желѣза. Поэтому людямъ приходится излишекъ произведеній одной страны перевозить въ другую страну, гдѣ въ этихъ произведеніяхъ нуждаются.

Тѣ люди, которые занимаются покупкой произведеній въ однихъ мѣстахъ и продажею этихъ произведеній въ другихъ мѣстахъ, называются **торговцами** или **купцами.**

Такимъ образомъ, каждый беретъ себѣ занятіе по своимъ силамъ и старается исполнять свое дѣло, какъ можно лучше,—для своей и общей пользы.

Куда съѣзжаются торговцы со своими товарами?

266. Щука и Котъ.

Зубастой Щукѣ въ мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю, завистью ль ее лукавый мучилъ,
Иль можетъ быть, ей рыбный столъ наскучилъ,
Но только вздумала Кота она просить,
Чтобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту—
Мышей въ амбарѣ половить.
„Да, полно, знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу?“
Сталъ Щукѣ Васька говорить:
„Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Не даромъ говорится,
Что дѣло мастера боится“.
—„И, полно, куманекъ! Вотъ невидаль—мышей!
Мы лавливали и ершей!“
—„Такъ въ добрый часъ пойдемъ!“ Пошли, засѣли.
Натѣшился, наѣлся Котъ,
И кумушку провѣдать онъ идетъ.
А щука чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ,—
И крысы хвостъ у ней отъѣли,
Тутъ видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ,
Кумъ замертво стащилъ ее обратно въ прудъ.

И дѣльно! Это, Щука,
Тебѣ наука
Впередъ умнѣе быть
И за мышами не ходить.

Разсказать содержаніе басни по плану: Намѣреніе Щуки ловить мышей. Совѣтъ Кота. Неудача. Нравоученіе.

267. Ярмарка.

Флагъ поднятъ. Ярмарка открыта.
Народомъ площадь вся покрыта.
Глядятъ изъ лавокъ кушаки
И разноцвѣтные платки,
И разноцвѣтная серпянка.
Тутъ груды чашекъ и горшковъ,
Корчагъ, бочонковъ, кувшиновъ,
Тамъ лыки, ведра и ушаты,
Лотки, подойники, лопаты...
Веселый говоръ, крикъ торговли,
Пискъ дудокъ, пѣсни мужиковъ.

И ранній звонъ колоколовъ—
Все въ гулъ слилось. Межъ тѣмъ оглобли
Приподнялись поверхъ возовъ,
Какъ лѣсъ безъ вѣтокъ и листовъ.

268. Не въ деньгахъ счастье.

Въ хижинѣ жилъ бѣдный сапожникъ. Съ нимъ изъ окна въ окно жилъ богатый купецъ. Сапожникъ былъ человѣкъ очень веселый: съ ранняго утра и до поздней ночи онъ безъ умолку пѣлъ пѣсни за работой. Купецъ былъ всѣмъ счастливъ. Однимъ онъ только былъ недоволенъ: пѣсни сосѣда не давали ему спать по ночамъ. Что тутъ дѣлать? Разъ купецъ призвалъ сапожника къ себѣ и говоритъ ему: „ты бѣденъ, а мнѣ некуда денегъ дѣвать,— вотъ тебѣ мѣшокъ съ деньгами“. Обрадовался бѣднякъ и думаетъ, что теперь ему будетъ лучше жить. Но что-же вышло: съ того дня, какъ получилъ сапожникъ деньги, его оставили сонъ и пѣсни; сапожникъ не переставалъ думать о деньгахъ и все караулилъ ихъ. Наконецъ онъ хватился за умъ: взялъ мѣшокъ съ деньгами и пошелъ къ купцу. Онъ подалъ мѣшокъ купцу и сказалъ: „Возьми назадъ свои деньги! До нихъ я жилъ беззаботно и не зналъ безсонницы. Съ деньгами-же я потерялъ сонъ и душевное спокойствіе. Начну лучше работать попрежнему и довольствоваться своей судьбой“.

Какъ лучше жить: въ трудѣ или съ готовыми деньгами?

269. Думы старика.

На восьмой десятокъ пять лѣтъ перегнулось, какъ одну я пѣсню, пѣсню молодую, пою, запѣваю старою погудкой; какъ одну я лямку тяну безъ подмоги! Ровесникамъ дѣтки давно помогаютъ, только мнѣ на свѣтѣ перемѣны нѣту.

Сынъ пошелъ на службу, а другой—въ могилу; двѣ вдовы невѣстки: у нихъ дѣтей куча—все малъ-мала меньше; за одной головою ничего не знаютъ, гдѣ пахать, что сѣять, позабыли думать. Богу, знать, угодно наказать подъ старость меня горемыку такой тяготою. Сбыть съ двора невѣстокъ, пустить сиротъ въ люди,—старики на сходкѣ, про Кузьму что скажутъ? Нѣтъ, мой згадъ, ужъ лучше, доколь мочь и сила, доколь душа въ тѣлѣ, буду я трудиться; кто у Бога проситъ, да работать любитъ,—тому невидимо Господь посылаетъ. Посмотришь—одинъ я батракъ и хозяинъ, а живу чѣмъ хуже людей семьянистыхъ? Лиха — бѣда въ землю кормилицу ржицу мужичку закинуть; а тамъ Богъ уродитъ, Микола подсобитъ собрать хлѣбецъ съ поля; такъ его достанетъ годъ семью пробавить, посбыть подать съ шеи и нужды поправить, и лишней копѣйкой Божій праздникъ встрѣтить.

Каковы думы старика? Что онъ рѣшилъ дѣлать до конца жизни?

270. Утренняя звѣзда.

Откуда, звѣздочка краса?
Что рано такъ на небеса
Въ одеждѣ праздничной твоей,
Въ огнѣ блистающихъ кудрей,
Въ красѣ воздушно-голубой,
Умывшись утренней росой?
Ты скажешь: встала раньше насъ?
Анъ, нѣтъ! Мы жнемъ ужъ цѣлый часъ;
Не счесть накиданныхъ сноповъ.
Кто всталъ до дня, тотъ днемъ здоровъ,
Бодрѣй глядитъ на Божій свѣтъ;
Ему за трудъ вкуснѣй обѣдъ.

Каково тому, кто встаетъ на работу вмѣстѣ съ утренней звѣздой?

271. Трудись съ пользой.

Крестьянинъ на зарѣ съ сохой надъ полосой своей трудился; трудился такъ крестьянинъ мой, что градомъ потъ съ него катился; мужикъ—работникъ былъ прямой. Зато, кто мимо не проходитъ, отъ всѣхъ ему: „Спасибо, исполать!“ Мартышку это въ зависть вводитъ. Хвалы приманчивы: какъ ихъ не пожелать? Мартышка вздумала трудиться; нашла чурбанъ, и ну надъ нимъ возиться. Хлопотъ Мартышкѣ полонъ ротъ: чурбанъ она то понесетъ, то такъ, то сякъ его обхватитъ, то поволочетъ, то покатитъ,—рѣкой съ бѣдняжки льется потъ, и, наконецъ, она, пыхтя, насилу дышитъ; а все ни отъ кого похвалъ себѣ не слышитъ.

И не диковинка, мой свѣтъ! Трудишься много ты, да пользы въ этомъ нѣтъ.

Почему никто не хвалилъ трудовъ Мартышки? Какой трудъ хвалятъ люди?

272. Пѣсня въ честь труда.

Честь тому, кто за сохой
Спину гнетъ и въ жаръ, и въ холодъ,
Кто могучею рукой
Поднимаетъ тяжкій молотъ,
Кто въ подземной глубинѣ
Цѣлый вѣкъ свой долженъ рыться,
Съ тачкой, съ ношей на спинѣ,
Чтобъ съ семьей своей кормиться.
Слава, труженики, вамъ!
Похвала тебѣ, работа!
Честь трудящимся рукамъ!
Слава каждой каплѣ пота,
Что на нивѣ, средь села,
За серпомъ, или за плугомъ,
Пала съ мокраго чела,

Незнакомаго съ досугомъ.
Слава ревностнымъ трудамъ!
Слава каждой каплѣ пота!
Честь мозолистымъ рукамъ!
Да спорится ихъ работа!..

273. Обмѣнъ труда.

Всякъ трудится не для себя только, но и для всѣхъ, и всѣ—для каждаго. Земледѣлецъ обрабатываетъ землю, и не умѣетъ сдѣлать себѣ плуга, сшить сапоговъ, выковать топора, выучить грамотѣ дѣтей, сочинить книгу. Ученый не умѣетъ обрабатывать землю, не можетъ самъ себѣ приготовить пищи, одежды.

Ни одинъ человѣкъ самъ для себя всего, что ему нужно, сдѣлать не можетъ,—на это не умѣнья, ни знаній не хватитъ. Люди подѣлили между собою занятія; каждый беретъ на себя какое-нибудь одно дѣло и обмѣниваетъ свои труды на труды другихъ. Земледѣлецъ отдаетъ ремесленнику и ученому свой хлѣбъ, ремесленникъ служитъ земледѣльцу и ученому своимъ мастерствомъ, а ученый служитъ всѣмъ своими знаніями.

Чтобы легче было мѣнять трудъ на трудъ, люди придумали мѣнять трудъ на деньги. Чтобы легче и удобнѣе было продавать и покупать издѣлія труда, явились скупщики, и продавцы всякихъ издѣлій,—торговцы, купцы: они скупаютъ товаръ для того только, чтобы перепродать его другимъ. Такъ каждый и работаетъ для всѣхъ, а всѣ—для каждаго.

274. Дерево.

Увидя, что топоръ крестьянинъ несъ,
„Голубчикъ!“ Деревцо сказало молодое:
„Пожалуй, выруби вокругъ меня ты лѣсъ;

Я не могу расти въ покоѣ:
Ни солнца мнѣ не виденъ свѣтъ,
Ни для корней моихъ простору нѣтъ,
Ни вѣтеркамъ вокругъ меня свободы,—
Такіе надо мной изволилъ сплесть онъ своды!
Когда бъ не отъ него расти помѣха мнѣ,
Я въ годъ-бы сдѣлалось красою сей странѣ
И тѣнью-бы моей покрылась вся долина;
А нынѣ тонко я, почти какъ хворостина".
Взялся крестьянинъ за топоръ,
И Дереву, какъ другу,
Онъ оказалъ услугу:
Вкругъ деревца очистился большой просторъ.
Но торжество его недолго было:
То солнцемъ Дерево печетъ,
То градомъ, то дождемъ сѣчетъ,
И вѣтромъ, наконецъ, то Дерево сломило.

Разсказать содержаніе басни по плану: Неразумная просьба деревца. Услуга крестьянина. Гибель деревца. Выводъ изъ басни.

275. Въ ожиданіи парома.

Александръ Сергѣевичъ съ сыномъ Володей ѣхалъ изъ большого города въ далекую деревню **на дачу**. Черезъ нѣсколько дней тарантасъ ихъ остановился на берегу рѣки. Такъ какъ на рѣкѣ моста не было, то нужно было переѣзжать на паромѣ. Въ ожиданіи парома, на этомъ берегу рѣки столпилось множество крестьянъ и крестьянокъ, пѣшкомъ и въ телѣгахъ съ различной кладью. Телѣги были нагружены сѣномъ, дровами, мѣшками съ мукой, горшками, кирпичомъ; на иныхъ телѣгахъ мычали телята или визжали поросята. За плечами у крестьянокъ висѣли корзины съ яйцами, въ рукахъ были кадочки съ масломъ; иныя держали куръ, гусей, пучки луку или раковъ въ корзинкахъ, наполненныхъ крапивой.

Александръ Сергѣевичъ узналъ отъ крестьянъ, что они отправляются на торгъ въ уѣздный городъ, который былъ виденъ на противоположномъ берегу рѣки. Володя видѣлъ, какіе товары везли крестьяне въ городъ, но ему захотѣлось узнать, что они будутъ покупать тамъ. Съ этимъ вопросомъ онъ обратился къ сѣдому старику, который сидѣлъ на своей телѣгѣ. Старикъ ласково отвѣчалъ:

— Что намъ нужно въ городѣ? Какъ что? да вотъ, видите, мнѣ нужно купить соли, а соли въ деревнѣ не достанешь; нуженъ мнѣ топоръ, — мой совсѣмъ иступился; нужно еще двѣ косы—ужъ сѣнокосъ подходитъ. Вѣдь у насъ въ деревнѣ, кромѣ чернаго хлѣба, муки, молока и яицъ, ничего не найдешь. — Иной ѣдетъ купить себѣ сапоги, а другому нужна фуражка, кушакъ или рукавицы. Вотъ зятьку моему понадобились стекла, замокъ къ дверямъ и петли: онъ строитъ себѣ избу; а стеколъ-то у насъ въ деревнѣ не дѣлаютъ; и слесарей нѣтъ; гвоздей тоже, пожалуй, захватитъ. А тамъ стоитъ моя кума съ пѣтухомъ и съ корзиной яицъ: ей нужно ситцу на сарафанъ, да и иголки всѣ вышли; а можетъ, купитъ она желѣзный ковшъ для воды, или пару серповъ. Да мало-ли кому чего нужно! Всѣмъ-же намъ, кромѣ того, нужны д е н ь г и...

Въ это время къ берегу причалилъ паромъ. Всѣ засуетились, и разговоръ Володи со старикомъ прекратился...

Передать разсказъ отъ своего лица.

276. Общественныя потребности.

Если-бы каждый человѣкъ жилъ отдѣльно отъ другихъ, то онъ не могъ-бы добыть себѣ все необходимое, потому что одному и тому-же человѣку трудно и землю воздѣлывать, и платье шить, и дома строить, и торговать... Поэтому людямъ лучше жить не отдѣльно, а **обществами,** гдѣ каждый человѣкъ занимается своимъ дѣломъ; а всѣ вмѣстѣ трудятся другъ для друга, для **общей пользы.**

Живя вмѣстѣ, люди не только обмѣниваются другъ съ другомъ трудами своими, но многое дѣлаютъ и сообща. Сообща люди строятъ церкви, школы, заводятъ библіотеки, для бѣдняковъ и безпомощныхъ люди сообща устраиваютъ больницы, пріюты, богадѣльни. Сообща содержатъ по селеніямъ пожарные инструменты, мостятъ улицы, держатъ въ порядкѣ проѣзжія дороги, гатятъ топи, мостятъ мосты. Что не подъ силу одному, то легко сдѣлать міромъ.

Но хоть и міромъ живутъ люди, да не всегда мирно. Случится,—у сосѣда съ сосѣдомъ спорное дѣло; сильный и злой обижаетъ слабаго. Нужно, чтобы всѣмъ въ обществѣ жилось покойно, чтобъ каждый могъ найти себѣ правый судъ и защиту. Можетъ выйти раздоръ и съ сосѣднимъ народомъ, и отъ него нужно имѣть наготовѣ оборону. Для разбора проступковъ, обидъ и всякихъ спорныхъ дѣлъ есть **судьи**; для присмотра за порядкомъ, для наказанія виновныхъ—есть **начальство**. Для обороны отъ сосѣднихъ народовъ—содержится сухопутное и морское **войско**: армія и флотъ.

Такимъ образомъ, въ каждомъ благоустроенномъ обществѣ люди живутъ спокойно и въ безопасности; они имѣютъ **законы**, которыми они должны руководствоваться въ жизни; у нихъ есть **правительственныя учрежденія** и **власти**, распоряженіямъ которыхъ они должны подчиняться; они имѣютъ **государя**, которому всѣ повинуются. Такое благоустроенное общество называется **государствомъ**.

Отвѣтить на вопросы: Кто составляетъ государство? Кто глава государства? Что должны исполнять всѣ живущіе въ государствѣ? Для удобства управленія государствомъ—на что его дѣлятъ?

277. Русское государство.

Наше русское государство называется **Россія**. — Россія наше отечество. Россія занимаетъ очень много земли; отъ

одного ея края до другого цѣлыя тысячи верстъ. Вся Россія дѣлится на двѣ большія части: одна часть называется **Европейская Россія**. а другая—**Сибирь**. Въ Россіи много городовъ, селъ и деревень. Самый главный городъ въ Россіи—**Петербургъ;** главный онъ потому, что въ немъ живетъ нашъ Государь Императоръ. Петербургъ—**столица** Россіи. Двѣсти лѣтъ назадъ столицей Россіи была **Москва**, а семьсотъ лѣтъ назадъ столицей Россіи былъ **Кіевъ**. Самой же первой столицей въ Россіи надо считать **Новгородъ**.

Москва и теперь еще называется столицей, хотя тамъ и не живетъ Государь.

278. Русская земля.

Ахъ, ты, гой еси наша матушка,
Велика ты, Русь, широко стоишь!
Ты горами поднялась до поднебесья,
Ты степями, государыня, раскинулась,
Ты морями разлилася синими,
Рѣками покрылась глубокими,
Городами разукрасилась людными,
Разрослась лѣсами дремучими.

Указать на картѣ: рѣки, горы, моря, озера, степи и наиболѣе важные города Россіи.

279. Родина.

Много на свѣтѣ мѣстъ, гдѣ жить привольно, а всякаго тянетъ туда, гдѣ онъ родился и жилъ съ родными своими. Тамъ все ему знакомо и дорого. Дорогъ ему всякій уголъ въ родномъ домѣ: тутъ онъ еще малымъ ребенкомъ въ зыбкѣ качался; всякій кустикъ въ отцовскомъ саду ему другъ и пріятель; мила ему родная рѣчка: тамъ онъ съ товарищами лѣтомъ купался; милъ ему лѣсъ, гдѣ онъ знаетъ всякое деревцо и всякую прогалинку; любы ему поле и

лугъ: въ нихъ каждая тропинка съ малыхъ лѣтъ ему памятна; дорого ему и кладбище, гдѣ схоронены его родные.

Кто живетъ на чужой сторонѣ, помнитъ родину свою крѣпко. А когда вернется домой, то словно оживетъ. На родинѣ и воздухъ будто другой, и люди будто лучше. Выйдетъ онъ на улицу: всякій человѣкъ ему родня или знакомый, а то и пріятель. Вмѣстѣ старое вспомнятъ. Свой своему поневолѣ братъ: онъ лучше пойметъ его заботу и охотнѣй изъ бѣды выручитъ.

Почему перелетныя птицы весною возвращаются къ намъ?

280. Родина.

Отдохну-ка, сяду у лѣсной опушки! Вонъ вдали соломой крытыя избушки, и бѣгутъ надъ ними тучи въ перегонку, изъ родного края въ дальнюю сторонку. Бѣлыя березы, жидкія осины, пашни да овраги—грустныя картины! Не пройдешь безъ думы, безъ тяжелой мимо. Что же къ нимъ все тянетъ такъ неодолимо?

Вѣдь на свѣтѣ бѣломъ всякихъ странъ довольно, гдѣ и солнце ярко, гдѣ и жить привольно? Но и тамъ, при блескѣ голубого моря, наше сердце ноетъ отъ тоски и горя, что не видятъ взоры ни березъ плакучихъ, ни избушекъ этихъ, сѣренькихъ, какъ тучи... Что же въ нихъ такъ сердцу дорого и мило? И какая манитъ тайная къ нимъ сила?

281. Село и деревня.

Въ селѣ улицъ немного: двѣ-три, а иногда всего одна. Дома въ селахъ и деревняхъ маленькіе деревянные, крыты соломой, лучинкою или тесомъ, называются они избами или хатами. Между домовъ не заборы и рѣшетки, какъ въ

городѣ, а плетни или пустые переулки. По этимъ переулкамъ крестьяне ѣздятъ на гумна и огороды. Церковь въ селѣ одна, рѣдко двѣ; въ деревняхъ же храмовъ совсѣмъ не бываетъ.

Живутъ въ деревняхъ и селахъ крестьяне. Они занимаются земледѣліемъ; лѣтомъ пашутъ землю, сѣютъ и жнутъ хлѣбъ, зимой кормятъ скотину, молотятъ, ѣздятъ въ лѣсъ за дровами, ѣздятъ на базары, а иные—въ извозъ съ какими-либо товарами. Кромѣ крестьянъ, въ нѣкоторыхъ деревняхъ живутъ помѣщики, а въ селахъ—священники, учителя, торговцы и немного ремесленниковъ.

Описать деревню по плану: Мѣсто расположенія деревни. Улицы. Избы и устройство ихъ. Изгороди и значеніе ихъ. Хозяйственныя постройки: сараи, дворъ, хлѣвы и амбары. Огороды и гумна. Населеніе деревни; занятія жителей деревни.

282. Сельскій видъ.

Крутого берега бѣлѣется отвѣсъ,
Водами вешними обмытый;
На немъ село, за нимъ, подалѣ, видѣнъ лѣсъ;
Внизу, копытами изрытый, песокъ;
Вверхъ отъ рѣки ползутъ на косогоръ
Дорожекъ узкіе извивы,
А тамъ отлогій скатъ; за нимъ лежитъ
Просторъ—и все луга, луга да нивы!..

283. Уѣздный городъ.

Изъ нѣсколькихъ сельскихъ обществъ составляется **волость**, а изъ нѣсколькихъ волостей—**уѣздъ**. Въ уѣздѣ всегда есть городъ, который и называется потому **уѣзднымъ**.

Въ уѣздномъ городѣ улицъ много; у каждой свое собственное названіе. Въ большомъ уѣздномъ городѣ улицы мостятъ камнемъ, чтобы не грязно было ѣздить: по ночамъ

зажигаютъ фонари. Посреди города находится площадь: на ней стоитъ главный городской храмъ—**соборъ;** площадь поэтому называется **соборною.**

Недалеко отъ собора—лавки большія и малыя, каменныя и деревянныя; большія лавки называются **магазинами.** Около лавокъ разъ или два въ недѣлю бываетъ базаръ, куда съѣзжаются сосѣдніе крестьяне съ различными дере-

венскими товарами: дровами, мукой, сѣномъ, яблоками и прочими продуктами сельскаго хозяйства. Кромѣ собора въ разныхъ концахъ города находятся еще и другія церкви—приходскія.

Дома въ уѣздномъ городѣ больше деревянные одноэтажные, но есть и двухъэтажные и каменные, крытые тесомъ, лучинкою и желѣзомъ. Живутъ въ городѣ дворяне,

чиновники, духовенство, купцы, мѣщане и крестьяне. Дворяне и чиновники служатъ въ присутственныхъ мѣстахъ. купцы торгуютъ, мѣщане занимаются ремеслами, крестьяне работаютъ у купцовъ и мѣщанъ, служатъ кучерами, дворниками, ломовыми извозчиками и проч.

Въ уѣздномъ городѣ находятся слѣдующія присутственныя мѣста: полицейское управленіе, казначейство, почтово-телеграфная контора, уѣздный съѣздъ, земская управа, городская управа и нѣкоторыя другія. Кромѣ городского или уѣзднаго училища, есть еще начальныя приходскія школы—мужскія и женскія. Въ уѣздномъ городѣ есть тюрьма или острогъ, аптека и больница.

Сравнить село съ городомъ: Улицы въ селѣ и въ городѣ. Церковь и площади. Дома. Присутственныя мѣста. Лавки. Фабрики и заводы. Учебныя заведенія. Занятія сельскихъ и городскихъ жителей.

284. Зимняя ночь въ городкѣ.

Какая ночь! Морозъ трескучій;
На небѣ ни единой тучи;
Какъ шитый пологъ, синій сводъ
Пестрѣетъ частыми звѣздами.
Въ домахъ все темно. У воротъ
Затворы съ тяжкими замками.
Вездѣ покоится народъ,
Утихъ и шумъ, и крикъ торговый;
Лишь только лаетъ песъ дворовый,
Да цѣпью звонкою гремитъ.
А городъ весь спокойно спитъ.

285. Губернскій городъ.

Нѣсколько уѣздовъ составляютъ **губернію**; главный городъ въ губерніи называется **губернскимъ**.

Дома въ губернскомъ городѣ большіе, на главныхъ улицахъ почти всѣ каменные, въ два и три этажа. Церквей много; храмовъ двадцать есть почти въ каждомъ губернскомъ городѣ. Соборъ тоже не одинъ. Въ главномъ соборѣ служитъ самъ **архіерей**; этотъ соборъ называется **каѳедральнымъ**. Лавокъ и магазиновъ наберется сотни двѣ, если не больше. Школъ тоже не мало.

Въ губернскомъ городѣ живетъ губернаторъ, архіерей, тамъ-же находится окружный судъ, который судитъ тяжкихъ преступниковъ. Въ губернскомъ городѣ, какъ и въ уѣздномъ, есть тюрьма, больница и нѣсколько аптекъ, городская управа, почта, казначейство, полицейское управленіе, словомъ, тѣ же присутственныя мѣста, что и въ уѣздномъ городѣ. Но кромѣ нихъ есть еще такія, которыя завѣдуютъ всей губерніей, это: губернское правленіе, казенная палата и другія.

Въ каждомъ губернскомъ городѣ стоитъ отрядъ войска: въ иномъ городѣ стоитъ **баталіонъ** солдатъ, въ иномъ **полкъ**, а въ иномъ и больше. Почти въ каждомъ губернскомъ городѣ есть желѣзная дорога, есть фабрики и заводы, хоть и не вездѣ ихъ много. Если въ городѣ большая рѣка, то на ней устраиваютъ пристань. Много рабочаго народа кормится вокругъ фабрикъ и заводовъ, на желѣзной дорогѣ и на пристани.

Описаніе „Города“ по плану: Видъ города издали. Церкви въ городѣ. Улицы и устройство ихъ. Площади. Сады, бульвары и парки. Городскіе дома. Лавки и отличительные признаки ихъ. Торговые ряды. Жители города и занятія ихъ. Присутственныя мѣста въ городѣ. Начальство.

286. Осеннее утро въ губернскомъ городѣ.

Утро. Надъ городомъ пышнымъ, громаднымъ,
Туча **свинцовая** низко виситъ.
Тяжесть какая-то въ воздухѣ смрадномъ,
Темно какъ въ сумерки! Дождь мороситъ.
Здѣсь не въ диковину эта погода,
И никого, знать, она не страшитъ:
Въ городѣ движутся **массы** народа,
Каждая улица кишмя кишитъ.
Скачетъ **курьеръ**, всѣхъ сортовъ пѣшеходы,
Въ чуйкахъ, въ пальто и въ лохмотьяхъ снуютъ;
Мчатся кареты, коляски, подводы
Рухлядь какую-то, мебель везутъ...
Передъ зеркальнымъ окномъ магазина
Кучка собралася разныхъ зѣвакъ:
Швейка, чиновникъ, старушка съ корзиной,
Кучеръ, солдатъ и купчина толстякъ...
Вотъ, пробираясь чрезъ грязныя лужи,
Съ видомъ серьезнымъ, ребенокъ идетъ;
Плохо одѣтый, прозябъ онъ отъ стужи,—
Книжки, тетрадки подъ мышкой несетъ...

287. Столица.

Столица Россіи—Петербургъ. Онъ лежитъ по обѣ стороны многоводной и быстрой рѣки **Невы**, близъ ея устьевъ. Петербургъ очень красивый и самый большой въ Россіи городъ. Въ немъ множество широкихъ и прямыхъ улицъ, обширныхъ площадей, великолѣпныхъ зданій, садовъ и **парковъ.** Въ Петербургѣ живутъ Государь Императоръ и вся Царская Фамилія и находятся высшія правительственныя учрежденія: сенатъ, синодъ, государственный совѣтъ и ми-

нистерства. Въ немъ имѣется множество различныхъ учебныхъ заведеній высшихъ, среднихъ и низшихъ. Въ Петербургѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ множество всевозможныхъ мастерскихъ, ремесленныхъ заведеній, фабрикъ, заводовъ — какъ частныхъ, такъ и казенныхъ, монетный дворъ, гдѣ чеканятъ монету. Петербургъ высылаетъ въ различныя губерніи множество своихъ и заграничныхъ издѣлій, а въ него привозятъ хлѣбъ, скотъ, дичь и другія произведенія изъ разныхъ мѣстъ Россіи. Петербургъ ведетъ обширную заграничную торговлю моремъ, (какимъ?). Жителей въ Петербургѣ полтора милліона. Каждый годъ много пришлаго

народа находитъ въ Петербургѣ выгодный заработокъ. Въ Петербургѣ много богатыхъ людей, состояніе которыхъ считается милліонами; зато очень много и бѣдноты, какой и въ деревняхъ никогда не бываетъ, и недаромъ говорятъ про Питеръ, что онъ „бока вытеръ".

Столичные города Россіи. Вашъ губернскій и уѣздный города, а также волость, село или деревня.

288. Москва.

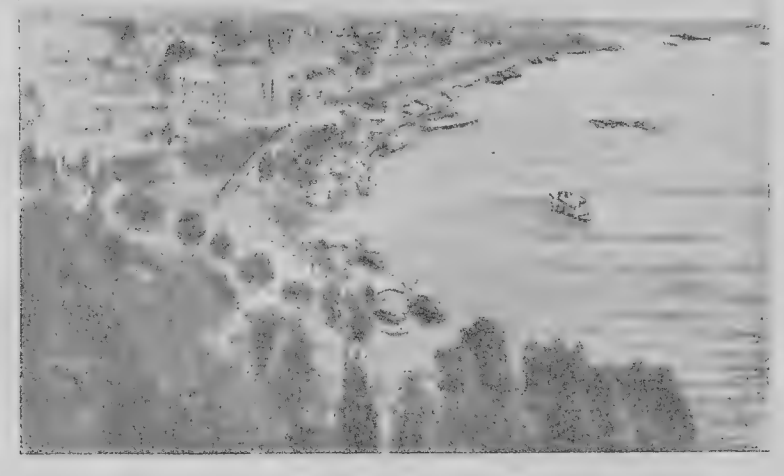
Городъ чудный, городъ древній,
Ты вмѣстилъ въ свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы!

Опоясанъ лентой пашенъ,
Весь пестрѣешь ты въ садахъ.

Сколько храмовъ, сколько башенъ
На семи твоихъ холмахъ.

На твоихъ церквахъ старинныхъ
Вырастаютъ дерева.
Глазъ не схватитъ улицъ длинныхъ:
Это матушка Москва!

289. Кіевъ.



Высоко передо мною
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ;
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою
Переливнымъ серебромъ...
Слава, Кіевъ многовѣчный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,
Руси чистая купель!

290. Родная земля.

Мила мнѣ русская природа
И бытъ родного мнѣ народа;

Всѣ ежедневныя картины,
Поля, и села, и равнины,
И шумъ колеблемыхъ лѣсовъ,
И звонъ косы въ лугу росистомъ,
И пляска съ топаньемъ и свистомъ
Подъ говоръ нашихъ мужичковъ;
Въ степи чумацкіе ночлеги,
И рѣкъ безбережный разливъ
И скрипъ кочующей телѣги,
И видъ волнующихся нивъ.
Люблю я тройку удалую
И свистъ саней на всемъ бѣгу,
На славу кованную сбрую
И золоченую дугу;
Люблю тотъ край, гдѣ зимы долги,
Но гдѣ весна такъ молода,
Гдѣ внизъ по матушкѣ по Волгѣ
Безъ счета движутся суда...

СЛАВЯНСКОЕ ЧТЕНІЕ.

I. Сотвореніе міра видимаго и человѣка.

а҃. Въ нача́лѣ сотворѝ Бг҃ъ нб҃о и҆ зе́млю.

в҃. Землѧ́ же бѣ̀ неви́дима, и҆ неꙋстро́ена: и҆ тьма̀ верхꙋ̀ бе́здны: и҆ Дх҃ъ Бж҃їй ноша́шесѧ верхꙋ̀ воды̀.

г҃. И҆ речѐ Бг҃ъ: да бꙋ́детъ свѣ́тъ: и҆ бы́сть свѣ́тъ.

д҃. И҆ ви́дѣ Бг҃ъ свѣ́тъ, ꙗ҆́кѡ добро̀: и҆ разлꙋчи̇̀ Бг҃ъ междꙋ̀ свѣ́томъ, и҆ междꙋ̀ тьмо́ю.

є҃. И҆ наречѐ Бг҃ъ свѣ́тъ де́нь, а҆ тьмꙋ̀ наречѐ но́щь, и҆ бы́сть ве́черъ, и҆ бы́сть оу҆́тро, де́нь є҆ди́нъ.

ѕ҃. И҆ речѐ Бг҃ъ: да бꙋ́детъ тве́рдь посредѣ̀ воды̀: и҆ да бꙋ́детъ разлꙋча́ющи посредѣ̀ воды̀ и҆ воды̀, и҆ бы́сть та́кѡ.

з҃. И҆ сотворѝ Бг҃ъ тве́рдь: и҆ разлꙋчѝ Бг҃ъ междꙋ̀ водо́ю, ꙗ҆́же бѣ̀ под̾ тве́рдїю, и҆ междꙋ̀ водо́ю, ꙗ҆́же бѣ̀ над̾ тве́рдїю.

и҃. И҆ наречѐ Бг҃ъ тве́рдь, нб҃о: и҆ ви́дѣ Бг҃ъ, ꙗ҆́кѡ добро̀, и҆ бы́сть ве́черъ, и҆ бы́сть ᲂу҆́тро, де́нь вторы́й.

ѳ҃. И҆ речѐ Бг҃ъ: да собере́тсѧ вода̀, ꙗ҆́же подъ нб҃се́мъ, въ собра́нїе є҆ди́но, и҆ да ꙗ҆́витсѧ сꙋ́ша: и҆ бы́сть та́кѡ: и҆ собра́сѧ вода̀, ꙗ҆́же подъ нб҃се́мъ, въ собра̑нїѧ своѧ̑, и҆ ꙗ҆ви́сѧ сꙋ́ша.

і҃. И҆ наречѐ Бг҃ъ сꙋ́шꙋ, зе́млю: и҆ собра̑нїѧ во́дъ наречѐ морѧ̀: и҆ ви́дѣ Бг҃ъ, ꙗ҆́кѡ добро̀.

а҃і. И҆ речѐ Бг҃ъ: да прорасти́тъ землѧ̀ бы́лїе травно́е, сѣ́ющее сѣ́мѧ по ро́дꙋ и҆ по подо́бїю, и҆ дре́во плодови́тое, творѧ́щее пло́дъ, є҆мꙋ́же сѣ́мѧ є҆гѡ̀ въ не́мъ по ро́дꙋ на земли̇̀: и҆ бы́сть та́кѡ.

в҃і. И҆ и҆знесѐ землѧ̀ бы́лїе травно́е, сѣ́ющее сѣ́мѧ по ро́дꙋ и҆ по подо́бїю, и҆ дре́во плодови́тое, творѧ́щее пло́дъ, є҆мꙋ́же сѣ́мѧ є҆гѡ̀ въ не́мъ по ро́дꙋ на земли̇̀: и҆ ви́дѣ Бг҃ъ, ꙗ҆́кѡ добро̀.

г҃і. И҆ бы́сть ве́черъ, и҆ бы́сть ᲂу҆́тро, де́нь тре́тїй.

д҃і. И҆ речѐ Бг҃ъ: да бꙋ́дꙋтъ свѣти̑ла на тве́рди нб҃нѣ́й, ѡ҆свѣща́ти зе́млю, и҆ разлꙋча́ти междꙋ̀ дне́мъ, и҆ междꙋ̀ но́щїю: и҆ да бꙋ́дꙋтъ въ зна́менїѧ, и҆ во времена̀ и҆ во дни̇̀, и҆ въ лѣ̑та.

є҃і. И҆ да бꙋ́дꙋтъ въ просвѣще́нїе на тве́рди нб҃нѣй, ꙗ҆́кѡ свѣти́ти по земли̑: и҆ бы́сть та́кѡ.

ѕ҃і. И҆ сотвори̑ Бг҃ъ два̀ свѣти̑ла вели̑каѧ: свѣти́ло вели́кое въ нача̑ла днѐ, и҆ свѣти́ло ме́ньшее въ нача̑ла но́щи, и҆ ѕвѣ́зды.

з҃і. И҆ положи̑ ѧ҆ Бг҃ъ, на тве́рди нб҃нѣй, ꙗ҆́кѡ свѣти́ти на зе́млю.

и҃і. И҆ владѣ́ти дне́мъ и҆ но́щїю, и҆ разлꙋча́ти междꙋ̀ свѣ́томъ и҆ междꙋ̀ тьмо́ю: и҆ ви́дѣ Бг҃ъ, ꙗ҆́кѡ добро̀.

ѳ҃і. И҆ бы́сть ве́черъ, и҆ бы́сть ᲂу҆́тро, де́нь четве́ртый.

к҃. И҆ речѐ Бг҃ъ: да и҆зведꙋ́тъ во́ды га́ды дꙋ́шъ живы́хъ, и҆ пти̑цы лета́ющыѧ по земли̑, по тве́рди нб҃нѣй: и҆ бы́сть та́кѡ.

к҃а. И҆ сотвори̑ Бг҃ъ ки́ты вели̑кїѧ, и҆ всѧ́кꙋ дꙋ́шꙋ живо́тныхъ гадѡ́въ, ꙗ҆̀же и҆зведо́ша во́ды по родѡ́мъ и҆́хъ, и҆ всѧ́кꙋ пти́цꙋ перна́тꙋ по ро́дꙋ: и҆ ви́дѣ Бг҃ъ, ꙗ҆́кѡ дѡбра̀.

к҃в. И҆ блг҃ви̑ ѧ҆ Бг҃ъ, глаго́лѧ: расти́тесѧ, и҆ мно́житесѧ, и҆ напо́лните во́ды, ꙗ҆̀же въ морѧ́хъ: и҆ пти̑цы да ᲂу҆мно́жатсѧ на земли̑.

к҃г. И҆ бы́сть ве́черъ, и҆ бы́сть ᲂу҆́тро, де́нь пѧ́тый.

к҃д. И҆ речѐ Бг҃ъ: да и҆зведе́тъ землѧ̀ дꙋ́шꙋ жи́вꙋ по ро́дꙋ, четверонѡ́гаѧ и҆ га́ды, и҆ ѕвѣ̑ри земли̑ по ро́дꙋ: и҆ бы́сть та́кѡ.

к҃є. И҆ сотворѝ Бг҃ъ ѕвѣ̑ри землѝ по ро́дꙋ и҆́хъ, и҆ всѧ̑ га́ды землѝ по ро́дꙋ и҆́хъ: и҆ ви́дѣ Бг҃ъ, ꙗ҆́кѡ дѡбра̀.

к҃ѕ. И҆ речѐ Бг҃ъ: сотвори́мъ чл҃вѣ́ка по ѡ҆́бразꙋ на́шемꙋ и҆ по подо́бїю: и҆ да ѡ҆блада́етъ ры́бами морски́ми и҆ пти́цами нб҃ными, (и҆ ѕвѣрьмѝ), и҆ скота́ми, и҆ все́ю земле́ю, и҆ всѣ́ми га̑ды пресмыка́ющимисѧ по землѝ.

к҃з. И҆ сотворѝ Бг҃ъ чл҃вѣ́ка, по ѡ҆́бразꙋ Бж҃їю сотворѝ є҆го̀: мꙋ́жа и҆ женꙋ̀ сотворѝ и҆́хъ.

к҃и. И҆ блг҃ви̇̀ и҆́хъ Бг҃ъ, гл҃ѧ: расти́тесѧ и҆ мно́житесѧ, и҆ напо́лните зе́млю, и҆ госпо́дствꙋйте є҆́ю, и҆ ѡ҆блада́йте ры́бами морски́ми, (и҆ ѕвѣрьми̇̀), и҆ пти́цами нб҃ными, и҆ всѣ́ми скота́ми, и҆ все́ю земле́ю, и҆ всѣ́ми га́дами пресмыка́ющимисѧ по земли̇̀.

к҃ѳ. И҆ речѐ Бг҃ъ: се̇̀ да́хъ ва́мъ всѧ́кꙋю травꙋ̀ сѣ́меннꙋю, сѣ́ющꙋю сѣ́мѧ, є҆́же є҆́сть верхꙋ̀ земли̇̀ всеѧ̀: и҆ всѧ́кое дре́во, є҆́же и҆́мать въ себѣ̀ пло́дъ сѣ́мене сѣ́меннагѡ, ва́мъ бꙋ́детъ въ снѣ́дь.

л҃. И҆ всѣ̑мъ ѕвѣре́мъ земны́мъ, и҆ всѣ̑мъ пти́цамъ нб҃снымъ, и҆ всѧ́комꙋ га́дꙋ, пресмыка́ющемꙋсѧ по земли̇̀, и҆́же и҆́мать въ себѣ̀ дꙋ́шꙋ живота̀, и҆ всѧ́кꙋ травꙋ̀ зеле́нꙋ въ снѣ́дь: и҆ бы́сть та́кѡ.

л҃а. И҆ ви́дѣ Бг҃ъ всѧ̑, є҆ли̑ка сотвори̇̀: и҆ се̇̀ дѡбра̀ ѕѣлѡ̀, и҆ бы́сть ве́черъ, и҆ бы́сть ᲂу҆́тро, де́нь шесты́й.

2. Грѣхопаденіе прародителей.

а҃. Ѕмі́й же бѣ̀ мꙋдрѣ́йшїй всѣ́хъ ѕвѣре́й, сꙋ́щихъ на земли̇̀, и҆̀хже сотвори̇̀ Гдⷭ҇ь Бг҃ъ, и҆ речѐ ѕмі́й женѣ̀: что̀ ꙗ҆́кѡ речѐ Бг҃ъ: да не ꙗ҆́сте ѿ всѧ́кагѡ дре́ва ра́йскагѡ; в҃. И҆ речѐ жена̀ ѕмі́ю: ѿ всѧ́кагѡ дре́ва ра́йскагѡ ꙗ҆́сти бꙋ́демъ: г҃. ѿ плода́ же дре́ва, є҆́же є҆́сть посредѣ̀ Раѧ̀, речѐ Бг҃ъ, да не ꙗ҆́сте ѿ негѡ̀, нижѐ прикосне́тесѧ є҆мꙋ̀, да не оу҆́мрете. д҃. И҆ речѐ ѕмі́й женѣ̀: не смерті́ю оу҆́мрете. є҃. Вѣ́дѧше бо Бг҃ъ, ꙗ҆́кѡ въ ѻ҆́ньже а҆́ще де́нь снѣ́сте ѿ негѡ̀, ѿве́рзꙋтсѧ ѻ҆́чи ва́ши, и҆ бꙋ́дете ꙗ҆́кѡ бо́зи, вѣ́дѧще до́брое и҆ лꙋка́вое. ѕ҃. И҆ ви́дѣ жена̀, ꙗ҆́кѡ добро̀ дре́во въ снѣ́дь, и҆ ꙗ҆́кѡ оу҆го́дно ѻ҆чи́ма ви́дѣти, и҆ красно̀ є҆́сть є҆́же разꙋмѣ́ти: и҆ взе́мши ѿ плода̀ є҆гѡ̀, ꙗ҆дѐ: и҆ дадѐ мꙋ́жꙋ своемꙋ̀ съ собо́ю, и҆ ꙗ҆до́ста. з҃. И҆ ѿверзо́шасѧ ѻ҆́чи ѻ҆бѣ́ма, и҆ разꙋмѣ́ша, ꙗ҆́кѡ на́зи бѣ́ша: и҆ сши́ста ли́ствїе смоко́вное, и҆ сотвори́ста себѣ̀ препоѧ̑санїѧ.

3. Наказаніе за грѣхъ и надежда на спасеніе.

и҃. И҆ оу҆слы́шаста гла́съ Гдⷭ҇а Бг҃а ходѧ́ща въ Раѝ по полꙋ́дни: и҆ скры́стасѧ А҆да́мъ же и҆ жена̀ є҆гѡ̀ ѿ лица̀ Гдⷭ҇а Бг҃а посредѣ̀ дре́ва ра́йскагѡ. ѳ҃. И҆ призва̀ Гдⷭ҇ь Бг҃ъ А҆да́ма, и҆ речѐ є҆мꙋ̀: А҆да́ме, гдѣ̀

є҆сѝ; і҃. И҆ речѐ є҆мꙋ̀: гла́съ слы́шахъ Тебѐ ходѧ́ща въ Раѝ, и҆ оу҆боѧ́хсѧ, ꙗ҆́кѡ на́гъ є҆́смь, и҆ скры́хсѧ. а҃і. И҆ речѐ є҆мꙋ̀ Бг҃ъ: кто̀ возвѣстѝ тебѣ̀, ꙗ҆́кѡ на́гъ є҆сѝ, а҆́ще не бы̀ ѿ дре́ва, є҆го́же заповѣ́дахъ тебѣ̀ сегѡ̀ є҆ди́нагѡ не ꙗ҆́сти, ѿ негѡ̀ ꙗ҆́лъ є҆сѝ; в҃і. И҆ речѐ А҆да́мъ: жена̀, ю҆́же да́лъ є҆сѝ со мно́ю, та̀ мѝ дадѐ ѿ дре́ва, и҆ ꙗ҆до́хъ, г҃і. И҆ речѐ Гдⷭ҇ь Бг҃ъ женѣ̀: что̀ сїѐ сотвори́ла є҆сѝ; и҆ речѐ жена̀: ѕмі́й прельстѝ мѧ̀, и҆ ꙗ҆до́хъ. д҃і. И҆ речѐ Гдⷭ҇ь Бг҃ъ ѕмі́ю: ꙗ҆́кѡ сотвори́лъ є҆сѝ сїѐ, про́клѧтъ ты̀ ѿ всѣ́хъ скотѡ́въ, и҆ ѿ всѣ́хъ ѕвѣре́й земны́хъ: на пе́рсѣхъ твои́хъ и҆ чре́вѣ ходи́ти бꙋ́деши, и҆ зе́млю снѣ́си всѧ̑ дни̑ живота̀ твоегѡ̀. є҃і. И҆ враждꙋ̀ положꙋ̀ междꙋ̀ тобо́ю, и҆ междꙋ̀ жено́ю, и҆ междꙋ̀ сѣ́менемъ твои́мъ, и҆ междꙋ̀ сѣ́менемъ тоѧ̀: То́й твою̀ блюстѝ бꙋ́детъ главꙋ̀, и҆ ты̀ блюстѝ бꙋ́деши є҆гѡ̀ пѧ́тꙋ. ѕ҃і. И҆ женѣ̀ речѐ: оу҆множа́ѧ оу҆мно́жꙋ печа̑ли твоѧ̑, и҆ воздыха̑нїѧ твоѧ̑: въ болѣ́знехъ роди́ши ча̑да: и҆ къ мꙋ́жꙋ твоемꙋ̀ ѡ҆бращє́нїе твоѐ, и҆ то́й тобо́ю ѡ҆блада́ти бꙋ́детъ. з҃і. И҆ А҆да́мꙋ речѐ: ꙗ҆́кѡ послꙋ́шалъ є҆сѝ гла́са жены̀ твоеѧ̀, и҆ ꙗ҆́лъ є҆сѝ ѿ дре́ва, є҆го́же заповѣ́дахъ тебѣ̀ сегѡ̀ є҆ди́нагѡ не ꙗ҆́сти, ѿ негѡ̀ ꙗ҆́лъ є҆сѝ: проклѧта̀ землѧ̀ въ дѣ́лехъ твои́хъ, въ печа́лехъ снѣ́си тꙋ́ю всѧ̑ дни̑ живота̀ твоегѡ̀: и҃і. Те́рнїѧ и҆ волчцы̀ возрасти́тъ тебѣ̀, и҆ снѣ́си травꙋ̀ се́льнꙋю. ѳ҃і. Въ по́тѣ лица̀ твоегѡ̀ снѣ́си хлѣ́бъ тво́й, до́ндеже возврати́шисѧ

въ землю, ѿ неяже взятъ еси: яко земля еси, и въ землю ѿидеши. к҃. И нарече Адамъ имя женѣ своей, Жизнь, яко та мати всѣхъ живꙋщихъ. к҃а. И сотвори Гдь Бгъ Адамꙋ и женѣ его ризы кожаны, и ѡблече ихъ. к҃в. И рече Бгъ: се Адамъ бысть яко единъ ѿ Насъ, еже разꙋмѣти доброе и лꙋкавое, и нынѣ да не когда простретъ рꙋкꙋ свою и возьметъ ѿ древа жизни, и снѣстъ, и живъ бꙋдетъ во вѣкъ. к҃г. И изгна его Гдь Бгъ изъ Рая сладости, дѣлати землю, ѿ неяже взятъ бысть. к҃д. И изринꙋ Адама, и всели его прямѡ Рая сладости: и пристави херꙋвіма, и пламенное ѡрꙋжїе ѡбращаемое, хранити пꙋть древа жизни.

4. Рождество Богородицы.

Въ невелицѣмъ градѣ Їꙋдейстѣмъ, Назаретѣ, живяше нѣкїй благочестивый и бголюбивый мꙋжъ, именемъ Їѡакімъ. Жена ємꙋ бысть стая и праведная Анна. Праведницы сїи, достигше старости, не имѣста чадъ, занѐ Анна бѣ неплоды. Їѡакімъ и Анна непрестаннѡ молиста Гда, да дарꙋетъ има чадо. Молитва праведныхъ ꙋслышана бысть Бгомъ. Ѻнъ посла има въ старости глꙋбоцѣй велїю и неизреченнꙋю радость, даровавъ има дщерь, Марїю, яже последи бысть пренепорочная Матерь Гда нашегѡ Їиса Хрта, и застꙋпница рода хрїстїанска.

5. Введеніе во храмъ Пресвятой Богородицы.

Іѡакі́мъ и҆ А҆́нна, роди́телѧ преблгослове́нной Дв҃ы Марі́и, є҆щѐ до рожде́нїѧ є҆ѧ̀, да́ста ѡ҆бѣ́тъ Бг҃ꙋ посвѧти́ти є҆мꙋ̀ ча́до, є҆́же бꙋ́детъ дано̀ и҆́ма ѿ Гд҃а: та́кѡ и҆ сотвори́ста пра́ведницы. Є҆гда̀ пре-ст҃ѣ́й Дв҃ѣ Марі́и, ꙗ҆́же бы́сть и҆спроше́на и҆́ми ѿ Гд҃а, и҆спо́лнишасѧ трѝ лѣ҃та, Іѡакі́мъ и҆ А҆́нна со-зва́ста всѣ́хъ срѡ́дникъ и҆ зна́емыхъ свои́хъ, при-гласи́ста ѻ҆трокови́цъ, све́рстницъ дще́ре своеѧ̀ и҆ ѡ҆бле́кше ю҃ ꙗ҆́кѡ дще́рь царе́вꙋ, съ возжже́нными свѣщи҃, при мно́жествѣ наро́да, велелѣ́пнѡ введо́-ста ю҃ во хра́мъ Іерꙋсали́мскїй. Во хра́мѣ се́мъ пренепоро́чнаѧ Марі́ѧ пребы́сть до и҆сполне́нїѧ вре́-мени воспита́нїѧ своегѡ̀, подвиза́ющисѧ въ мо-ли́твѣ, богомы́слїи, чте́нїи сло́ва Бо́жїѧ и҆ и҆ны́хъ добродѣ́телехъ.

6. Благовѣщеніе.

По́сланъ бы́сть а҆́гг҃лъ Гаврїи́лъ ѿ Бг҃а во гра́дъ Галїле́йскїй, є҆мꙋ́же и҆́мѧ Назаре́тъ, къ Дв҃ѣ ѡ҆брꙋ-че́ннѣй мꙋ́жеви, є҆мꙋ́же и҆́мѧ Іѡ́сифъ, ѿ до́мꙋ Дв҃дова: и҆ и҆́мѧ Дв҃ѣ Мр҃їа́мь.

И҆ вше́дъ къ не́й а҆́гг҃лъ речѐ: ра́дꙋйсѧ, блгⷣтнаѧ: Гдⷭ҇ь съ тобо́ю: бл҃гослове́на ты̀ въ жена́хъ.

Ѻна́ же ви́дѣвши смꙋти́сѧ ѡ҆ словесѝ є҆гѡ̀ и҆ помышлѧ́ше, каково̀ бꙋ́детъ цѣлова́нїе сїѐ.

И҆ речѐ а҆́гг҃лъ є҆́й: не бо́йсѧ, Мр҃їа́мь: ѡ҆брѣла́ бо є҆сѝ бл҃гть оу҆ Бг҃а: И҆ сѐ, зачне́ши во чре́вѣ и҆ роди́ши сн҃а, и҆ нарече́ши и҆́мѧ є҆мꙋ̀ І҆и҃съ: се́й бꙋ́детъ ве́лїй, и҆ Сн҃ъ Вы́шнѧгѡ нарече́тсѧ: и҆ да́стъ є҆мꙋ̀ Гдⷭ҇ь Бг҃ъ прⷭ҇то́лъ Дв҃да Ѻ҆тца̀ є҆гѡ̀: и҆ воцр҃и́тсѧ въ домꙋ̀ І҆а́кѡвли во вѣ́ки, и҆ црⷭ҇твїю є҆гѡ̀ не бꙋ́детъ конца̀.

Рече́ же Мр҃їа́мь: сѐ, раба̀ Гдⷭ҇нѧ: бꙋ́ди мнѣ̀ по глаго́лꙋ твоемꙋ̀. И҆ ѿи́де ѿ неѧ̀ а҆́гг҃лъ.

7. Рождество Христово.

И҆зы́де повелѣ́нїе ѿ ке́сарѧ А҆́вгꙋста написа́ти всю̀ вселе́ннꙋю. И҆ и҆дѧ́хꙋ всѝ написа́тисѧ, ко́ждо во сво́й гра́дъ.

Взы́де же и҆ І҆ѡ́сифъ ѿ Галїле́и, и҆з̀ гра́да Назаре́та, во І҆ꙋде́ю, во гра́дъ Дв҃довъ, и҆́же нарица́етсѧ Виѳлее́мъ, занѐ бы́ти є҆мꙋ̀ ѿ до́мꙋ и҆ Ѻ҆те́чества Дв҃дова, написа́тисѧ съ Марі́ею, ѡ҆брꙋче́нною є҆мꙋ̀ жено́ю, сꙋ́щею непра́здною.

Бы́сть же, є҆гда̀ бы́ста та́мѡ, и҆спо́лнишасѧ дні́е роди́ти є҆́й: и҆ родѝ Сн҃а своего̀ пе́рвенца, и҆ пови́тъ є҆го̀, и҆ положѝ є҆го̀ въ ꙗ҆́слехъ: занѐ не бѣ̀ и҆́мъ мѣ́ста во ѡ҆би́тели.

8. Срѣтеніе Господне.

Бѣ человѣкъ во Іерⷭ҇лимѣ, ємꙋже имѧ Сѵмеѡнъ. И человѣкъ сей прⷣвнъ и бл҃гочⷭ҇тивъ, чаѧ оутѣхи Іи҃левы: и Дх҃ъ бѣ Ст҃ъ въ немъ. И бѣ ємꙋ ѡбѣщанно Дх҃омъ Ст҃ымъ, не видѣти смерти, прежде даже не видитъ Хрⷭ҇та Гдⷭ҇нѧ.

И пріиде дꙋхомъ въ церковь. И єгда введоста родителѧ ѻтроча Іи҃са, сотворити има по ѡбычаю законномꙋ ѡ немъ, и той пріемь єго на рꙋкꙋ своєю, и благослови Бг҃а, и рече: Нн҃ѣ ѿпꙋщаеши раба твоего, Влⷣко, по гл҃голꙋ твоемꙋ, съ миромъ: ꙗкѡ видѣстѣ ѻчи мои спⷭ҇ніе твое, єже єси оуготовалъ предъ лицемъ всѣхъ людей: свѣтъ во ѿкровеніе ꙗзыкѡмъ, и славꙋ людей твоихъ Іи҃лѧ.

И бѣ Іѡсифъ и мт҃и єгѡ чꙋдѧщасѧ ѡ глаголемыхъ ѡ немъ.

9. Іоаннъ Креститель.

Бысть гл҃голъ Бж҃їй ко Іѡаннꙋ Захарїинꙋ сынꙋ въ пꙋстыни. И пріиде во всю странꙋ Іорданскꙋю, проповѣдаѧ крⷭ҇щеніе покаѧніѧ во ѡставленіе грѣхѡвъ. И вопрошахꙋ єго народи, глаголюще: что оубо сотворимъ;

Ѿвѣща́въ же глаго́ла и҆́мъ: и҆мѣ́ѧй двѣ ри҆зѣ, да пода́стъ неимꙋ́щемꙋ: и҆ и҆мѣ́ѧй бра҆шна, та́кожде да твори́тъ.

Ю. Крещеніе Господне.

Прїи́де І҆и҃съ ѿ Назаре́та галїле́йскагѡ и҆ кр҃ти́сѧ ѿ І҆ѡа́нна во І҆орда́нѣ.

И҆ а҆́бїе, восходѧ̀ ѿ воды̀, ви́дѣ разводѧ̑щасѧ небеса̀ и҆ Дх҃а, ꙗ҆́кѡ го́лꙋбѧ, сходѧ́ща на́нь. И҆ гла́съ бы́сть съ небесѐ: Ты̀ є҆сѝ Сн҃ъ мо́й возлю́бленный, ѡ҆ не́мже бл҃говоли́хъ.

II. Преображеніе Господне.

Поѧ́тъ І҆и҃съ Петра̀ и҆ І҆а́кѡва и҆ І҆ѡа́нна бра́та є҆гѡ̀, и҆ возведѐ и҆́хъ на горꙋ̀ высокꙋ̀ є҆ди́ны. И҆ преѡбрази́сѧ пред̾ ни́ми: и҆ просвѣти́сѧ лицѐ є҆гѡ̀ ꙗ҆́кѡ со́лнце, ри҆зы же є҆гѡ̀ бы́ша бѣлы̀ ꙗ҆́кѡ свѣ́тъ. И҆ сѐ, ꙗ҆ви́стасѧ и҆́мъ Моѷсе́й и҆ И҆лїа̀, съ ни́мъ глагѡ́люща.

Ѿвѣща́въ же Пе́тръ речѐ ко І҆и҃сови: Гд҃и, добро̀ є҆́сть на́мъ здѣ̀ бы́ти: а҆́ще хо́щеши, сотвори́мъ здѣ̀ трѝ сѣ́ни, тебѣ̀ є҆ди́нꙋ, и҆ Мѡѷсе́ови є҆ди́нꙋ, и҆ є҆ди́нꙋ И҆лїѝ.

Є҆ще́ же є҆мꙋ̀ глаго́лющꙋ, сѐ, ѡ҆́блакъ свѣ́телъ ѡ҆сѣнѝ и҆́хъ: и҆ сѐ, гла́съ и҆з̾ ѡ҆́блака гл҃ѧ: се́й є҆́сть

Сн҃ъ мо́й возлю́бленный, ѡ҆ не́мже бл҃говоли́хъ: тогѡ̀ послꙋ́шайте.

И҆ слы́шавше оу҆чн҃цы̀ падо́ша ни́цы и҆ оу҆боѧ́шасѧ ѕѣлѡ̀.

И҆ присту́пль І҆и҃съ прикоснꙋ́сѧ и҆́хъ и҆ речѐ: воста́ните и҆ не ко́йтесѧ. Возве́дше же о҆́чи свои̇̀, никого́же ви́дѣша, то́кмѡ І҆и҃са є҆ди́нагѡ.

И҆ сходѧ́щымъ и҆̀мъ съ горы̀, заповѣ́да и҆̀мъ І҆и҃съ, гл҃ѧ: никомꙋ́же повѣ́дите видѣ́нїѧ, до́ндеже сн҃ъ чл҃вѣ́ческїй и҆з̾ ме́ртвыхъ воскр҃нетъ.

12. Входъ Господень во Іерусалимъ.

Є҆гда̀ прибли́жишасѧ во І҆ер҃ли́мъ и҆ прїидо́ша въ Виѳсфагі́ю къ горѣ̀ є҆леѡ́нстѣй, тогда̀ І҆и҃съ посла̀ два̀ оу҆чн҃ка̑, гл҃ѧ и҆́ма: и҆ди́та въ ве́сь, ꙗ҆́же прѧ́мѡ ва́ма: и҆ а҆́бїе ѡ҆брѧ́щета ѻ҆слѧ̀ привѧ́зано, и҆ жребѧ̀ съ ни́мъ: ѿрѣши̑вша приведи́та мѝ: и҆ а҆́ще ва́ма кто̀ рече́тъ что̀, рече́та, ꙗ҆́кѡ Гдⷭ҇ь є҆ю̀ тре́бꙋетъ: а҆́бїе же по́слетъ ѧ҃.

Ше́дша же оу҆чн҃ка̑ и҆ сотвори́ша, ꙗ҆́коже повелѣ̀ и҆́ма І҆и҃съ. Приведо́ста ѻ҆слѧ̀ и҆ жребѧ̀: и҆ возложи́ша верхꙋ̀ є҆ю̀ ри̑зы своѧ̑, и҆ всѣ́де верхꙋ̀ и҆́хъ.

Мно́жайшїи же наро́ди постила́хꙋ ри̑зы своѧ̑ по пꙋти̇̀: дрꙋзі́и же рѣ́захꙋ вѣ̑тви ѿ дре́въ и҆ постила́хꙋ по пꙋти̇̀. Наро́ди же предходѧ́щїи є҆мꙋ̀ и҆ вслѣ́дствꙋющїи зва́хꙋ, глаго́люще: ѡ҆са́нна сн҃ꙋ Дв҃до-

въ: благѣнъ градый во имя Гдне: осанна въ вышнихъ.

И вшедшу ему во Іерлимъ, потрясеся весь градъ, глаголя: кто есть сей; Народи же глаголахуть: сей Іисъ пророкъ, иже отъ Назарета галилейска.

13. Тайная вечеря.

Пріиде день опрѣснокъ, въ оньже подобаше жрети пасху. И посла Петра и Іоанна, рекъ: шедша уготовайта намъ пасху, да ямы.

Она же рекоста ему: гдѣ хощеши уготоваемъ;

Онъ же рече имъ: се, восходящема вама во градъ, срящетъ вы человѣкъ въ скудельницѣ воду нося: по немъ идѣта въ домъ, въ оньже входитъ, и рцѣта домови владыцѣ: глетъ тебѣ учитель: гдѣ есть обитель, идѣже пасху со учники моими снѣмъ; И той вама покажетъ горницу велію постлану: тамо уготовайта.

Шедша же обрѣтоста, якоже рече имъ: и уготоваста пасху.

И егда бысть часъ, возлеже, и оканадесяте апла съ нимъ. И рече къ нимъ: желаніемъ вожелѣхъ сію пасху пасти съ вами, прежде даже не пріимуть мукъ: глю бо вамъ, яко отселѣ не имамъ пасти отъ нея, дондеже скончаются во цртвіи Божіи.

И пріимъ хлѣбъ, хвалу воздавъ, преломи и даде имъ, глаг: Сіе есть тѣло мое, еже за вы даемо: сіе творите въ мое воспоминаніе. Такожде же и чашу по вечери, глаг: Сія чаша новый завѣтъ моею кровію, иже за вы проливается.

14. Іуда предатель.

Іуда, единъ отъ двоюнадесяте, пріиде, и съ ними народъ многъ со оружіемъ и дреколіми, отъ архіереи и старецъ людскихъ. Предаяй же его даде имъ знаменіе глаголя: егоже аще лобжу, той есть, имите его. И абіе приступль ко Іисови, рече: радуйся, равві. И облобыза его.

Іисъ же рече ему: дружже, на сіе ли пришелъ еси;

Тогда приступльше возложиша руцѣ на Іиса и яша его. Воини емше Іиса ведоша къ Каіафѣ архіереови, идѣже книжницы и старцы собрашася.

15. Судъ надъ Господомъ Іисусомъ.

Оутру же бывшу, совѣтъ сотвориша вси архіереє и старцы людстіи на Іиса, яко убити его.

И связавше его, ведоша и предаша его понтійскому Пілату игемону.

Собравшымся же имъ, рече имъ Пілатъ: кого хощете отпущу вамъ: Варавву ли, или Іиса глаго-

лемаго Хр҃та̀; Вѣ́дѧше бо, ꙗ҆́кѡ за́висти ра́ди пре-да́ша є҆го̀.

Ѻ҆ни́ же рѣ́ша: Вара́ввꙋ.

Глаго́ла и҆̀мъ Пїла́тъ: что̀ ᲂу҆̀бо сотворю̀ І҆и҃сꙋ, глаго́лемомꙋ Хр҃тꙋ̀;

Глаго́лаша є҆мꙋ̀ всѝ: да ра́спѧтъ бꙋ́детъ.

И҆ге́мѡнъ же речѐ: ко́е ᲂу҆́бѡ ѕло̀ сотворѝ;

Ѻ҆ни́ же и҆́злиха вопїѧ́хꙋ, глаго́люще: да про́-пѧтъ бꙋ́детъ.

Ви́дѣвъ же Пїла́тъ, ꙗ҆́кѡ ничто́же ᲂу҆спѣва́етъ, но па́че молва̀ быва́етъ, прїе́мь во́дꙋ, ᲂу҆мы̀ рꙋ́цѣ пред̾ наро́домъ, глаго́лѧ: непови́ненъ є҆́смь ѿ кро́ве прв҃нагѡ сегѡ̀: вы̀ ᲂу҆́зрите.

И҆ ѿвѣща́въ всѝ лю́дїе рѣ́ша: кро́вь є҆гѡ̀ на на́съ и҆ на ча́дѣхъ на́шихъ.

Тогда̀ ѿпꙋстѝ и҆̀мъ Вара́ввꙋ: І҆и҃са же би́въ пре-дадѐ и҆̀мъ, да є҆го̀ про́пнꙋтъ.

16. Распятіе.

И҆ ꙗ҆́кѡ поведо́ша є҆го̀, є҆́мше Сі́мѡна нѣ́коего кѵ̈рине́а, грѧдꙋ́ща съ села̀, возложи́ша на́нь кр҃тъ нестѝ по І҆и҃сѣ.

И҆дѧ́ше же вслѣ́дъ є҆гѡ̀ наро́дъ мно́гъ люді́й, и҆ жены̀, ꙗ҆̀же и҆ пла́кахꙋсѧ, и҆ рыда́хꙋ є҆гѡ̀. Ведѧ́хꙋ же и҆ и҆́на два̀ ѕлодѣ̑ѧ съ ни́мъ ᲂу҆би́ти. И҆ є҆гда̀ прїидо́ша на мѣ́сто, нарица́емое ло́бное, тꙋ̀ распѧ́ша

є҆го̀ и҆ ѕлодѣ̑ѧ, ѻ҆́ваго ᲂу҆́бѡ ѡ҆деснꙋ́ю, а҆ дрꙋга́го ѡ҆шꙋ́юю.

І҆и҃съ же гл҃аше: ѻ҆́ч҃е, ѿпꙋстѝ и҆̀мъ, не вѣ́дѧтъ бо̀ что̀ творѧ́тъ.

17. Благоразумный разбойникъ.

Є҆ди́нъ ѿ ѡ҆бѣ́шеною ѕлодѣ́ю хꙋлѧ́ше є҆го̀, глаго́лѧ: а҆́ще ты̀ є҆сѝ Хрⷭ҇то́съ, сп҃сѝ себѐ и҆ на́ю.

Ѿвѣща́въ же дрꙋгі́й преща́ше є҆мꙋ̀, глаго́лѧ: ни лѝ ты̀ бои́шисѧ Бг҃а, ꙗ҆́кѡ въ то́мже ѡ҆сꙋжде́нъ є҆сѝ; И҆ мы̀ ᲂу҆́бѡ въ пра́вдꙋ: досто́йнаѧ бо по дѣ́лѡмъ на́ю воспрїе́млева: се́й же ни є҆ди́нагѡ ѕла̀ сотворѝ. И҆ глаго́лаше І҆и҃сови: помѧнѝ мѧ̀, Гд҇и, є҆гда̀ прїи́деши во црⷭ҇твїи сѝ.

И҆ речѐ є҆мꙋ̀ І҆и҃съ: а҆ми́нь гл҃ю тебѣ̀, дне́сь со мно́ю бꙋ́деши въ раѝ.

18. Смерть Господа Іисуса.

Бѣ̀ же ча́съ ꙗ҆́кѡ ше́стый, и҆ тьма̀ бы́сть по все́й землѝ до ча́са девѧ́тагѡ: И҆ поме́рче со́лнце, и҆ завѣ́са церко́внаѧ раздра́сѧ посредѣ̀.

И҆ возгла́шь гла́сомъ ве́лїимъ І҆и҃съ, речѐ: ѻ҆́ч҃е, въ рꙋ́цѣ твоѝ предаю̀ дꙋ́хъ мо́й. И҆ сїѧ̀ ре́къ, и҆спꙋстѝ дꙋ́хъ.

Ви́дѣвъ же со́тникъ бы́вшее, просла́ви Бг҃а, глаго́лѧ: вои́стиннꙋ чл҃вѣ́къ се́й прв҃нъ бѣ̀.

19. Погребеніе Господа Іисуса.

Моли̑ Пїла́та Іѡ́сифъ, и҆́же ѿ а҆рїмаѳе́а, сы́й оу҆чн҃къ І҆и҃совъ, потае́нъ же стра́ха ра́ди і҆ꙋде́йска да во́зьметъ тѣ́ло І҆и҃сово: и҆ повелѣ̀ Пїла́тъ.

Прїи́де же и҆ взѧ́тъ тѣ́ло І҆и҃сово. Прїи́де же и҆ Нїкоди́мъ, носѧ̀ смѣше́нїе смѵ́рнено и҆ а҆ло́йно, ꙗ҆́кѡ лі́тръ сто̀. Прїѧ́ста же тѣ́ло І҆и҃сово и҆ ѡ҆бви́ста є҆ ри́зами со а҆рѡма̑ты, ꙗ҆́коже ѡ҆бы́чай є҆́сть і҆ꙋде́ѡмъ погреба́ти. Бѣ̀ же на мѣ́стѣ, и҆дѣ́же распѧ́тсѧ, ве́ртъ, и҆ въ ве́ртѣ гро́бъ но́въ, въ не́мже николи́же никто́же положе́нъ бѣ̀: тꙋ̀ оу҆̀бо пѧтка̀ ра́ди і҆ꙋде́йска, ꙗ҆́кѡ бли́з бѧ́ше гро́бъ, положи́ста І҆и҃са.

20. Воскресеніе Христово.

По ве́чери сꙋббо́тнѣмъ, свита́ющи во є҆ди́нꙋ ѿ сꙋббѡ́тъ, прїи́де Марі́а Магдали́на и҆ дрꙋга́ѧ Марі́ѧ, ви́дѣти гро́бъ.

И҆ се̑, трꙋ́съ бы́сть ве́лїй: а҆́гг҃лъ бо Гд҃ень сше́дъ съ нб҃се̑, пристꙋ́пль ѿвали̑ ка́мень ѿ две́рїй гро́ба, сѣдѧ́ше на не́мъ. Бѣ̀ же зра́къ є҆гѡ̀ ꙗ҆́кѡ мо́лнїѧ, и҆ ѡ҆дѣѧ́нїе є҆гѡ̀ бѣло̀ ꙗ҆́кѡ снѣ́гъ. Ѿ стра́-

ха же є҆гѡ̀ сотрѧсо́шасѧ стрегꙋ́щїи и҆ бы́ша ꙗ҆́кѡ мє́ртви.

Ѿвѣща́въ же а҆́гг҃лъ речѐ жена́мъ: не бо́йтесѧ вы̀: вѣ́мъ бо, ꙗ҆́кѡ і҆и҃са распѧ́таго и҆́щете: нѣ́сть здѣ̀: воста́ бо, ꙗ҆́коже речѐ: прїиди́те, ви́дите мѣ́сто, и҆дѣ́же лежа̀ гдⷭ҇ь, и҆ ско́рѡ ше́дше рцы́те ᲂу҆чн҃кѡ́мъ є҆гѡ̀, ꙗ҆́кѡ воста̀ ѿ ме́ртвыхъ и҆ сѐ, варѧ́етъ вы̀ въ галїле́и: та́мѡ є҆го̀ ᲂу҆́зрите. Сѐ, рѣ́хъ ва́мъ.

И҆ и҆зше́дше ско́рѡ ѿ гро́ба со стра́хомъ и҆ ра́достїю ве́лїею, теко́стѣ возвѣсти́ти ᲂу҆чн҃кѡ́мъ є҆гѡ̀.

21. Вознесеніе Господне.

Речѐ гдⷭ҇ь свои҆́мъ ᲂу҆ченикѡ́мъ: сѐ а҆́зъ послю̀ ѡ҆бѣтова́нїе ѻ҆ц҃а̀ моегѡ̀ на вы̀: вы́ же сѣди́те во гра́дѣ і҆ерⷭ҇ли́мстѣ, до́ндеже ѡ҆блече́тесѧ си́лою свы́ше.

И҆зве́дъ же и҆̀хъ во́нъ до виѳа́нїи и҆ воздви́гъ рꙋ́цѣ своѝ, и҆ бл҃гвѝ и҆̀хъ: И҆ бы́сть є҆гда̀ бл҃гвлѧ́ше и҆̀хъ, ѿстꙋпѝ ѿ ни́хъ и҆ возноша́шесѧ на не́бо.

И҆ тї́и поклони́шасѧ є҆мꙋ̀ и҆ возврати́шасѧ во і҆ерⷭ҇ли́мъ съ ра́достїю ве́ликою. И҆ бѧ́хꙋ вы́нꙋ въ це́ркви, хвалѧ́ще и҆ благословѧ́ще бг҃а.

22. Сошествіе Святаго Духа на Апостоловъ.

Єгда̀ скончава́шасѧ дні́е пѧтьдесѧ́тницы, бѣ́ша всѝ А҆пⷭ҇ли є҆диноду́шнѡ вку́пѣ. И҆ бы́сть внеза́пꙋ съ небесѐ шꙋ́мъ, ꙗ҆́кѡ носи́мꙋ дыха́нїю бꙋ́рнꙋ, и҆ и҆сполни̑ ве́сь до́мъ, и҆дѣ́же бѧ́хꙋ сѣдѧ́ще. И҆ ꙗ҆ви́шасѧ и҆̀мъ раздѣле́ни ѧ҆зы́цы ꙗ҆́кѡ ѻ҆́гненни: сѣ́де же на є҆ди́номъ ко́емждо и҆́хъ. И҆ и҆спо́лнишасѧ всѝ Дх҃а Ст҃а, и҆ нача́ша глаго́лати и҆ны́ми ѧ҆зы́ки, ꙗ҆́коже Дх҃ъ даѧ́ше и҆̀мъ провѣщава́ти. Бѧ́хꙋ же во І҆ерꙋсали́мѣ живꙋ́щїи І҆ꙋде́є, мꙋ́жїе благоговѣ́йнїи ѿ всегѡ̀ ꙗ҆зы́ка, и҆́же под̾ небесе́мъ. Бы́вшꙋ же гла́сꙋ семꙋ̀, сни́десѧ наро́дъ, и҆ смѧте́сѧ, ꙗ҆́кѡ слы́шахꙋ є҆ди́нъ кі́йждо и҆́хъ свои́мъ ѧ҆зы́комъ глаго́лющихъ и҆̀хъ. Дивлѧ́хꙋсѧ же всѝ и҆ чꙋдѧ́хꙋсѧ, глаго́люще дрꙋ́гъ ко дрꙋ́гꙋ: не се́ ли всѝ сі́и сꙋ́ть глаго́лющїи Галїле́ане; И҆ ка́кѡ мы̀ слы́шимъ кі́йждо сво́й ѧ҆зы́къ на́шъ, въ не́мже роди́хомсѧ; Оу҆жаса́хꙋсѧ же всѝ и҆ недоꙋмѣва́хꙋсѧ, дрꙋ́гъ ко дрꙋ́гꙋ глаго́люще: что̀ оу҆́бѡ хо́щетъ сїѐ бы́ти;

23. Успеніе Пресвятой Богородицы.

Ѡ҆ дни̑ всечестна́гѡ оу҆спе́нїѧ своегѡ̀ прест҃а́ѧ Дв҃а Марі́ѧ и҆звѣщена̀ бы́сть ѿ А҆рха́гг҃ла Гаврїи́ла пре́жде тре́хъ дне́й, и҆ досто́йнѡ пригото́висѧ къ

не́мꙋ. Ко дню̀ се́мꙋ, по и҆зволе́нїю Бж҃їю, всѝ А҆п҃ли собра́шасѧ чꙋде́снѡ во Іерꙋсали́мъ. Гдꙋ Бг҃ꙋ ѹ҆го́дно бы́сть, да бꙋ́дꙋтъ всѝ А҆п҃ли свидѣ́тели ми́рной конч́ины Бг҃ома́тере: да ви́дѧтъ, ка́кѡ Сы́нъ Е҆ѧ̀ І҆и҃съ Хрⷭ҇то́съ въ со́нмѣ ст҃ы́хъ А҆́гг҃лъ прїѧ̀ въ рꙋ́цѣ своѝ пречи́стꙋю дꙋ́шꙋ Мт҃ре своеѧ̀, и҆ да послꙋ́жатъ Е҆́й во бла́женнѣй кончи́нѣ Е҆ѧ̀, преда́вше ст҃о́е тѣ́ло Е҆ѧ̀ землѝ, что̀ и҆ сотвори́ша ст҃і́и А҆п҃ли. Всѝ о҆нѝ съ возже́нными свѣщы̀, съ ѱалмопѣ́нїемъ и҆ моли́твами бл҃голѣ́пнѡ несѧ́хꙋ о҆́дръ съ тѣ́ломъ Бг҃оро́дицы, е҆́же че́стнѣ и҆ преда́ша землѝ въ Геѳсима́нстѣй ве́си, недале́че ѿ І҆ерꙋсали́ма. А҆п҃лъ Ѳѡма̀ не бы́сть во І҆ерꙋсали́мѣ, е҆гда̀ преста́висѧ преблгослове́ннаѧ Дв҃а Марі́а. Тре́мъ дне́мъ мину́вшымъ, прїи́де и҆ се́й во І҆ерꙋсали́мъ, и҆ ѹ҆вѣ́дѣвъ ѡ҆ кончи́нѣ и҆ погребе́нїи Приснодѣ́вы, восхотѣ̀ ѹ҆ви́дѣти гро́бъ и҆ че́стное тѣ́ло Е҆ѧ̀: е҆гда̀ же ѿкры́тъ бы́сть гро́бъ, въ не́мъ не ѡ҆брѣ́тесѧ тѣ́лесѐ Е҆ѧ̀. Гдⷭ҇ь, тридне́внѡ воскре́сый и҆з ме́ртвыхъ, воскресѝ въ тре́тїй де́нь ѿ гро́ба и҆ пречи́стꙋю Мт҃рь свою̀. Въ ве́черъ тогѡ́же днѐ, всѝ А҆п҃ли ѹ҆ви́дѣша прест҃ꙋ́ю Вл҃чцꙋ на́шꙋ Бг҃оро́дицꙋ на возд́ꙋсѣ, ꙗ҆́же речѐ и҆̀мъ: Ра́дꙋйтесѧ, А҆́зъ е҆́смь при́снѡ съ ва́ми.

24. Воздвиженіе Креста Господня.

Кре́стъ, на не́мже пло́тїю пострада̀ и҆ ᲂу҆́мре Гдⷭ҇ь на́шъ І҆и҃съ Хрⷭ҇то́съ, ѻ҆́колѡ тре́хъ вѣкѡ́въ бѣ̀ сокры́тъ ѿ хрїстїа́нъ. Ѡ҆брѣ́тенъ бы́сть се́й пречестны́й Кре́стъ Госпо́день, по и҆зволе́нїю Бо́жїю, св. благовѣ́рною и҆ равноапо́стольною цари́цею Є҆ле́ною, ма́терью Ри́мскагѡ І҆мпера́тора, св. равноапо́стольнагѡ Кѡнстанті́на, и҆́же пе́рвый и҆з І҆мпера́торѡвъ Ри́мскихъ воспрїѧ̀ вѣ́рꙋ хрїстїа́нскꙋю и҆ содѣ́ла ю҆̀ госпо́дствꙋющею во вселе́нной. Ѡ҆брѣ́те же свѧта́ѧ равноапо́стольнаѧ Є҆ле́на Кре́стъ Госпо́день на горѣ̀ Голго́ѳѣ, въ пеще́рѣ, кꙋ́пнѡ со кресты̀ двꙋ́хъ разбѡ́йникъ, распѧ́тыхъ со І҆и҃сомъ Хрⷭ҇то́мъ, и҆ ᲂу҆вѣ́дѣвъ по чꙋдеси̇̀ воскресе́нїѧ мертвеца̀ чрезъ прикоснове́нїе сегѡ̀ къ немꙋ̀, ꙗ҆́кѡ ѻ҆́нъ є҆́сть воистиннꙋ Кре́стъ Хрⷭ҇то́въ, воздви́же, си́рѣчь, подѧ̀ є҆го̀ и҆з земли̇̀ длѧ поклоне́нїѧ и҆ чествова́нїѧ хрїстїа́нѡмъ. Сегѡ̀ ра́ди са́мый пра́здникъ, ᲂу҆стано́вленный въ па́мѧть всера́достнагѡ собы́тїѧ сегѡ̀, нарече́сѧ Воздви́женїемъ честна́гѡ Креста̀ Госпо́днѧ.

25. Шестопсалміе.

Сла́ва въ вы́шнихъ бг҃ꙋ, и҆ на земли̇̀ ми́ръ, въ человѣ́цѣхъ бл҃говоле́нїе. Три́жды.

Гдⷭ҇и, оу҆стнѣ̀ моѝ ѿве́рзеши, и҆ оу҆ста̀ моѧ̀ возвѣстѧ́тъ хвалꙋ̀ твою̀. Два́жды.

Гдⷭ҇и, что́ сѧ оу҆мно́жиша стꙋжа́ющїи мѝ: мно́зи востаю́тъ на мѧ̀, мно́зи глаго́лютъ дꙋши̇̀ мое́й: нѣ́сть спасе́нїѧ є҆мꙋ̀ въ бз҃ѣ є҆гѡ̀. Ты́ же, гдⷭ҇и, застꙋ́пникъ мо́й є҆сѝ, сла́ва моѧ̀, и҆ возносѧ́й главꙋ̀ мою̀. Гла́сомъ мои́мъ ко гдⷭ҇ꙋ воззва́хъ, и҆ оу҆слы́ша мѧ̀ ѿ горы̀ ст҃ыѧ своеѧ̀. А҆́зъ оу҆снꙋ́хъ и҆ спа́хъ, воста́хъ, ꙗ҆́кѡ гдⷭ҇ь застꙋ́питъ мѧ̀. Не оу҆бою́сѧ ѿ те́мъ люде́й ѡ҆́крестъ напа́дающихъ на мѧ̀. Воскресни̇̀, гдⷭ҇и, спаси̇̀ мѧ̀, бж҃е мо́й, ꙗ҆́кѡ ты̀ порази́лъ є҆сѝ всѧ̑ враждꙋ́ющыѧ мѝ всꙋ́е, зꙋ́бы грѣ́шникѡвъ сокрꙋши́лъ є҆сѝ. Гдⷭ҇не є҆́сть спасе́нїе, и҆ на лю́дехъ твои́хъ бл҃гослове́нїе твоѐ. А҆́зъ оу҆снꙋ́хъ и҆ спа́хъ, воста́хъ, ꙗ҆́кѡ гдⷭ҇ь застꙋ́питъ мѧ̀.

Гдⷭ҇и, да не ꙗ҆́ростїю твое́ю ѡ҆бличи́ши мене̇̀, ниже̇̀ гнѣ́вомъ твои́мъ нака́жеши мене̇̀. Ꙗ҆́кѡ стрѣ́лы твоѧ̑ оу҆нзо́ша во мнѣ̀, и҆ оу҆тверди́лъ є҆сѝ на мнѣ̀ рꙋ́кꙋ твою̀. Нѣ́сть и҆сцѣле́нїѧ въ пло́ти мое́й ѿ лица̀ гнѣ́ва твоегѡ̀: нѣ́сть ми́ра въ косте́хъ мои́хъ ѿ лица̀ грѣ̑хъ мои́хъ. Ꙗ҆́кѡ беззакѡ́нїѧ моѧ̀ превзыдо́ша главꙋ̀ мою̀, ꙗ҆́кѡ бре́мѧ тѧ́жкое ѡ҆тѧготѣ́ша на мнѣ̀. Возсмердѣ́ша и҆ согни́ша ра̑ны моѧ̑ ѿ лица̀ безꙋ́мїѧ моегѡ̀. Пострада́хъ и҆ слѧко́хсѧ до конца̀, ве́сь де́нь сѣ́тꙋѧ хожда́хъ. Ꙗ҆́кѡ лѧ̑двїѧ моѧ̑ напо́лнишасѧ порꙋга́нїй, и҆ нѣ́сть и҆сцѣле́нїѧ въ пло́ти мое́й. Ѡ҆ѕло́бленъ бы́хъ, и҆ смири́хсѧ

до ѕѣла̀, рыка́хъ ѿ воздыха́нїѧ се́рдца моегѡ̀. Гдⷭ҇и, пред̾ тобо́ю всѐ жела́нїе моѐ, и҆ воздыха́нїе моѐ ѿ тебѐ не оу҆таи́сѧ. Се́рдце моѐ смѧте́сѧ, ѡ҆ста́ви мѧ̀ си́ла моѧ̀, и҆ свѣ́тъ о҆́чїю мое́ю, и҆ то́й нѣ́сть со мно́ю. Дрꙋ́зи мои̇̀ и҆ и҆скреннїи мои̇̀ прѧ́мѡ мнѣ̀ прибли́жишасѧ и҆ ста́ша. И҆ бли́жнїи мои̇̀ ѿдале́че менѐ ста́ша, и҆ нꙋжда́хꙋсѧ и҆́щꙋщїи дꙋ́шꙋ мою̀: и҆ и҆́щꙋщїи ѕла̑ѧ мнѣ̀ глаго́лахꙋ сꙋ́етнаѧ, и҆ льсти̑вным̾ ве́сь де́нь поꙋча́хꙋсѧ. А҆́зъ же ꙗ҆́кѡ глꙋ́хъ, не слы́шахъ, и҆ ꙗ҆́кѡ нѣ́мъ не ѿверза́ѧй оу҆́стъ свои́хъ. И҆ бы́хъ ꙗ҆́кѡ человѣ́къ не слы́шай и҆ не и҆мы́й во оу҆стѣ́хъ свои́хъ ѡ҆бличе́нїѧ. Ꙗ҆́кѡ на тѧ̀, гдⷭ҇и, оу҆пова́хъ, ты̀ оу҆слы́шиши, гдⷭ҇и бж҃е мо́й. Ꙗ҆́кѡ рѣ́хъ: да не когда̀ пора́дꙋютъ ми сѧ врази̇̀ мои̇̀, и҆ внегда̀ подвижа́тисѧ нога́мъ мои̑мъ, на мѧ̀ велерѣ́чеваша. Ꙗ҆́кѡ а҆́зъ на ра̑ны гото́въ, и҆ болѣ́знь моѧ̀ предо мно́ю є҆́сть вы́нꙋ. Ꙗ҆́кѡ беззако́нїе моѐ а҆́зъ возвѣщꙋ̀, и҆ попекꙋ́сѧ ѡ҆ грѣсѣ̀ мое́мъ. Врази́ же мои̇̀ живꙋ́тъ, и҆ оу҆крѣпи́шасѧ па́че менѐ, и҆ оу҆мно́жишасѧ ненави́дѧщїи мѧ̀ без̾ пра́вды. Воздаю́щїи ми̇̀ ѕла̑ѧ возблага̑ѧ ѡ҆болга́хꙋ мѧ̀, занѐ гонѧ́хъ бл҃госты́ню. Не ѡ҆ста́ви менѐ, гдⷭ҇и бж҃е мо́й, не ѿстꙋпи̇̀ ѿ менѐ. Вонми̇̀ въ по́мощь мою̀, гдⷭ҇и спасе́нїѧ моегѡ̀. Не ѡ҆ста́ви менѐ, гдⷭ҇и бж҃е мо́й, не ѿстꙋпи̇̀ ѿ менѐ. Вонми̇̀ въ по́мощь мою̀, гдⷭ҇и спасе́нїѧ моегѡ̀.

Бж҃е, бж҃е мо́й, къ тебѣ̀ оу҆́тренюю, возжада̀

тебѣ̀ дꙋша̀ моѧ̀, ко́ль мно́жицею тебѣ̀ пло́ть моѧ̀ въ земли̇̀ пꙋ́стѣ и҆ непрохо́днѣ, и҆ безво́днѣ. Та́кѡ во ст҃ѣмъ ꙗ҆ви́хсѧ тебѣ̀, ви́дѣти си́лꙋ твою̀ и҆ сла́вꙋ твою̀. Ꙗ҆́кѡ лꙋ́чши ми́лость твоѧ̀ па́че живѡ́тъ, ᲂу҆стнѣ̀ мои̇̀ похвали́тѣ тѧ̀. Та́кѡ бл҃гословлю̀ тѧ̀ въ живо́тѣ мое́мъ, ѡ҆ и҆́мени твое́мъ воздѣжꙋ̀ рꙋ́цѣ мои̇̀. Ꙗ҆́кѡ ѿ тꙋ́ка и҆ ма́сти да и҆спо́лнитсѧ дꙋша̀ моѧ̀, и҆ ᲂу҆стна́ма ра́дости восхва́лѧтъ тѧ̀ ᲂу҆ста̀ моѧ̀. А҆́ще помина́хъ тѧ̀ на посте́ли мое́й, на ᲂу҆́тренних поꙋча́хсѧ въ тѧ̀. Ꙗ҆́кѡ бы́лъ є҆си̇̀ по-мо́щникъ мо́й, и҆ въ кро́вѣ крилꙋ̀ твоє́ю возра́дꙋю-сѧ. Прильпѐ дꙋша̀ моѧ̀ по тебѣ̀, мене́ же прі-ѧ́тъ десни́ца твоѧ̀. Ті́и же всꙋ́е и҆ска́ша дꙋ́шꙋ мою̀, вни́дꙋтъ въ преиспѡ́днѧѧ земли̇̀: предадѧ́тсѧ въ рꙋ́ки ѡ҆рꙋ́жїѧ, ча̑сти ли́совѡмъ бꙋ́дꙋтъ. Ц҃рь же возвесели́тсѧ ѡ҆ Бз҃ѣ, похва́литсѧ всѧ́къ клены́йсѧ и҆́мъ: ꙗ҆́кѡ загради́шасѧ ᲂу҆ста̀ глаго́лющихъ непра-ве́днаѧ. На ᲂу҆́тренних поꙋча́хсѧ въ тѧ̀, ꙗ҆́кѡ бы́лъ є҆си̇̀ помо́щникъ мо́й, и҆ въ кро́вѣ крилꙋ̀ тво-є́ю возра́дꙋюсѧ. Прильпѐ дꙋша̀ моѧ̀ по тебѣ̀, мене́ же прїѧ́тъ десни́ца твоѧ̀. Сла́ва и҆ ны́нѣ: А҆ллилꙋ́їа, а҆ллилꙋ́їа, а҆ллилꙋ́їа, сла́ва тебѣ̀, бж҃е. Три́жды, без покло́нѡвъ.

Гд҃и, поми́лꙋй, три́жды. Сла́ва и҆ ны́нѣ:

Гд҃и бж҃е спасе́нїѧ моегѡ̀, во дни̇̀ воззва́хъ, и҆ въ нощи̇̀ пред̾ тобо́ю. Да вни́детъ пред̾ тѧ̀ мо-ли́тва моѧ̀, приклони̇̀ ᲂу҆́хо твоѐ къ моле́нїю мо-

емꙋ̀. Ꙗ҆́кѡ и҆спо́лнисѧ ѕѡ́лъ дꙋша̀ моѧ̀, и҆ живо́тъ мо́й а҆́дꙋ приближи́сѧ. Привмѣне́нъ бы́хъ съ низходѧ́щими въ ро́въ, бы́хъ ꙗ҆́кѡ человѣ́къ без̾ по́мощи, въ ме́ртвыхъ свобо́дь. Ꙗ҆́кѡ ꙗ҆звеннїи спѧ́щїи во гро́бѣ, и҆́хже не помѧнꙋ́лъ є҆сѝ ктомꙋ̀, и҆ ті́и ѿ рꙋкѝ твоеѧ̀ ѿриновени бы́ша. Положи́ша мѧ̀ въ ро́вѣ преиспо́днѣмъ, въ те́мныхъ и҆ сѣ́ни сме́ртнѣй. На мнѣ̀ оу҆твердисѧ ꙗ҆́рость твоѧ̀, и҆ всѧ̑ вѡ́лны твоѧ̑ наве́лъ є҆сѝ на мѧ̀. Оу҆да́лилъ є҆сѝ зна́емыхъ мои́хъ ѿ менѐ, положи́ша мѧ ме́рзость себѣ̀, пре́данъ бы́хъ, и҆ не и҆схожда́хъ: О҆́чи моѝ и҆знемого́стѣ ѿ нищеты̀, воззва́хъ къ тебѣ̀, гдⷭ҇и, ве́сь де́нь: воздѣ́хъ къ тебѣ̀ рꙋ́цѣ моѝ. Є҆да̀ ме́ртвыми твори́ши чꙋдеса̀; и҆лѝ вра́чеве воскресѧ́тъ и҆ и҆сповѣ́дѧтсѧ тебѣ̀; Є҆да̀ повѣ́сть кто̀ во гро́бѣ ми́лость твою̀, и҆ и҆́стинꙋ твою̀ въ поги́бели; Є҆да̀ позна̑на бꙋ́дꙋтъ во тьмѣ̀ чꙋдеса̀ твоѧ̑, и҆ пра́вда твоѧ̀ въ землѝ забве́ннѣй; И҆ а҆́зъ къ тебѣ̀, гдⷭ҇и, воззва́хъ, и҆ оу҆́трѡ моли́тва моѧ̀ предвари́тъ тѧ̀. Вскꙋ́ю, гдⷭ҇и. ѿрѣ́еши дꙋ́шꙋ мою̀, ѿвраща́еши лицѐ твоѐ ѿ менѐ; Ни́щь є҆́смь а҆́зъ, и҆ въ трꙋдѣ́хъ ѿ ю҆́ности моеѧ̀, возне́съ же сѧ, смири́хсѧ, и҆ и҆нземого́хъ. На мнѣ̀ преидо́ша гнѣ́ви твоѝ, оу҆страше́нїѧ твоѧ̑ возмꙋти́ша мѧ̀. Ѡ҆быдо́ша мѧ̀ ꙗ҆́кѡ вода̀, ве́сь де́нь ѡ҆держа́ша мѧ̀ вкꙋ́пѣ. Оу҆да́лилъ є҆сѝ ѿ менѐ дрꙋ́га и҆ и҆скреннѧго, и҆ зна́емыхъ мои́хъ ѿ страсте́й.

Гдⷭ҇и бж҃е спасе́нїѧ моегѡ̀, во днѝ воззва́хъ, и҆

въ нощѝ пред̾ тобо́ю. Да вни́детъ пред̾ тѧ̀ мл҃тва моѧ̑, приклонѝ оу҆́хо твоѐ къ моле́нїю моемꙋ̀.

Бл҃гослови̇̀, дꙋшѐ моѧ̀, гд҃а, и҆ всѧ̑ внꙋ́треннѧѧ моѧ̀ и҆́мѧ ст҃о́е є҆гѡ̀. Бл҃гослови̇̀, дꙋшѐ моѧ̀, гд҃а, и҆ не забыва́й всѣ́хъ воздаѧ́нїй є҆гѡ̀: ѡ҆чища́ющаго всѧ̑ беззакѡ́нїѧ твоѧ̑, и҆сцѣлѧ́ющаго всѧ̑ недꙋ́ги твоѧ̑: и҆збавлѧ́ющаго ѿ и҆стлѣ́нїѧ живо́тъ тво́й, вѣнча́ющаго тѧ̀ ми́лостїю и҆ щедро́тами: и҆сполнѧ́ющаго во бл҃ги́хъ жела́нїе твоѐ: ѡ҆бнови́тсѧ ꙗ҆́кѡ ѻ҆́рлѧ ю҆́ность твоѧ̀. Творѧ́й ми́лѡстыни гд҃ь, и҆ сꙋдьбꙋ̀ всѣ̑мъ ѡ҆би́димымъ. Сказа̀ пꙋти̑ своѧ̑ мѡѷсе́ови, сыновѡ́мъ і҆и҃левымъ хотѣ̑нїѧ своѧ̑. Ще́дръ и҆ ми́лостивъ гд҃ь, долготерпѣли́въ и҆ многоми́лостивъ. Не до конца̀ прогнѣ́ваетсѧ, нижѐ въ вѣ́къ враждꙋ́етъ. Не по беззако́нїемъ на́шымъ сотвори́лъ є҆́сть на́мъ, нижѐ по грѣхѡ́мъ на́шымъ возда́лъ є҆́сть на́мъ. Ꙗ҆́кѡ по высотѣ̀ нб҃нѣ́й ѿ земли̇̀, оу҆тверди́лъ є҆́сть гд҃ь ми́лость свою̀ на боѧ́щихсѧ є҆гѡ̀. Є҆ли́кѡ ѿстоѧ́тъ восто́цы ѿ за̑падъ, оу҆да́лилъ є҆́сть ѿ на́съ беззакѡ́нїѧ на̑ша. Ꙗ҆́коже ще́дритъ ѻ҆те́цъ сы́ны, оу҆ще́дри гд҃ь боѧ́щихсѧ є҆гѡ̀. Ꙗ҆́кѡ то́й позна̀ созда́нїе на́ше, помѧнꙋ̀, ꙗ҆́кѡ пе́рсть є҆смы̀. Человѣ́къ, ꙗ҆́кѡ трава̀ дні́е є҆гѡ̀, ꙗ҆́кѡ цвѣ́тъ се́льный, та́кѡ ѡ҆цвѣте́тъ. Ꙗ҆́кѡ дꙋ́хъ про́йде въ не́мъ, и҆ не бꙋ́детъ, и҆ не позна́етъ ктомꙋ̀ мѣ́ста своегѡ̀. Ми́лость же гд҃нѧ ѿ вѣ́ка и҆ до вѣ́ка на боѧ́щихсѧ є҆гѡ̀, и҆ пра́вда є҆гѡ̀ на сынѣ́хъ сынѡ́въ, хранѧ́щихъ

завѣтъ єгѡ̀ и҆ по́мнѧщихъ за́повѣди єгѡ̀, твори́ти ѧ҃. Гдⷭ҇ь на нб҃сѝ ᲂу҆гото́ва престо́лъ сво́й, и҆ црⷭ҇тво єгѡ̀ всѣ́ми ѡ҆блада́етъ. Бл҃гослови́те гдⷭ҇а, всѝ а҆́ггли єгѡ̀, си́льнїи крѣ́постїю, творѧ́щїи сло́во єгѡ̀, ᲂу҆слы́шати гла́съ слове́съ єгѡ̀. Благослови́те гдⷭ҇а, всѧ̑ си́лы єгѡ̀, слꙋгѝ єгѡ̀, творѧ́щїи во́лю єгѡ̀. Бл҃гослови́те гдⷭ҇а, всѧ̑ дѣла̀ єгѡ̀. На всѧ́комъ мѣ́стѣ влⷣчествїѧ єгѡ̀, бл҃гослови̇̀, дꙋше̇̀ моѧ̀, гдⷭ҇а. На всѧ́комъ мѣ́стѣ влⷣчествїѧ єгѡ̀, бл҃гослови̇̀, дꙋше̇̀ моѧ̀, гдⷭ҇а.

Гдⷭ҇и, ᲂу҆слы́ши мл҃твꙋ мою̀, внꙋши̇̀ моле́нїе мое̇̀ во и҆́стинѣ твое́й, ᲂу҆слы́ши мѧ̀ въ пра́вдѣ твое́й: И҆ не вни́ди въ сꙋ́дъ съ рабо́мъ твои́мъ, ꙗ҆́кѡ не ѡ҆правди́тсѧ пред̾ тобо́ю всѧ́къ живы́й. Ꙗ҆́кѡ погна̀ вра́гъ дꙋ́шꙋ мою̀, смири́лъ є҆́сть въ зе́млю живо́тъ мо́й: Посади́лъ мѧ̀ є҆́сть въ те́мныхъ, ꙗ҆́кѡ ме́ртвыѧ вѣ́ка. И҆ ᲂу҆ны̀ во мнѣ̀ дꙋ́хъ мо́й, во мнѣ̀ смѧте́сѧ се́рдце мое̇. Помѧнꙋ́хъ дни̑ дре́внїѧ, поꙋчи́хсѧ во всѣ́хъ дѣ́лѣхъ твои́хъ, въ творе́нїихъ рꙋкꙋ̀ твое́ю поꙋча́хсѧ. Воздѣ́хъ къ тебѣ̀ рꙋ́цѣ мои̇̀, дꙋша̀ моѧ̀ ꙗ҆́кѡ землѧ̀ безво́днаѧ тебѣ̀. Ско́рѡ ᲂу҆слы́ши мѧ̀, гдⷭ҇и, и҆счезе̇̀ дꙋ́хъ мо́й: не ѿврати̇̀ лица̀ твоегѡ̀ ѿ мене̇̀, и҆ ᲂу҆подо́блюсѧ низходѧ́щымъ въ ро́въ. Слы́шанꙋ сотвори̇̀ мнѣ̀ заꙋ́тра ми́лость твою̀, ꙗ҆́кѡ на тѧ̀ ᲂу҆пова́хъ. Скажи̇̀ мнѣ̀, гдⷭ҇и, пꙋ́ть, въ ѻ҆́ньже пойдꙋ̀, ꙗ҆́кѡ къ тебѣ̀ взѧ́хъ дꙋ́шꙋ мою̀. И҆зми́ мѧ ѿ вра́гъ мои́хъ, гдⷭ҇и, къ тебѣ̀ прибѣго́хъ, наꙋчи́ мѧ

твори́ти во́лю твою̀, ꙗ҆́кѡ ты̀ є҆сѝ бг҃ъ мо́й. Дх҃ъ тво́й бл҃гі́й наста́витъ мѧ̀ на зе́млю пра́вꙋ. И҆́мене твоегѡ̀ ра́ди, гдⷭ҇и, живи́ши мѧ̀, пра́вдою твое́ю и҆зведе́ши ѿ печа́ли дꙋ́шꙋ мою̀. И҆ ми́лостїю твое́ю потреби́ши враги̇̀ моѧ̑, и҆ погꙋби́ши всѧ̑ стꙋжа́ющыѧ дꙋши̇̀ мое́й, ꙗ҆́кѡ а҆́зъ ра́бъ тво́й є҆́смь. Оу҆слы́ши мѧ̀, гдⷭ҇и, въ пра́вдѣ твое́й, и҆ не вни́ди въ сꙋ́дъ съ рабо́мъ твои́мъ. Оу҆слы́ши мѧ̀, гдⷭ҇и, въ пра́вдѣ твое́й, и҆ не вни́ди въ сꙋ́дъ съ рабо́мъ твои́мъ. Дх҃ъ тво́й бл҃гі́й наста́витъ мѧ̀ на зе́млю пра́вꙋ.

Сла́ва и҆ ны́нѣ:

А҆ллилꙋ́їа, а҆ллилꙋ́їа, а҆ллилꙋ́їа, сла́ва тебѣ̀, бж҃е. Три́жды.

26. Начертаніе цифръ: арабскія, славянскія, римскія.

	Араб.	Слав.	Римскія.		Арабскія.	Слав.	Римскія.
Одинъ	1	а	I	Сорокъ	40	м	XL
Два	2	в	II	Пятьдесятъ	50	н	L
Три	3	г	III	Шестьдесятъ	60	ѯ	LX
Четыре	4	д	IV	Семьдесятъ	70	о	LXX
Пять	5	е	V	Восемьдесятъ	80	п	LXXX
Шесть	6	ѕ	VI	Девяносто	90	ч	XC
Семь	7	з	VII	Сто	100	р	C
Восемь	8	и	VIII	Двѣсти	200	с	CC
Девять	9	ѳ	IX	Триста	300	т	CCC
Десять	10	і	X	Четыреста	400	у	CD
Одиннадцать	11	аі	XI	Пятьсотъ	500	ф	D
Двѣнадцать	12	ві	XII	Шестьсотъ	600	х	DC
Тринадцать	13	гі	XIII	Семьсотъ	700	ѱ	DCC
Четырнадцать	14	ді	XIV	Восемьсотъ	800	ѿ	DCCC
Пятнадцать	15	еі	XV	Девятьсотъ	900	ц	CM
Шестнадцать	16	ѕі	XVI	Тысяча	1000	а	M
Семнадцать	17	зі	XVII	Двѣ тысячи	2000	в	MM
Восемнадцать	18	иі	XVIII	Три тысячи	3000	г	MMM
Девятнадцать	19	ѳі	XIX	Четыре тыс.	4000	д	MMMM
Двадцать	20	к	XX	Десять тыс.	10000	л	XM
Тридцать	30	л	XXX				

Оглавленіе.

ОТДѢЛЪ I.

стр.

1. Дѣти и солнышко, стих. . . . 1
2. Школа, стих. 2
3. Передъ урокомъ, стих. . . . —
4. Изъ жизни школьника, стих. Плещеева 3
5. Церковь, кн. Барышникова . . 4
6. Зимняя ночь въ селѣ, стих. Никитина . . . . . —
7. Село Кузьминское, стих. Некрасова 5
8. Погостъ, стих. Никитина . . . —
9. Деревня, Л. Толстого 6
10. Крестьянская изба, Потѣхина . 7
11. Въ избѣ, стих. Никитина . . . —
12. На дворѣ, Водовозова 8
13. Домашнія животныя и дикіе звѣри . . . . . —
14. Есть чѣмъ и похвастаться, Водовозова 9
15. Мышь и крыса, басня Крылова . 10
16. Пища животныхъ . . . . . —
17. Какіе зубы у животныхъ . 11
18. Корова, Ушинскаго . . . . . —
19. Выгонъ стада, нар. пѣс. . . . 13
20. Возвращеніе стада домой . . . —
21. Воронокъ, Л. Толстого . . . 14
22. Сивка, стих. . . . . —
23. На кнутѣ далеко не уѣдешь, стих. Некрасова 15
24. Безъ кнута, Погосскаго . . . —
25. Добрый совѣтъ, сказка . . . 17
26. Волкъ и пастухи, басня Крылова 18
27. Козелъ и овца, Даля . . . . —
28. Лиса и козелъ, басня 19
29. Ягненокъ, басня Крылова . . 20
30. Свинья . . . . . —
31. Свинья, басня Крылова . . . 21
32. Вѣрный другъ 22
33. Собака и лошадь, басня Крылова . . . . . —
34. Орелъ и кошка, Ушинскаго . 23
35. Собака и кошка, басня . . . 24
36. Котъ и мыши, басня . . . . —
37. Мышка, басня 25
38. Полевая мышка, стих. . . . . —
39. Домовой, Абрамова 26
40. Курица и утята, С. Аксакова . —
41. Пѣтухъ-храбрецъ, стих. . . . 28
42. Уточки . . . . . —
43. Про ворону . . . . . —
44. Галка, М. Богданова 29
45. Сорока и воронъ, басня . . . 30
46. Голубь, по Аксакову . . . . —
47. Гнѣздо голубей, стих. Никитина 31
48. Воробей на часахъ, М. Богданова 32
49. Воробьи и овсянка, басня Крылова 33
50. Ласточка-сторожъ, М. Богданова 34

стр.

51. Гнѣздо ласточки, стих. Никитина 34
52. Слова бабушки—„Добр. Сѣм.“ . 35
53. Разоренное гнѣздышко, изъ „Солнышка“ . . . . . —
54. Огородъ, хр. Басистова . . . 36
55. Картошка, разск. 37
56. Жгучая крапива, Кайгородова . 38
57. Капустная бабочка, изъ „Родн. Слова“, ч. II 39
58. Мальчикъ и мотылекъ, стих. . —
59. Улитка и бабочка, М. Сибир. 40
60. Садъ 41
61. Мой садикъ, стих. Майкова . . 42
62. Грушевое дерево, Паульсона . —
63. Яблонька, нар. пѣс. 43
64. Листья, Вагнера 44
65. Кора у деревьевъ, Л. Толстого . 45
66. Летучая мышь 46
67. Божья коровка-садовникъ, Вагнера 47
68. Паукъ и пчела, стих. Плещеева 49
69. Птицы, Ушинскаго 50
70. Осиротѣлая птичка, стих. Одоевскаго . . . . . —
71. Поле, стих. Никитина 51
72. Обработка поля, стих. Некрасова 52
73. Соха, стих. Никитина . . . . —
74. Крестьянинъ и лошадь, басня Хемницера 53
75. Колосья, стих. Жадовскаго . . —
76. Ленъ, стих. Яхонтова 55
77. Въ поле за васильками . . . 56
78. Лугъ, Паульсона 57
79. Поемные луга, Ушинскаго . . —
80. Лягушка и волъ, басня Крылова 58
81. Кротъ, М. Богданова . . . . —
82. Кротъ и ежъ, басня 60
83. Ручей, басня . . . . . —
84. Ручеекъ, стих. Козлова . . . 61
85. Ручей и рѣка . . . . . —
86. Рѣчка, стих. Водовозова . . . —
87. Два рака, басня Измайлова . . 62
88. Про щуку . . . . . —

стр.

89. Семья рыбака, стих. Плещеева 64
90. Откуда и куда текутъ рѣки, изъ книги „Товарищъ“ 65
91. Рѣки, стих. Бенедиктова . . . 68
92. Куда дѣвается вода изъ моря, Л. Толстого . . . . . —
93. Наши рѣки 69
94. Водяные пути 70
95. Корабельщики, стих. Водовозова 71
96. Сухопутныя дороги, изъ книги Барышникова . . . . . —
97. Двѣ дороги, стих. Ив. Аксакова 72
98. На озерѣ, стих. Никитина . . 73
99. Дружба лебедей, разсказъ охотника 74
100. Лебедь и соколъ, нар. пѣс. . . 76
101. Ночлегъ дикихъ гусей, Аксакова . . . . . —
102. Болото, стих. Майкова 77
103. Про журавля 78
104. Разборчивая цапля, басня . . —
105. Змѣя и піявица, басня Хемницера 79
106. Лѣсъ 80
107. Лѣсные цвѣты, стих. Плещеева . 81
108. Въ лѣсу осенью, стих. Майкова . . . . . —
109. Древесныя породы 82
110. Рубка лѣса, стих. Некрасова . 84
111. Польза отъ лѣсовъ 85
112. Лѣсъ и ручей, басня 86
113. Береза, стих. А. Толстого . . 87
114. Зародышъ дерева, съ Арабскаго . . . . . —
115. Сѣятели растеній 88
116. Лѣсные обитатели 89
117. Медвѣдь и чурбанъ, Вагнера . 90
118. Трудолюбивый медвѣдь, басня Крылова 92
119. Сѣрый бродяга, Каразина. . 93
120. Волкъ и лисица, басня Измайлова 94
121. Лисица, Вагнера . . . . . —
122. Лисица и виноградъ, басня Крылова 96
123. Какъ живетъ бѣлка, изъ „Ясн. Звѣзд.“ . . . . . —

стр.

124. Чудная бѣлка, стих. Пушкина . 98
125. Заячья семья, изъ „Ясн. Звѣзд.“ . —
126. Заяцъ на ловлѣ, басня Крылова 100
127. Ежъ и гадюка, Вагнера . . . —
128. Жуки, Разина 102
129. Лѣсной докторъ 103
130. Кукушка, басня Измайлова . . 104
131. Лѣшій 105
132. Звѣри и человѣкъ, Водовозова . 106
133. Забава, стих. . . . . —
134. Что находится въ землѣ, Баранова . . . . . —
135. Въ кузницѣ, стих. Немировича-Данченко 107
136. Магнитъ, Л. Толстого 108
137. Невидимка, Вагнера 109
138. Передъ бурей, стих. Некрасова . 110
139. Буря, стих. Пушкина 111
140. Для чего нуженъ вѣтеръ, Л. Толстого . . . . . —
141. Какъ летаютъ по воздуху, Ушинскаго 112
142. Вода, Аксакова 113
143. Водопадъ и ручей, басня Крылова 114
144. Капля воды 115
145. Мельница, стих. Никитина . . 116
146. Солнце . . . . . —
147. Труды солнышка, стих. Жуковскаго 118

ОТДѢЛЪ II.

148. Примѣты осени, стих. Грекова . 120
149. Молотьба, стих. Некрасова . —
150. Отлетъ журавлей, стих. Бекетовой 121
151. Осень, стих. Плещеева . . . —
152. Отлетъ ласточекъ 122
153. Пташки, стих. Плещеева . . . 123
154. Осеннее ведро, Тургенева . . —
155. Осенняя слякоть, его-же . . . —
156. Осень въ городѣ, стих. Никитина 124
157. Наступленіе осени, Ушинскаго . 125

стр.

158. Встрѣча зимы, стих. Никитина . 126
159. Привѣтъ русской зимѣ, стих. Вяземскаго 127
160. Зима въ деревнѣ, Григоровича . —
161. Крестьянская пирушка, стих. Кольцова 128
162. Зимняя дорога, стих. Пушкина . —
163. Метель, его-же 129
164. Зимнее утро, стих. Никитина . 130
165. Зимняя ночь, стих. Пушкина . —
166. Морозъ, стих. Некрасова . . . —
167. Вьюга, Григоровича 131
168. Святочныя гаданья, стих. Пушкина и Жуковскаго . . . 132
169. Подблюдная пѣсня, народная . 133
170. Масленица, стих. Вяземскаго . —
171. Тройка, Радонежскаго . . . . —
172. Чистый понедѣльникъ 134
173. Скоро весна, Жадовской и Тургенева 135
174. Весна идетъ . . . . . —
175. Весеннія воды, стих. Тютчева . 136
176. Вскрытіе рѣки, С. Аксакова . 137
177. Весна, стих. Майкова . . . . —
178. Услуга за услугу, М. Богданова 138
179. Прилетъ птицъ, его-же . . . . —
180. Жаворонокъ, стих. Жуковскаго 140
181. Вербное воскресенье, изъ книги Сатарова . . . . . —
182. Вербная недѣля въ городѣ, стих. Майкова 141
183. Тайная вечеря, стих. . . . . —
184. Христосъ въ терновомъ вѣнцѣ, стихотвор. 142
185. Воскресеніе Христово, стих. Жемчужникова . . . . . —
186. Христосъ воскресъ, стих. . . 143
187. Весна въ деревнѣ, Мельникова . 144
188. Наступленіе весны, стих. Пушкина 145
189. На полѣ весною, Тургенева . . —
190. Пѣсня земледѣльца, стих. Гербеля 146
191. Священникъ и крестьянинъ, изъ книги „Солнышко“ . . . . . —
192. Весенняя гроза, стих. Кольцова 147

стр.

193. Зеленый Шумъ, стих. Некрасова 147
194. Скворецъ и жукъ 148
195. Лѣто пришло, Ушинскаго . . 149
196. Лѣтомъ, стих. Грекова 150
197. Засуха и дождь, стих. Одоевскаго 151
198. Гроза, стих. Языкова . . . . —
199. Дождевая капля, изъ книги Паульсона 152
200. Хорошая вѣсть, стих. Плещеева 153
201. Кузнечикъ-музыкантъ, Вагнера . —
202. Стрекоза и муравей, басня Крылова 155
203. Муравьи, изъ книги Гречушкина 156
204. Стрекозы, стих. Ал. Толстого . 158
205. Сѣнокосъ . . . . . —
206. Стоги сѣна, стих. Ал. Толстого 159
207. Жизнь комара 160
208. Лѣтній вечеръ, стих. И. Аксакова 161
209. Лѣтнія сумерки, стих. . . . . —
210. Лѣтняя ночь, стих. Никитина . —
211. Лѣтнее утро, его же 162
212. Лѣтній полдень, Тургенева . . 163
213. Солнышко, стих. . . . . —
214. Нива, стих. Майкова . . . . —
215. Передъ жатвой, стих. Некрасова 164
216. Жатва . . . . . —
217. Конецъ жатвы, стих. Кольцова 165
218. Трудовой годъ пахаря, Селиванова 166
219. Что ты спишь, мужичокъ, стих. Кольцова 167
220. Похороны пахаря, стих. Надсона . . . . . —

ОТДѢЛЪ III.

221. Природа и человѣкъ, изъ книги Баранова 169
222. Чудный домикъ, Ушинскаго . —
223. Какъ устроено тѣло человѣка . 170
224. Головушка, стих. Водовозова . 172

стр.

225. Органы человѣческаго тѣла, Ушинскаго 172
226. Какъ обновляется тѣло человѣка 173
227. Долголѣтіе 175
228. Дѣдушка, стих. Плещеева . . —
229. Демьянова уха, басня Крылова . 176
230. Чистота здоровье сохраняетъ, Даля 177
231. Пять внѣшнихъ чувствъ . . 178
232. Слѣпой и молоко, Л. Толстого . 179
233. Богатство 180
234. Счастье и богатство, Даля . . —
235. Мартышка и очки, басня Крылова 181
236. Душевныя способности человѣка, Ушинскаго 182
237. Жилетка, Л. Толстого 183
238. Добрая память, стих. Сурикова . 184
239. У страха глаза велики, Даля . —
240. Утопленникъ, стих. Пушкина . 185
241. Умъ человѣка, Водовозова . . 186
242. Смѣтливый мужикъ, Л. Толстого 187
243. Ворона и лисица, басня Крылова 188
244. Бѣда—глупости сосѣдъ, Л. Толстого . . . . . —
245. Какъ утонулъ мальчикъ, стих. . 189
246. Раскаяніе, Ушинскаго . . . . —
247. Голосъ совѣсти 191
248. Крестьянинъ и Работникъ, басня Крылова 192
249. Волкъ и Котъ, его же . . . 193
250. Правда и Кривда, нар. сказка . 194
251. Наслѣдство, стих. Кольцова . 195
252. Пятачокъ погубилъ, Одоевскаго 196
253. Добрый человѣкъ, стих. Водовозова 197
254. Доброе желаніе, стих. . . . 198
255. Источникъ . . . . . —
256. Маленькій нищій, стих. Величко 199
257. Добрый отецъ, Круммахера . 200
258. Молитва, стих. К. Р. 201
259. Молитва Божіей Матери, стих. Жадовской . . . . . —

стр.

260. Духовныя потребности человѣка, Тихомирова 202
261. Очки неграмотны, Пуцыковича . 203
262. Неученье—тьма, разсказъ путешественника 204
263. Ученье — свѣтъ, изъ кн. Ершина и Волотовск. 205
264. Солнце и знаніе, стих. Водовозова . . . . . —
265. Тѣлесныя потребности человѣка, Тихомир. 206
266. Щука и Котъ, бас. Крылова . 207
267. Ярмарка, стих. Никитина . . . 208
268. Не въ деньгахъ счастье, Л. Толстого 209
269. Думы старика, ст. Кольцова . —
270. Утренняя звѣзда, стих. Жуковскаго 210
271. Трудись съ пользой, бас. Крылова 211
272. Пѣсня въ честь труда, стих. Берга . . . . . —
273. Обмѣнъ труда, Тихомирова . . 212
274. Дерево, бас. Крылова . . . . —
275. Въ ожиданіи парома, Ушинскаго 213
276. Общественныя потребности, Тихомирова 214
277. Русское государство 215
278. Русская земля, стих. А. Толстого 216
279. Родина, Даля . . . . . —
280. Родина, стих. Плещеева . . . 217
281. Село и деревня . . . . . —
282. Сельскій видъ, стих. И. Аксакова 218
283. Уѣздный городъ . . . . . —
284. Зимняя ночь въ городкѣ, стих. Пушкина 220
285. Губернскій городъ . . . . . —
286. Осеннее утро въ губернскомъ городѣ, стих. Бенедиктова . . 222

стр.

287. Столица, изъ „Зер.“ 223
288. Москва, стих. Хомякова . . . 224
289. Кіевъ, его же 225
290. Родная земля, стих. . . . . —

Славянское чтеніе.

1. Сотвореніе міра видимаго и человѣка 227
2. Грѣхопаденіе прародителей . . 231
3. Наказаніе за грѣхъ и надежда на спасеніе . . . . . —
4. Рождество Богородицы . . . 233
5. Введеніе во храмъ Пресвятой Богородицы 234
6. Благовѣщеніе . . . . . —
7. Рождество Христово 235
8. Срѣтеніе Господне 236
9. Іоаннъ Креститель . . . . . —
10. Крещеніе Господне 237
11. Преображеніе Господне . . . —
12. Входъ Господень во Іерусалимъ 238
13. Тайная вечеря 239
14. Іуда Предатель 240
15. Судъ надъ Господомъ Іисусомъ —
16. Распятіе 241
17. Благоразумный разбойникъ . . 242
18. Смерть Господа Іисуса . . . . —
19. Погребеніе Господа Іисуса . . 243
20. Воскресеніе Христово . . . . —
21. Вознесеніе Господне 244
22. Сошествіе Св. Духа на Апостоловъ 245
23. Успеніе Пресвятой Богородицы —
24. Воздвиженіе Креста 247
25. Шестопсалміе . . . . . —
26. Начертаніе цифръ 255

БИБЛІОТЕКА
Въд. Дома Учителя

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
„УЧЕБНОЕ ДѢЛО“

СПБ., Петерб. ст., Большой пр., № 6.

1) Высылаетъ по требованіямъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ, журналахъ и каталогахъ книжныхъ магазиновъ, какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ изданій и книгопродавцевъ.

2) Составляетъ и пополняетъ школьныя народныя, домашнія и общественныя библіотеки, какъ по спискамъ, такъ равно и по каталогамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

3) Изъявившіе желаніе получать постоянно всѣ новости по указаннымъ ими отраслямъ знаній и литературы благоволятъ при требованіяхъ на этотъ предметъ высылать приблизительную сумму.

4) Книги могутъ быть высылаемы въ переплетахъ. Учебные переплеты считаются по 15—20 к., остальные переплеты отъ 40 к. до 2 р. и дороже.

5) Земскія управы, учебныя заведенія, училищные совѣты и т. п. учрежденія пользуются значительной уступкой.

ТИП. Ф. ВАЙСБЕРГА И П. ГЕРШУНИНА